

*Cogito,
ergo sum*

ФРАНЦИЯ В XVI—XVIII ВВ.
ОТ ФРАНЦИСКА I
ДО ЛЮДОВИКА XV

Юбер Метивье

Cogito, ergo sum

ФРАНЦИЯ
В XVI–XVIII вв.
ОТ ФРАНЦИСКА I
ДО ЛЮДОВИКА XV

Cogito, ergo sum

**Франция
в XVI–XVIII вв.
от Франциска I
до Людовика XV**

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЮБЕР МЕТИВЬЕ

Почетный хранитель музеев Франции

Перевод с франц. *А.В. Голубкова и С.В. Панова*

АСТ • Астрель
Москва
2005

УДК 94(44)
ББК 63.3(4)
М54

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.12.04.
Формат 76×100¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 8,40. Тираж 3000 экз. Заказ 890.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

Метивье, Ю.

М54 Франция в XVI—XVIII вв.: от Франциска I до Людовика XV / Юбер Метивье; пер. с фр. А. В. Голубкова, С. В. Панова. — М.: АСТ: Астрель, 2005. — 190, [2] с. — (Cogito, ergo sum: «Университетская библиотека»).

ISBN 5-17-025700-7 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-10734-5 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2 13 052161 4 (франц.)

В период с XVI по XVIII в. монархия во Франции достигла высшей точки своего развития — власть короля стала абсолютной. Именно в это время, которое сами французы называют “старым режимом”, потому что он непосредственно предшествовал Великой революции, вызрели и капиталистическая экономика, и бюрократическая государственная система, и социальные отношения нового типа. На огромном фактическом материале автор анализирует экономические, политические и социальные аспекты абсолютизма, показывает, как и почему они привели к мощнейшему революционному слоуму.

УДК 94 (44)

ББК 63.3(4)

Настоящее издание представляет собой перевод оригинального французского издания «L'Ancien Régime»

ISBN 5-17-025700-7

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-10734-5

(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 2 13 052161 4 (франц.)

ISBN 985-13-4171-1 (Харвест)

© ООО «Издательство АСТ», 2005

© ООО «Издательство Астрель», 2005

© Presses Universitaires de France, 1982

ВВЕДЕНИЕ

Что представляла собой Франция в эпоху монархии? С того самого момента, как революционеры окрестили этот период истории страны «старым режимом», историки, юристы, экономисты все еще пытаются тщательнейшим образом осмыслить его, пролить хоть немного света на эти, все еще сокрытые под завесой тайны, столетия, в то время как большинство людей полагает, что о них им все известно. Можно с уверенностью сказать, что более или менее глубоко исследованны лишь отдельные предметные области этой эпохи: юридическая и политическая система, география и организация различных видов производств. Саму же жизнь предков современных французов до знаменитой революционной ночи 4 августа все еще мало кто себе представляет, и можно сказать, что она до сих пор дремлет в чреве архивов, хранящихся в особняке Субиз или его отделении Гран Минюсье Франции¹, в сокровищницах провинциальных архивов, наконец, в архивах замков, церковных приходов, нотариальных контор.

¹ С 23 марта 1988 г. эти архивы доступны в CARAN (Centre d'accueil et de recherches des Archives nationales) — замечательном современном, функциональном, компьютеризованном центре, расположенном по адресу: 11, rue des Quatre-Fils, 75003 Paris. Ценный подбор ссылок содержится в книге под редакцией Ж.-Ф. Сольнона «Sources d'histoire moderne, XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles» (Larousse, 1994).

Какова же цель нашей книги? Подвести итог современных исследований, посвященных Франции эпохи монархии, составить целостную картину эпохи, хотя, возможно, «лоскутную» и неполную, напоминающую, с одной стороны, учебное пособие по существовавшей тогда юридической системе, с другой — исторический и социально-экономический очерк и сводный анализ библиографических источников. Так как выбор фактов и гипотез ограничен, мы сосредоточимся на исследовании экономической конъюнктуры (в том числе и мировой), а также происхождения и развития структурных и социальных элементов монархической Франции¹.

1. Основу монархической Франции составляло *общество*, целиком находившееся во власти трех главных составляющих. Первая среди них — *обычаи*, унаследованные из продолжительного Средневековья. Обычаи являлись законами, регулировавшими отношения между индивидуумами и различными сообществами какого-либо региона страны (городов или историко-географических образований), основой системы гражданского права каждой из провинций и даже каждой из налогооблагаемых административных единиц. Правовая система исходила из общественного договора — самого настоящего договора между тремя сословиями государст-

¹ См. также: *Bluche F.* «L'Ancien Régime». Institutions et société. Editions de Fallois, Le Livre de Poche, coll. «References», LP 10, 1993, автор рассматривает монархическое государство на тех же самых основаниях; *Richet D.* La France moderne. L'esprit des Institutions. Flammarion, 1973; coll. «Champs», n 86, 1980; *Cabourdin G. et Viard G.* Lexique historique de la France d'Ancien Régime. A. Colin, coll. «U», 1978; 3e ed., 1998; *Bely L. (sous la dir. de).* Dictionnaire de l'Ancien Régime. Royaume de France, XVe–XVIIe siècle. PUF, coll. «Grands Dictionnaires», 1996; *Marion M.* Dictionnaire des institutions de la France aux XVIIe et XVIIIe siècles. A. et J. Picard, 1923; reimpression, 1984.

ва, за исключением южных регионов, где царило римское право — Кодекс Юстиниана. Как говорил Дюмулэн, выдающийся юрист XVI в.: «Наши обычаи — наше истинное право». Считалось, что частное право находилось в компетенции народа, точно так же, как публичное право — в компетенции короля-суверена.

Помимо того, что в нем доминировали обычаи, французское общество было также *корпоративным* и *иерархическим*¹. Индивид был не в счет, у него не было никаких иных прав, кроме тех, которыми обладала его социальная группа. Зато эти группы ни в коей мере не походили на индийские касты, они были открыты и социально активны. Вся история Франции эпохи монархии — это история встраивания в юридическую, материальную и моральную иерархию различных социальных образований («корпусов», «коммун», «компаний», «учреждений»). Каждое из них имело свои правила и собственное управление, обладало своими «свободами» («льготами»), своими привилегиями, т. е. жило по собственным гражданским законам. Таким образом, корпоративная организация являлась фундаментом монархического общества. Различные корпорации действовали на всех уровнях иерархии: три со-

¹ Об этом свидетельствуют многочисленные исследования: *Goubert P. et Roche D. Les Français et l'Ancien Régime*. A. Colin, 1984–1985, 2e ed., 1991, 2 vol.; *Mousnier R. Les Institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598–1789*. PUF, 1974 et 1980, 2 vol.; coll. «Dito», t. I: *Société et Etat*, 3e ed., 1996; t. II: *Les organes de l'Etat et la société*, 2e ed., 1992; *Barbiche B. Les Institutions de la monarchie française à l'époque moderne, XVIe–XVIIIe siècle*/ PUF, coll. «Premier Cycle», 1999; *Chaunu P. Histoire, science sociale. La durée, l'espace et l'homme à l'époque moderne, 1517–1620*. SEDES, 1974; nouv. ed., 1984; *Pietri L. et Venard M. La fin du Moyen Age et les débuts du monde moderne. Du XIIIe au XVIIe siècle*. R. Laffont, coll. «Bouguins», série «Le Monde et son histoire», t. II, nouv. ed., 1984; *Leon P. et coll. Histoire économique et sociale du monde*. A. Colin, t. II et III, 1978; *Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle*. A. Colin, 5e ed., 1988, 3 vol.

словия, городские муниципалитеты, сельские и приходские коммуны, торговые и ремесленные союзы, королевское чиновничество, коллегии юристов (адвокаты, прокуроры, нотариусы, а также их помощники), коммерческие и финансовые компании (сборщики налогов, банкиры), врачи, цирюльники и хирурги, аптекари, преподаватели и студенты университетов и колледжей, академики, и т. д. Каждая корпорация — вплоть до собрания жителей, арендаторов, землепашцев, глав семейств (домовладельцев) после воскресной мессы для принятия решений местного значения по требованию сеньора или посланцев короля — обладала «свободами и привилегиями».

Социальная иерархия носила двойственный характер. С одной стороны, существовала определенная экономическая градация в соответствии с доходами, однако куда большее значение имела градация психо-социальная (менталитет): по происхождению или принадлежности к тому или иному социальному образованию. Именно в ней коренились все социальные противоречия. Дворянин, живущий на тощую господскую ренту, презирал богатого торговца, на дочери которого женился для того, чтобы вновь «покрыть золотом свой герб» и «унавозить свою землю». Персонажи Мольера мадам ла Байив и мадам л'Элю, гордые супруги королевских чиновников, выказывали пренебрежение к «демуазелям» из семей городской буржуазии и даже к женам крупных негоциантов. А «негоцианты» в свою очередь презирали ремесленников и рабочих. В деревнях крупный фермер, монополизировавший землю и нередко собиравший за своего господина подати, свысока смотрел на остальных крестьян. Фермера терпеть не могли сборщик арендной платы или налоговый прокурор от се-

ньора, потому что, хотя они часто были совсем бедны, все же являлись чиновниками, освобожденными от податей и обязанности предоставлять жилье военным: эти привилегии давали им моральное превосходство над простолюдинами.

Наконец, последняя составляющая: это общество было *католическим*. И здесь даже не столь важна степень набожности подданных христианейшего короля, как и мера неверия вольнодумцев XVII-го или философов XVIII в. Ведь католическая религия была религией «государства и короны Франции», а следовательно тем костяком, на котором, зиждилась жизнь любого француза от крещения до соборования. Это общество имело своих изгоев — еретиков, евреев, комедиантов, всех тех, кого клеймила и отказывалась хоронить в «освященной земле» церковь. Духовенство вело акты гражданского состояния, регистрируя крещения (а не рождения), заключения браков (тайнство, по каноническому праву, превалирующее над гражданским брачным контрактом) и погребения. Все образовательные учреждения, сельские школы для детей (если таковые имелись), коллежи и университеты в подавляющем большинстве основывались церковью и гораздо реже — государством. В действительности большая часть человеческой деятельности протекала под эгидой церкви и религии, начиная с устройства госпиталей и богаделен (добродетель милосердия) до ремесленных, профессиональных и социальных объединений: любая социальная группа или коммуна почитала своего святого покровителя и защитника. В практически любом частном или общественном документе читаем воззвания к Святой Троице или Божественному Провидению. Словом, вся жизнь француза, до мельчайших деталей быта, носила глубокий отпе-

чаток католицизма. Католическим было и государство: король, потомок святого Людовика, был связан с церковью через коронование и миропомазание. Общественная жизнь была пропитана религией, взаимными усилиями церкви и государства, хотя первая и была подчинена последнему по Конкордату 1516 г., документу, определившему особый «галликанский» характер французской церкви, духовно и канонически подчиненной Риму, а временно и дисциплинарно — королю.

2. Французская монархия — это режим *политический*, основанный на божественном праве короля, а следовательно стремящийся к абсолютной личной власти. Эта тенденция формировалась на протяжении всего Средневековья, но окончательно утвердилась в правовом отношении и вошла в жизнь к концу XV — началу XVI вв. Именно с этого момента условно отсчитывается период, опять же условно называемый «старым режимом», что убедительно показали Жорж Пажес и многие другие исследователи¹. Стало быть, термин «старый режим» охватывает три последних века французской монархии. Почему? По многим причинам. Несмотря на укорененность многочисленных средневековых пережитков (юридических, социальных и ментальных), Возрождение внесло в жизнь свой «современный» отпечаток, даже если эта «современность» XVI в. не была так четко и глубоко выраженной, как этого хотел бы

¹ См.: *Pagès G. La Monarchie d'Ancien Régime en France. A. Colin, 1928, nouv. éd. 1946.* После издания этой работы проблема формирования и функционирования «старого режима» была более углубленно изучена многими авторами: *Bercé Y.-M. (sous la dir. de). Les Monarchies. Histoire générale des systèmes politiques. PUF, 1997; Antoine M. Le dur métier de roi. Etude sur La civilisation politique de la France d'Ancien Régime. PUF, coll. "Histoires" 1986; Barbey J. Etre roi. Le roi et son gouvernement en France de Clovis à Louis XVI. Fayard, 1992; Bonney R. L'Absolutisme. PUF, coll. "Que sais-je?", № 2486, 2 éd', 1994.*

Анри Озер¹. Королевская власть при Франциске I значительно окрепла, получив сильную как материальную, так и теоретическую базу за счет более или менее признаваемых заимствований из кодекса Юстиниана и «Государя» Маккиавели, официально, впрочем, не одобряемых во Франции. Последние крупные феодалы «укрощены» или изгнаны из страны; составлено и принято законодательство; французский становится официальным государственным языком; королевская власть последовательно упраздняет старые автономии, объединяя под своим влиянием все социальные группы и консолидируя нацию посредством развития государственных структур (правосудия, налогообложения, армии) и регулирования экономики. Наконец, первые ростки капиталистических отношений: постепенное вытеснение натурального хозяйства товарно-денежными отношениями, начало общественного и частного кредитования — ускоряют подъем буржуазии за счет старого землевладельческого дворянства. На представительном коллоквиуме 1956 г., посвященном эпохе Возрождения, впрямую ставился вопрос о правомерности термина «государство возрожденческого типа»². В качестве довода «за» приводился подъем национального самосознания в различ-

¹ См.: Colloque sur La Renaissance de 1956: Y a-t-il une économie de la Renaissance? S.Vrin, 1958. Весьма распространенные оценки по вопросу относительного разрыва со Средневековьем находим в работах: P.Chaunu (sous la dir. de). Les éléments de longue durée dans la France du XVIIe siècle — XVIIe siècle, № 106–107, 1975; Garapon R. et Vanuxem J. Présence du Moyen Age dans la France du XVIIe siècle. Art, Littérature, Erudition. // XVIIe siècle, № 114–115, p. 15–98; Chaunu P. Le Temps des Réformes. La crise de la chrétienté, l'éclatement (1250–1550). Fayard, 1975; Margolin J.-C. et divers. L'avènement des Temps modernes. PUF, coll. «Peuples et Civilisations», t. VIII, 1977.

² Доклад итальянского историка Федерико Шабода; см. также: Yardeni Myriam. La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559–1598). Louvain, thèse Paris-Sorbonne, t.59, 1971; Jacquart J. François I. Fayard, 1981.

ных европейских странах, хотя Анри Озер, скорее всего, и преувеличил его степень. Впрочем, Ролан Мунье процитировал Гальо де Женуяка, гордого тем, что пожертвовал королю и родине собственного сына (хотя идея государства зиждилась, скорее, на верности королю, чем на коллективно-территориальном патриотизме современного типа). Другим доводом стало распространение государственной идеи как основы общественного порядка, гарантированного окрепшим абсолютизмом, который не успел еще стать формой не признававшего законов деспотизма (Р.Мунье). Особенно подчеркивалось развитие государственного аппарата — бюрократической структуры, основанной на законодательной базе и связавшей множество «государств» (т. е. различных условий и сообществ) в одно.

Таким образом, перед нами абсолютная монархия, ставшая над обычными средневековыми учреждениями и питаемая уже «современными» национальной и государственной идеями, капиталистическими отношениями, духом индивидуализма, утилитаризма и светскости. Государственная идея, заключающаяся в понимании общественного интереса, освобожденного от религиозных правовых отношений между королем и верноподданными, — характерная черта возрожденческого духа. XVI в. был порой созревания монархической Франции, а XVII в. явился апогеем этой формы государства, одержавшего победу над нацией и достигшего зыбкого равновесия между аппаратом королевской власти и различными стратами общества, а также временного паритета между дворянством и буржуазией, между Землей и Деньгами. Однако денежные мешки мало-помалу скупали земельные ресурсы, буржуазия проникала в среду аристократии, укрепляя и обновляя ее для пользы монархического государства. И уже XVIII в. был от-

мечен кризисом, вызванным крахом равновесия «аристократия — буржуазия», т. е. победным подъемом последней, торжеством ее духа, ее либеральных экономических и финансовых методов и закатом активно защищавшегося привилегированного дворянского сословия. Социальный антагонизм становится самой серьезной проблемой того времени, обернувшейся настоящим правительственным кризисом. И если Людовик XV удавалось сдерживать этот конфликт путем мелких уступок утилитарному либерализму и эгалитарному индивидуализму буржуазных идеологов, то Людовик XVI отказался от подобного лавирования. Этот монарх выступил не в качестве стоящего над схваткой арбитра, а как сторонник и рьяный защитник двух высших сословий, став прямо с момента восшествия на престол королем привилегированных, т.е. 500 тыс. французов из 25 млн. В эпохальном противостоянии сословий король окончательно абсолютизировал свою власть, что к 1789 г. прибавило к социальным, налоговым и бюджетным проблемам государства еще и конституционную¹.

¹ См.: *Ellul V. J. Histoire des institutions*, t. IV: XVI'—XVIII' siècles. PUF, coll. "Témis", section Science politique, 1981; 12 éd., 1994, особенно библиографию; *Touchard J. et coll. Histoire des idées politiques*, t. I et II (PUF, coll. "Témis", 13 et 11 éd., 1999 et 1993); *Sueur Ph. Histoire du droit public français, XV'—XVIII siècles. La genèse de l'Etat contemporain*, t. I: Constitutions monarchique; t. II: Affirmation et crise de l'Etat sous l'Ancien Régime. PUF, coll. "Témis", 2' éd., 1993 et 1994, 2 vol.; *Manuels d'Histoire du droit de Chénon, de Declareuil ou de F. Olivier-Martin; Dictionnaire des institutions de la France aux XVII et XVIII siècles de M. Marion. A. Picard, 1923; 3' éd., 1984). Mandrou V. R. Introduction à la France moderne. Essai de psychologie historique (1500—1640). Albin Michel, coll. "L'Evolution de l'Humanité", n' 36, 1961; nouv. éd. 1989; *Durand G. Etats et institutions, XVI'—XVIII siècles. A. Cohn, coll. "U", 1969; Bennassar B. et Jacquart J. Le XVI' siècle. A. Cohn, coll. "U", 2 éd. mise à jour, 1992; 3' éd., 1997; Lebrun Fr. Le XVII' siècle. A. Cohn, coll. "U", 2' éd., 12' tirage, 1997; Denis M. et Blayau N. Le XVIII siècle. A. Cohn, coll. "U", 2' éd. mise à jour, 2' tirage, 1990. См. также: все труды Ф. Броделя; *Tuchle H. et coll. Réforme et Contre-***

«Французское общество эпохи «старого режима»... не было ни обществом сословий, ни обществом классов или каст... все это — лишь этикетки, упрощающие и обедняющие реальность... В разных обстоятельствах оно было и тем, и другим, и отчасти третьим, а еще чем-то иным, тем, чем оно даже и не мечтало быть... Оно было таким, каким его себе представляли или описывали; оно было таким, каким его смутно видела толпа безграмотного люда, ничего или почти ничего не сказавшего нам об этом; оно — то, что мы представляем себе сейчас сами, с нашими заботами, ужасными пробелами в знаниях, симпатиями и антипатиями», — писал Пьер Губер.

Réforme (Le Seuil, coll. «La Nouvelle Histoire de l'Eglise», t. III, 1968), Rogier L.-J. et coll. Siècle des Lumières, Révolutions, Restaurations (*ibid.*, t. IV, 1966); DUBY G. et MANDROU R. Histoire de la civilisation française. A. COHN, coll. «U», t. 1, 7e éd., 1984; t. II, 8e éd., 1987; L. G. F., Le Livre de poche, coll. «Référence», 409, 1993; LEON P. Economies et sociétés préindustrielles, 1650—1780. A. COHN, coll. «U», 1970.

Интерес представляют и относительно недавние работы: LABATUT J.-P. Les ducs et pairs de France au XVIIe siècle. PUF, 1972; BOURGEON J.-L. Les Colbert avant Colbert. Destin d'une famille marchande. PUF, coll. «Dito», 2e éd., 1986; ARMENGAUD A. La famille et l'enfant en France et en Angleterre du XVI au XVIIIe siècle. SEDES, 1975; LEBRUN FR. La vie conjugale sous l'Ancien Régime. A. COHN, coll. «U-Histoire», № 238, 4e éd., 1998; LE ROY LADURIE E. Le territoire de l'historien. Gallimard, 1973—1978, 2 vol.; MCNEILL W. Le Temps de La Peste. Essai sur les épidémies dans l'Histoire. Hachette, 1978; ARIÈS PH. L'Homme devant la mort. Le Seuil, coll. «Univers historique», 1977; MUCHEMBIED R. Cultures et société en France. Début du XVI — milieu du XVIIe siècle. SEDES, coll. «Regards sur l'Histoire», № 100, 1995; DAVIS N. Z. Les cultures du peuple. Rituels, savoirs et résistances au XVIe siècle. Aubier, 1980; DELUMEAU J. La peur en Occident. XIV—XVIIIe siècle; Une cité assiégée. Fayard, coll. «Histoire», 1978; Hachette, coll. «Pluriel», 1980; Le péché et la peur en Occident. La culpabilisation en Occident, XIII—XVIIIe siècle. Fayard, 1983; Rassurer et protéger. Le sentiment de sécurité dans l'Occident d'autrefois. Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1989; L'Aveu et le pardon: les difficultés de la confession (XII—XVIIIe siècle). Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1990; Une histoire du paradis, t. I; Le jardin des délices, t. II; Mille ans de bonheur. Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1992 et 1995; DARMON P. Mythologie de la femme dans l'Ancienne France. Le Seuil, 1983; CROIX A., JACQUART J., LEBRUN F. La France d'Ancien Régime. Etudes réunies en l'honneur de Pierre Goubert. Privat, Toulouse, Société de Démographie historique, 1984, 2 vol.

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАНЦИИ XVI ВЕКА

1. Экономика Франции XVI века: факты и теории

Экономика Франции в XVI веке проходила период продолжительного подъема, фазу А в терминологии Ф. Симиана, предложившего изучать динамику цен в соотношении с ритмом экономической жизни (1932). Так называемый «долгий XVI век» (ок.1480 – ок.1640) был отмечен количественным, монетарным и территориальным ростом государства, т. е. экономическим возрождением. Однако можно ли говорить об «экономике Возрождения»? Вопрос этот обсуждается до сих пор¹. И если одни историки (А. Озер, Р. Мунье, Э. Лабрусс,

¹ См. материалы Международного конгресса по историческим наукам (Рим, 1955) (*Relazioni*, IV, 1956) и Коллоквиума по эпохе Возрождения, июнь 1956 (Vrin, 1958), с библиографией. См. также: *Delumeau J. Civilisation de la Renaissance*. Arthaud, 1967; éd. poche, 1984, в особенности раздел «Réinterprétation de la Renaissance; les progrès de la capacité d'observer, d'organiser et d'abstraire» // *RHMC*, 5. XIV; *Morineau M. Le XVI siècle* // Larousse de poche, t. VIII, 1968, nouv. éd., 1973. *Le Roy Ladurie E., Morineau M., Chaunu P. et Gascon R. Histoire économique et sociale de la France* (sous la dir. de F. Braudel et E. Labrousse). PUF, 2 vol., 1977; coll. «Quadrige», № 161, 1993; *Mauro F. Le seizième siècle européen. Aspects économiques*. PUF, coll. «Nouvelle Clio», № 32, 3e éd., 1981.

Р. Тони) считают этот век периодом подъема и резко-го разрыва со Средневековьем, то другие (Л. Февр, Ж.Ю. Неф, М. Мола, Ш. Верлинден, А. Лапейр, А. и П. Шоню, Р. де Роовер) настаивают на сильном влиянии Средневековья на методы и технологии организации финансов и производства, особенно сельскохозяйственного, наряду с прогрессом в мореплавании, книгопечатании, угольной промышленности и металлургии, а также формированием крупных торгово-банковских состояний¹. Не менее заинтересованно обсуждается и то, какое влияние на общее повышение мировых цен оказал выброс на рынок огромного количества добываемых в америанских колониях Испании ценных металлов². В целом экономика XVI века характеризовалась множеством региональных различий и локальных рынков, и общий рост цен не затронул динамики их краткосрочных колебаний по странам в отдельности, хотя детали этого процессе все еще остаются малоизученными. А главной, хотя и далеко не единственной, причиной общего роста цен явилась металло-монетарная инфляция, как это показал еще в 1568 г. Жан Бодэн в своем «Ответе г-ну де Мальтруа» (публикация А. Озера, 1932). Экономика Франции³ развивалась в русле начавшейся в последней трети XV в., после больших войн за вну-

¹ *Jeannin P.* Les marchands au XVIe siècle. Le Seuil, 1967.

² *Hauser H.* Les débuts du capitalisme. Alcan, 1927; *Braudel F. et Spooner F.* Cambridge Economic History, t. IV, 1967. См. также статью: *Coornaert E.* Le capitalisme au XVI siècle // Monde nouveau, juin 1956, а также многочисленные статьи в «Annales ESC», начиная с 1950 г.

³ См. также: *Mousnier R.* Les XVI et XVII siècles. PUF, coll. «Histoire générale des civilisations», nouv. éd., 1967; coll. «Quadrige», №146, 1993; *Doucet R.* La richesse de la France au XVI siècle // Revue d'Histoire moderne, t. XIV (nouv. série t. VIII), № 38, juin-juillet 1939, p. 288–300; *Monnier L.* La crise économique en France au XVI siècle // Ann. HES, 948; *Jacquart J.* La crise rurale en Ile-de-France (1550–1670). A. Cohn, coll. «Publications de la Sorbonne», 1974; *Cabourdin G.* Terre et hommes en Lorraine (1550–1635). Pu Nancy, 1984, 2 vol.; *Croix Alain.* La Bretagne aux XVI et XVII siècles. La vie, la mort, la foi. Maloine, coll. «Provinces de France», 1980, 2 vol.

тренную колонизацию пустовавших территорий, общеевропейской тенденции роста цен и экспансии. Об улучшении экономических показателей и демографическом росте можно судить хотя бы по похвалам Сесселя (Похвала королю Людовику XII, 1508 г.), поскольку до анализа роста производства, рынка, монетарного обращения, предпринятого Дюмуленом, Мальтруа, Ботэном и Гишардэном, было еще далеко. Однако это процветание характеризовалось весьма рваным, все еще очень средневековым по существу ритмом. Ему сопутствовало множество малоизученных кризисов. Вызываемые неурожаем, эпидемиями, междоусобными войнами, они затрагивали как сферу производства, так и финансы, примером чему могут служить повальные банкротства в Европе в 1557—1559 гг. Среди этих как малозаметных потрясений, так и крупных спадов (ок. 1575—1585), очень трудно выделить те, что были связаны с товарным кризисом, и те, что вызывались кризисом монетарным. И все же, как показали исследования крупных мануфактур, рынков и таможен в регионах Лиона¹, Руана², Нанта³, Ла-Рошеля⁴, Марсея⁵, Зунда⁶,

¹ Doucet R. (Lyon). Des origines de 1595, coll. Histoire de Lyon, t. I, sous la dir. de A. Kleinclauscz. P. Masson, Lyon, 1939; Gascon R. Grand commerce et vie urbaine au XVIe siècle. Lyon et ses marchands (environs de 1520 — environs de 1580). SEVPEN-Mouton, coll. "Civilisations et sociétés", 22, 1971, 2 vol.

² Mollat M. Le commerce maritime normand à la fin du Moyen Age. Plon, 1952.

³ Tanguy J. Le commerce de Nantes au milieu du XVIe siècle. A. Cohn, EPHÉ, VIe section, Centre de recherches historiques, coll. "Ports, Routes, Trafics", VII, 1956.

⁴ Trocmé E., Delafosse M. Le commerce rochelais de la fin du XVe siècle au début^e du XVIIe siècle. SEVPEN, coll. "Ports, Routes, Trafics", 5, 1952/3.

⁵ Collier R., Billioud J. Histoire du commerce de Marseille, t. III: De 1480 à 1599. Plon, coll. publiée sous la dir. de G. Rambert, 1951.

⁶ Jeannin P. Les comptes du Sund comme source pour la construction d'indices généraux de l'activité économique en Europe (XVIe—XVIIe siècle) // Revue historique, t. CCXXXI, 1964, p. 55—102 et 307—340.

Севильи¹, Ливорно², вопреки потрясениям в целом баланс Франции был профицитным. Однако это трудно выразить в цифрах, поскольку та эпоха, грубо говоря, плохо умела считать, в том числе и потому, что приходилось пользоваться неудобными римскими цифрами, так что немало документов, причем финансовых, отличалось приблизительностью в расчетах (Р. Дусэ). Впрочем, вот что удается установить:

а) *Деньги*³. Во Францию, поставлявшую целый ряд товаров Испании, ценные металлы поступали неравномерно. В начале завоевания Америки в изобилии поступало золото, и потому спекулянты охотились за серебром, взвинчивая на него цену, в результате золотой ливр стал стоить меньше пошедшего на него металла. Однако к 1530 г. объем серебра уже в 6 раз превышал объем золота. После 1545 г., когда начали функционировать рудники в Потоси, соотношение стало обратным: при избытке серебра (к 1590 г. приток серебра в 197 раз превышал приток золота) на рынке высоко котировалось ставшее дорогим золото. Золото скупали и для экспорта, и для переплавки по цене дороже его законной стоимости. Вследствие спекуляций на изменениях цен на золото и серебро французские деньги обесценивались, и это хорошо понимали представители монетного двора и руководители счетной палаты. Обесценивание ливра привело к вторжению на рынок «плохих» иностранных денег и к выводу из

¹ Chaunu H., Chaunu P. Séville et l'Atlantique (1504–1650). A. Cohn, coll. "Ports, Routes, Trafics", 6' à 6", 1955–1959, II vol..

² Braudel F., Romano R. Navires et marchandises à l'entrée du port de Livourne (1547–1611). A. Cohn, coll. "Ports, Routes, Trafics", 1, 1951.

³ См. две статьи Шлехтера «La monnaie en France au XVI siècle» // R. Hist'. Droit (1951 и 1952), а также: статью Ф. Спунера «L'économie mondiale et les frappes monétaires en France (1493–1680)» (A. Colin, 1956); Day J. et coll. Etudes d'histoire monétaire, XII–XIX siècles. Presses Universitaires de Lille, 1984.

обращения «добрых» французских монет, прекрасных эцю с «солнцем» (при Карле VIII), с «дикобразом» (при Людовике XII), с «саламандрой» (при Франциске I), с «крестиком» и с «месяцем» (при Генрихе II), а также серебряных «тестонов» (при Людовике XII и Франциске I). В правление Генриха III финансовая поддержка, оказанная Филиппом II Католической Лиге, привела к новому наплыву испанского серебра. В результате к 1600 г. покупательная способность серебряных денег уменьшилась приблизительно на $4/5$ по сравнению с 1500 г. Неудивительно, что цены в течение одного столетия подскочили вчетверо, а то и впятеро — ввиду отсутствия единого средства платежа для покупки того же самого товара требовалось гораздо больше монет из обесцененного серебра или «полегчавших» ливров.

б) *Цены.* Повышение цен, таким образом, было обусловлено неблагоприятной монетарной ситуацией, вызванной двумя факторами: избытком золота и серебра (как показал Ж. Бодэн) и обесцениванием ливра в обращении (Мальтруа). Рыночный обмен был бесконечно разнообразен в зависимости от времени и регионов, и экономики разных областей отличались большим количеством нюансов. Так, например, Бургундия и юго-запад, в частности, Лион — банковский центр и перекресток торговых путей, буквально «задохались» от импортного золота и серебра (близость к испанской границе?). Причиной повышения цен выступали и рост объема кредитования в крупных деловых центрах, и инвестиции, объемы которых также увеличились ввиду роста численности населения, и повышенный спрос на предметы роскоши в придворной, дворянской и буржуазной среде, и возросшая потребность в наемных солдатах. Наконец, гражданские войны второй половины века опустошили и обезлюднили

страну; рост сельскохозяйственного и ремесленного секторов экономики замедлился, что вызвало нехватку продовольствия и, как следствие, новый рост цен. Причем происходил он скачкообразно. Например, за 14 лет правления Карла IX (1560—1574) цены за ночлег на постоялом дворе выросли в 5 раз, что просто потрясло современников. В среднем же, по разным оценкам, в течение этого столетия цены на мясо выросли в два, на землю — в три, а на зерно — в пять раз.

Характерным для «старого режима» до самого его окончания было то, что неровный ритм экономического развития в меньшей степени обуславливался структурой хозяйства, чем случайными факторами: непогодой, эпидемиями или, наоборот, всплесками рождаемости. Другими словами: для общей экономической ситуации в стране гораздо большее значение имело сельскохозяйственное производство, нежели торговля и финансы. Это положение не отменило и все более сильное вторжение государства в экономику, начавшееся в правление Людовика XI.

В итоге рост цен существенно снизил устоявшийся уровень доходов различных категорий населения: сельских землевладельцев (это видно по сумме поступавших налогов), особенно тех, кто сдавал свои земли в аренду, и массы наемных работников. Однако в то же самое время инфляция увеличила капиталы, стимулировала спрос, дала толчок развитию промышленности и торговли, росту городов.

в) *Социально-политические последствия.* Самым главным фактором здесь было возросшее влияние государства на экономику. Королевская власть стремилась создать благоприятные условия для коммерции путем разработки торгового законодательства, унификации налогов и правил их взимания (указы 1540 и 1558 гг.),

строительства дорог и упрощения их эксплуатации (мосты и дороги перешли в ведение казначейства), оптимизации водного сообщения (разрушение запруд, мельниц и т. д., снижение дорожных пошлин). Власть осуществляла также гибкую продовольственную политику: обязательная продажа зерна на местных рынках, введенная указом от 1532 г., позволила избежать спекуляций, а значит и голода в регионах-производителях, устраняя тем самым причину оттока сельского населения в города. В урожайные годы напротив разрешалось свободно продавать излишки, в том числе и на экспорт (указ от 1559 г.). Изголодавшаяся Испания регулярно закупала французское зерно, причем даже контрабандой, что способствовало еще большему притоку денег. Экономический национализм утверждался в виде протекционизма, отмеченного введением жестких таможенных правил: запрета на экспорт продуктов питания (Жан Бодэн) и других жизненно важных товаров; запретом на импорт «изделий ремесленников» и продукции зарубежных мануфактур, т.е. всего того, что способствовало бы оттоку денег из страны. В 1576 г. протекционистские меры короля получили одобрение собравшихся в Блуа Генеральных Штатов. Впрочем, таможенную политику того времени не назовешь четкой и определенной несмотря на попытки систематизации, содержащиеся в указе Генриха III от 1581 г. Порой фискальная составляющая в ней противоречила идеям протекционизма, например одинаковым налогом облагались и импорт предметов роскоши (пряностей, тканей, мехов), и экспорт отечественных товаров (зерна, вин, полотна). Можно предположить, что высокие экспортные налоги были обусловлены примитивной, в сущности, мыслью о том, что по причине вывоза продовольствия государство может обеднеть.

Эта идея владела умами вплоть до Революции, и часто местные и провинциальные власти препятствовали, иногда прямо вопреки королевским указам, вывозу местной продукции, особенно продовольствия — страх голода был у людей в крови.

В монетаристской области короли боролись за установление порядка и против спекулянтов, однако череда указов Генриха II (от 1549 г., от 5 июня 1551 г., от 8 апреля 1554 г., от 27 июля 1555 г.) свидетельствует о том, что борьба эта была малоэффективной. Правительство ничего не могло сделать ни с оттоком отечественной валюты, ни со злоупотреблениями ювелиров, менял и чеканщиков. Поставить заслон притоку «плохой» иностранной валюты также не удавалось. На монетах не был указан номинал, что рождало возможность оценивать их совершенно произвольно. Пользуясь этим, спекулянты, скупая «добрые» французские монеты за иностранную валюту более низкого достоинства и веса, обесценивали те деньги, которыми взимались налоги. Обеспокоенность этим обстоятельством господствующих классов проявилась в долгих теоретических дискуссиях Бодэна и Мальтруа (1566—1568 гг.) и дебатах Генеральных Штатов в 1560-м и 1576 гг. Наконец, в 1577 г. Генрих III и канцлер де Бираг предприняли попытку стабилизировать ситуацию, упразднив привычный ливр и введя экю, стоимость которого была зафиксирована и составляла 3 ливра. Эта мера, нацеленная на сохранение значения золота как единственного платежного средства, успешно действовала на протяжении почти 16 лет, однако к 1592 г. вследствие гражданских войн и нового притока испанского серебра опять началась инфляция, и золотое экю выросло в цене до 8 ливров. Основатель новой динас-

тии Генрих IV сумел изгнать из страны испанцев, но не испанские деньги. И, как следствие, указом от 1602 г. ему пришлось восстановить ливр в качестве денежной единицы и вернуться к монетарному биметаллизму, т. е. признать как золотые, так и серебряные деньги. Последующие правительства еще долго продолжали объявлять официальный курс лиг्रा, соля и денье, то повышая его, если скапливались долги, чтобы платить меньше, то понижая, если колебание курса могло принести выгоду.

2. Социальная структура общества и экономика

Демография XVI в.¹ изучена очень плохо: мы не имеем ни данных переписей, ни каких-либо оценок современников. Ведение метрических книг, вмененных в обязанность кюре распоряжением де Вилле-Котрэ в 1539 г., оставляло желать лучшего. К тому же необходимо иметь в виду, что в них не фиксировались люди, не имевшие постоянного жилья, а также гонимые протестанты. По расчетам Ролана Мунье, численность населения в 1559 г. приблизительно составляла 18–19 млн человек, а плотность — 40 человек на 1 кв. км. (Для сравнения Елизавета I правила 3,5 млн англичан.) По официальным данным в 1549 г. в Париже проживало около 150 тыс. человек, а по «переписи», проведенной

¹ См. о демографии «старого режима» статью А. Бюргера в «*Mélanges Braudel*» (Toulouse, Privat, 1973, p. 87). См. также: *Dupâquier J.* Introduction à la démographie historique. Gamma, 1975; *Histoire de la population française*, t. II: De la Renaissance à 1789. PUF, 2e éd., 1991; coll. «Quadrige», № 182, 1995; *Pillorget R.* La tige et le rameau, familles anglaise et française, XVI–XVIII siècle. Calmann-Lévy, 1979; *Biraben J.-N.* Les hommes et la peste en France et dans les pays méditerranéens. Mouton, 1975–1976, 2 vol.

Генрихом IV во время осады 1590 г., — около 200 тыс. Однако мы плохо представляем себе миграцию этого населения, а также уровень смертности при столь частых эпидемиях. И все же кое-какими демографическими данными мы располагаем. Так, например, отмечалась весьма высокая рождаемость (на одну женщину приходилось в среднем 12 беременностей, иногда 20), очень высокая смертность, особенно детская (50% детей умирали на первом году жизни), увеличивавшаяся еще и из-за регулярных эпидемий, недостаточного питания и отсутствия гигиены. В XVI в. сорокалетние люди считались стариками, шестидесятилетние — долгожителями, а крестьяне и ремесленники редко доживали до 30.

Это население, постоянно обновляемое за счет быстрого прироста, с юридической и экономической точки зрения, оставалось достаточно стабильным: 96—97% составляли сельские жители — землевладельцы и крестьяне.

1. Из хижины — в замок¹. Структура земельного законодательства Франции была одновременно и *феодалной*, и *сеньоральной*.

¹ См.: *Bloch M.* Les caractères originaux de l'histoire rurale française. A. Cohn, 1952 et 1956, 2 vol.; t. II mis à jour par R. Dauvergne; nouv. éd. préfacée par P. Goubert, 1989; *Raveau V. P.* L'agriculture et les classes paysannes; la transformation de la propriété dans le Haut-Poitou au XVI siècle. Rivière, 1926; *ego же* Essai sur la situation économique et l'état social en Poitou au XVI siècle. Rivière, 1931; *Bézarde Y.* La vie rurale dans le sud de la région parisienne de 1450 à 1560. Firmin Didot, 1932; *Dion R.* Essai sur la formation du paysage rural français. Tours, 1934; Histoire de la vigne et du vin en France, des origines au XIX siècle. Paris, L'auteur, 1959; *Lizerand G.* Le régime rural de l'ancienne France. PUF, 1942; *Roussel G.* Histoire de la campagne française. Plon, coll. "Terre humaine", nouv. éd., 1974; *Dartigue-Peyrau Ch.* La vicomte de Béarn sous Henri II d'Albret, 1517—1555. Les Belles-Lettres, 1934; *Le Ray Ladurie E.* Les paysans de Languedoc (XV—XVII s.). SEVPEN, 1966; EHESS, coll. "Civilisations et sociétés", 42, 1974, 2 vol.; Flammarion,

Эти два понятия зачастую путают: уже поколение 1789 г., от юристов до крестьян, понимало под феодализмом и феодальным правом собственно сеньюральные, т. е. вассальные обязательства сеньоров и повинности крестьян. А советские экономисты и историки вплоть до конца XX в. обозначали термином «феодальный» как раз сеньюральный режим, тогда как такой режим отлично мог существовать и без настоящего «феодализма», как это доказывает пример Российской империи.

Основа феодального режима состояла в почитании вассалом своего господина (неверно называемого иногда «сюзереном»), который предоставлял ему защиту и средства к существованию, обеспечивая земельным наделом. Этот контракт связывал двух людей взаимными обязательствами по принципу: «Ты меня охраняешь, я тебе служу». Нет смысла перечислять здесь весь объем услуг, которые должны были предоставлять друг другу участники этого контракта, начиная со Средних веков (право на защиту и охрану, жилище, справедливый суд, разнообразную помощь и т. д.). С течением времени многие из этих услуг устаревали, как например, воинская повинность, отпавшая с созданием регулярной армии. И все же в обстановке длительных гражданских

coll."Champs", 7, nouv. éd., 1988; *Jacquart J.* La crise rurale en Ile-de-France (1550–16 70). A. Cohn, coll. «Publications de la Sorbonne», 1974; *Le Roy Ladurie E.* Les paysans français du XVI siècle, Mélanges Labrousse. Mouton, 1974, p. 333–352; *Jouanna A.* Ordre social. Mythes et hiérarchies dans la France du XVI siècle. Hachette, coll. «Temps et Hommes», 1977; *Le Roy Ladurie E.* Civilisation rurale // Encyclopaedia Universalis; *Duby G. et Wallan A.* (sous la dir. de). Histoire de la France rurale, t. II: L'Age classique des paysans de 1340 à 1789, par E. Le Roy Ladurie, H. Neveux et J. Jacquart. Le Seuil, coll. «l'Univers historique», 1975; coll. «Points-Histoire», 167, 1992; *Guttan J.-P.* La sociabilité villageoise dans l'ancienne France. Hachette, 1979; *Bercé Y.-M.* Fête et révolte. Des mentalités populaires du XVI au XVIII siècle. Hachette,

В свою очередь, благородное сословие не было закрытой кастой, как подчеркивал Клод де Сессель, друг Людовика XII, не придававший особого значения жесткому делению на сословия и не раз высказывавшийся в пользу подвижных социально-экономических классов, основанных на стремлении к благополучию и приумножению собственности. Внутри же дворянского сословия в XVI в. не существовало иерархии: критерием внутрисословного различия был лишь объем владений (богатства).

Титулованная аристократия, а также нетитулованное дворянство из бывших оруженосцев, обрели иерархизированную структуру лишь в XVIII в. по причинам, впрочем, чисто светским, касающимся обычаев и не закрепленным законодательно. В XVI в. только герцоги, находящиеся по статусу ниже принцев королевской крови, и особенно герцоги-пэры¹ (достоинство пэра присваивалось королем и давало особые привилегии) стояли выше остальной аристократии, различные титулы которой (графы, маркизы и т. д.) в социальном и политическом отношении мало что значили.

За рамки феодальной системы выходила древняя форма собственности — *аллодиальная*. Аллод являлся земельным наделом, свободным от всяких феодальных или сеньюральных податей, и мог принадлежать

¹ *Warren R. De. Les pairs de France sous l'Ancien Régime. Paris, "Les Cahiers nobles", 15–16, 1958, 2 fasc. non paginés; Labatut J.-P. Les ducs et pairs de France en XVII siècle. PUF, coll. "Publications de la Sorbonne", 1972. Последнюю статью стоит, по-видимому, прочесть свежим взглядом после защиты в университете Париж-4-Сорбонна 16 мая 1992 г. докторской диссертации Кр. Левантала (*Levantat Chr. Prosopographie et histoire des Institutions: les ducs et pairs et les duchés-pairies laïques, 3 avril 1519 — 19/23 juin. 1790*), опубликованной впоследствии под названием «Ducs et pairs et duchés-pairies laïques à l'époque moderne (1519–1790): dictionnaire prosopographique, généalogique, topographique et heuristique» (Maisonneuve et Larose, 1996).*

как дворянину, так и простолюдину. Именно такими владениями были Ивло, Буабелль-Анришмон в Берри, Бидаш-Грамон в Гаскони. В Бретани, в Булони, в Блезуа аллод вообще был господствующей формой, опровергая принцип: «Нет земли без сеньора». Следы этого находим во многих обычаях и представлениях, правда, с ограничением: «Нет аллода без титула» (этот афоризм встречается в письменных документах). А в Бургундии, и особенно на юге, где действовало римское право, он и вовсе преобразовался в: «Нет сеньора без титула». По оценкам Р. Ботрюша¹, на юго-западе, Бордо и Базадэ, около десятой части земли составляли аллоды. Владелец аллода имел право продавать его или сдавать в аренду целиком или по частям. В XVI в. аллодиальная форма собственности стала распространяться все шире за отсутствием у землевладельцев сеньориальных титулов, либо вследствие самовольного захвата заброшенных после опустошительных войн земель. Многие податные крестьяне отказывались в этой связи от всякого рода повинностей, что стало причиной многочисленных судебных разбирательств. Право на владение аллодом подтверждалось тут же оформленными по всем правилам купчими, в которых обычно прежний владелец и обладатель прав на землю объявлялся неизвестным. Аллодиальная форма собственности стала сходить на нет в XVII в. как результат согласованных действий высокопоставленных сеньоров, с одной стороны, и королевских чиновников, боровшихся за признание «прямого королевского суверенитета» над всей территорией Франции, с другой. Однако в Бордо, Перигоре, Лангдоке,

¹ См.: *Boutruche R. La crise d'une société. Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la guerre de Cent ans. Les Belles-Lettres, 1947; 2e éd., 1963.*

Нивернэ и т.д.¹ немало аллодов сохранились вплоть до 1789 г.

Что же такое сеньоральная система? Сеньория состояла из феодалов или аллодов, являвшихся структурными и юридическими ячейками «старорежимной» Франции наподобие того, как приход был ячейкой религиозной, а коммуна (община) жителей (в свою очередь состоявшая из «очагов») — социальной. Сеньория обычно включала в себя леса и земли, состоявшие из угодий (непахотных земель), пашни, виноградников и пастбищ, а также необходимые объекты сельскохозяйственного производства, имевшие различные региональные формы: фермы, мызы (арендуемые фермы), загоны, скотные двory, сельские дома и т.д., сосредоточенные в деревнях и на хуторах, а иногда — и части деревень и приходоv. Часто одна и та же деревня была поделена между двумя и более сеньорами (посредством продажи либо раздела и т. д.)².

Существовало два типа сеньоров. Первый — простые сеньоры (сансье), получавшие лишь простые подати, незначительную ренту и годовой символический взнос «признания сеньории» (существовавший испокон веков, но со временем обесценившийся). Таким образом, данный приход или держатель надела мог платить подати нескольким сансье, а сансье имел на податной территории один-два дома либо наследные земли в городке или деревне. Второй тип — сеньоры, обладавшие монополией «баналитета», которые, помимо экономических прав (подати и другие ренты с

¹ См.: *Billacois Fr.* La crise de la noblesse européenne (1550–1650) // RHMC, t. XXIII, avril–juin 1976, p. 258–277; *Cuénin M.* Le duel sous l'Ancien Régime. Presses Renaissance, 1982.

² См.: *Devèze M.* La forêt et les communautés rurales, XVI–XVIII siècle. Publications de la Sorbonne, 1982.

земель, находившихся в пользовании простолюдинов), обладали судебными правами, т.е. определенной властью, а также охраняли правопорядок в пределах своей сеньории. Эти их права были признаны и сохранены королевской властью, однако поставлены под контроль государства.

Сеньоральные права были, с одной стороны, персональными и почетными, с другой — «полезными», так как представляли собой источник доходов. Сеньор обладал многими монопольными правами, в том числе церковными: на «первую скамейку», погребальную нишу или надгробие; экономическими: на сбор дорожной пошлины, барскую запашку, предоставление гужевого транспорта, продажу вина (прежде вина вассалов), извещение о начале косьбы, жатвы и сбора винограда (сеньоральное право устанавливать даты этих операций происходило из старинного права господина осуществлять экономическое управление); коммерческими: устройство ярмарок, взимание налогов и так называемых «обычных» податей; на охоту, рыбную ловлю и отлов голубей; наконец, общинные права: на доход от общинной мельницы (иногда — от хлебопекарни и общинного пресса), выплачиваемый, как правило, товаром, иногда $\frac{1}{15}$ часть продукции. Впрочем, в течение столетия мельницы все чаще и чаще облагались денежным налогом и сдавались господами в аренду, что влекло за собой злоупотребления и даже прямое мошенничество (к примеру, добавление мела в муку) мельников и их баснословные доходы в те времена. Особняком стоит сеньоральное право на осуществление правосудия и на все проистекавшие из этого выгоды — материальные, моральные и социальные. Существовало три уровня судопроизводства — нижний, средний и высший — в зависимости от объема юридической компе-

тенции сеньора, а также от того, обладал ли он баналитетом¹. На нижнем уровне решались незначительные дела, в частности правонарушения, каравшиеся штрафом (поступавшим в доход сеньора). Суд высшего уровня был обставлен куда торжественней, например имелось специальное место исполнения приговора (так называемое «место Правосудия») — виселица, позорный столб, темница, тюрьма. Высший суд имел также штат, архив и канцелярию, так как требовалось составлять, выдавать и хранить судебные акты. Сеньор, являвшийся высшим судьей, содержал этот штат на свой счет. Так, большая земельная сеньория — аббатство Сен-Дени держало в каждом из своих владений сборщика арендной платы, судебного наместника, налогового прокурора и писаря. Сеньоры рангом пониже могли довольствоваться только сборщиком арендной платы и налоговым прокурором, и в результате этими мелкими сеньоральными чиновниками королевство было буквально наводнено, и крестьяне знали их лучше, чем королевских чиновников. В процессах, рассматривавших конфликт между сеньором и его подданными, сеньор выступал одновременно и судьей, и одной из сторон.

В юридическом отношении сеньоральный аппарат в целом оставался стабильным и эффективным, хотя и ложился достаточно тяжелым бременем на население².

¹ См.: *Lemerrier P.* Les Justices seigneuriales de la région parisienne de 1580 à 1789. Domat-Montchrestien, 1932.

² См., например: *Ramière de Fortanier J.* Les droits seigneuriaux dans la sénéchaussée et comte de Lauragais (1553–1789) // Etude Juridique et historique. Toulouse, H.Cazer, 1932; Id., Marqueste, 1932; *Constant J.-M.* Nobles et paysans en Beauce aux XVIe et XVIIe siècles (thèse 1978). Lille, 1981; *Foisil M.* Le sire de Gouberville. Aubier, 1981; Flammarion, coll. «Champs», cat. 3, n° 159, 1987; Le Journal du sire de Gouberville, 1553–1557 (Bricquebosq). Les Editions des Champs, 1994; *Vaissière P. De. Gentilshommes campagnards de l'ancienne France.* Megariotis, 1982; Presses du Village, nouv. éd, 1986.

Какова была структура сеньории? Юридически сеньория включала в себя три части, соотношение которых могло быть различным: домен, т. е. «ближнее» поместье (на юге «кондамин», *cum domino*), податная земля прямого сеньорального подчинения («*tenuance*»), находившаяся во владении или пользовании арендаторов (иногда именуемых «вассалами», что неверно, поскольку «вассалом» называли человека, получившего из рук сеньора земельный надел без арендной платы), а также общинные угодья (леса, поля, пашенные земли, пруды, непахотная земля), находившиеся в коллективном пользовании.

1. Сеньор оставлял за собой территорию вокруг своего замка. Ее обихаживала замковая прислуга либо крестьяне (иногда в виде барщины), но чаще всего землепашцы (крупные арендаторы) или мелкие арендаторы, заключавшие арендные договоры различных типов. Распространенные вплоть до 1550 г. долгосрочные договоры мало-помалу урезывались арендодателями по формуле 3—6—9 лет с тем, чтобы возобновлять их с пересмотром цены и срока.

Землепашец (эта форма становилось все более популярной на обширных равнинах парижского региона, в Пикардии и Нормандии) платил фиксированную ренту (около 6% от цены надела) деньгами и некоторую часть — продукцией. Нередко землепашцы были настоящими мелкими капиталистами со слугами и собственным выездом, а их надел принимал некоторую часть сеньоральных прав, в частности взимал арендную плату и налоги с арендаторов, плату за пользование мельницами, черепичными мастерскими, кузницами, ткацкими станками и т. д. Многие землепашцы владели ремесленными мастерскими, участвуя в зарождении экономического обмена предкапиталисти-

ческого типа (продажа зерна, вина, полотна, шерсти, утвари и т.д.).

Мелкий арендатор (их было гораздо больше, чем землепашцев) был наиболее распространенным типом землепользователя на всем западе и большей части юга страны. Размер арендной платы устанавливался соглашением между сеньором и арендатором, которому выделялись также средства производства (скот, семена, сельскохозяйственные орудия). Как правило, она составляла половину урожая. Основная масса мелких арендаторов состояла из бедных крестьян и была экономически очень зависима от погодных условий, так как половина урожая являлась обязательной платой, какой бы год не выдался. Чаще всего мелкая аренда едва позволяла сводить концы с концами, зато натуральный доход сеньора был более или менее обеспечен податным сбором с нескольких землепашцев.

2. Сеньор сдавал в различные формы аренды большую часть своего домена, а то и весь целиком, желая населить его арендаторами и спешно подыскивая замену умершим или добровольно его покинувшим. Пахотные земли предоставлялись за денежную и продуктовую (натуральную) плату, размер которой варьировался по регионам. При этом сдача земель в аренду имела результатом не только их заселение и обработку. Следствием ее стал раздел владений (обозначенных теоретиками как принцип «двойного владения») на «главный» (или «почетный») домен, т. е. собственное владение сеньора, и «полезный» домен. Получается, что в дореволюционное время чистыми формами собственности были лишь аллод... и само королевство Франция. Каков бы ни был тип арендной платы, сданная в аренду земля составляла податное владение сеньории. Как уже отмечалось, сеньор

сохранял прямое сеньоральное право на податные земли и главный домен, почти символический, с которого он взимал постоянную денежную подать, так называемое «признание сеньории», в размере нескольких соль и денье — сумму, ставшую смехотворной из-за обесценивания денег. В Иль-де-Франсе, например, и некоторых других регионах она составляла не более 0,2—0,6% дохода. В действительности же сеньор получал и другие подати, например, налог с продажи надела в размере от 3 до 8% от его стоимости. (Правда, сеньор мог и не допустить продажи, поскольку обрадал правом выкупа, дававшим ему преимущество перед любым покупателем.) Так, мало-помалу, сеньоральная структура вступила на путь экономического саморазрушения, оставаясь при этом незыблемой в юридическом и социальном отношении.

Помимо арендной платы, существовали многочисленные местные разновидности податей: натуральный «полевой» («шампар») сбор, или оброк, в зависимости от региона то очень низкий ($\frac{1}{20}$ урожая в Дофинэ), либо высокий ($\frac{1}{5}$ урожая в Лионском регионе и Пуату), не говоря уже о церковной десятине. Оброк называли «терраж» в Пуату, «таск» в Провансе и Дофинэ, «агриэ» или «агриэр» в Лимузэне и Кэрсии, «парсьэр» в Бурбоннэ и т.д. В областях виноградарства эквивалентом оброка являлся «комплан»: земля оставалась в собственности сеньора, и крестьянам приходилось отдавать до четверти урожая. «Шампар» и «комплан» приносили сеньорам больше дохода, чем арендная плата, а сеньоральная рента за землю, передаваемую в постоянное пользование, была выгоднее для наследников сеньора, чем постоянная дополнительная рента. В XVII и XVIII вв. земли и недвижимость под феодальной рентой вызывали

много нареканий. На юге страны оброк называли «амфитеозом». Это была простая арендная плата, если арендодатель был хозяином надела, или простая рента, если он был держателем податной земли, поскольку имел право распоряжаться всей «полезной» землей и самовольно вступить в ее владение¹. Нормандский «бургаж» представлял собой надел, отданный арендатору в фактическую собственность; владение «мотами» и «кевэзами» в Бретани являлось пережитком крепостного права, их владельцы находились в строгой зависимости от сеньора, не имея права ни продать землю, ни передать ее по наследству. Постоянная арендная плата в Лангедоке сохраняла за арендодателем (владельцем собственной земли или сеньорией) только натуральный оброк, а арендатор имел право свободного оставления земли. В этом отличие этого вида арендной платы как от «амфитеоза», так и от денежного налога и ренты, когда держатель земли мог ее продать или сдать. В Бретани аренду («конвенан», или «домен конжеабль») оплачивали в денежной или натуральной форме, а сеньор, желая изъять надел, обязан был возместить затраты на постройки и улучшения, сделанные арендатором. В других регионах страны оброк вносили повременно или единовременно: «реальный» налог Бургундии, Бурбоннэ, Оксерруа, в Шампани (в регионе Труа и Мо), «мэнморт» в Марше и Комбрее, «борделаж» в Нивернэ. Общим во всех этих сборах было то, что они состояли из денежной и товарной (зерно, домашняя птица) частей. Помимо того, до-

¹ На севере страны, особенно в Пикардии, обычной практикой стали самовольные организации ярмарок и бессрочное занятие податной земли. Попытки сеньоров вернуть себе эти права были причиной многочисленных преступлений в сельской местности вплоть до 1789 г.

ход сеньоров складывался из барщины и различных сеньюральных сборов в случае наследования или отчуждения земли (соединение «реального мэнморта» с бретонским «кевэзом»).

Оброчный крестьянин был лично свободным мелким собственником, «сеньором» в своем полезном наделе, который он имел право отчуждать, сдавать в аренду, разделять, а также взимать с него ренту. При чем продать или сдать надел в аренду можно было как по частям, так и целиком. Однако платить за землю нужно было постоянно и именно ему, независимо от того, кто эту землю обрабатывал. Таким образом, он владел землей за плату во всех ее формах (продажа, аренда, общинный налог, десятина и т.д.), а также и за обязательные работы (барщину), например, гужевые перевозки леса (обязательные 2–3 дня в Иль-де-Франс, более продолжительные в других регионах страны).

3. Были внесены изменения во владение и пользование недвижимостью. Во второй половине XV в. необходимость восстановления экономики продиктовало увеличения сроков сдачи в аренду земли — пожизненно или даже на 2–3 поколения. В этом случае арендная плата взималась по типу южного «амфитеоза». Однако в следующем столетии¹ общий рост цен стал весьма неприятным сюрпризом для потомков

¹ См.: *Schnapper B.* Les rentes au XVI siècle. Histoire d'un instrument de crédit. SEVPEN, 1957; *его же.* Les baux à vie au XVI siècle // Bulletin de la société d'Histoire moderne, 12' série, n° 4, p. 14–15, suppl. à la RHMC, t. V, n 1, 1958; *Jacquart J.* Propriété et exploitation rurale au sud de Paris dans la deuxième moitié du XVI siècle // Bulletin de la société d'Histoire moderne, 12' série, № 15–16, p. 10–16 suppl. à la RHMC, t. VIII, janvier-mars 1961; *его тезисы* «La crise rurale en Ile-de-France (1550–1670)» (A. Colin, coll. "Publications de la Sorbonne", 1974), а также сборник *его* важнейших статей: «Paris et l'Ile-de-France au temps des paysans (XVI–XVII siècles)». Publications de la Sorbonne, 1990.

арендаторов. Многие из них в поисках выхода начинали сдавать свою недвижимость или землю в краткосрочную аренду с целью компенсировать убытки от инфляции. От этой вторичной аренды сеньор не получал никаких доходов, и потому в обиход вновь входит краткосрочная аренда. Но была ли эта арендная плата, дававшая средства к существованию определенному слою населения, к примеру, в Оксерруа вплоть до XVIII в., настоящим кредитным инструментом с процентной ставкой (по Б. Шнапперу)? Или простой процедурой ввода земельных фондов в эксплуатацию (по Р. Мунье)? А так как церковь строго осуждала ростовничество (вспомним пословицу «*Rescupia rescupiam non parit*», «Деньги не делаются малыми частями»), являлась рента законной или нет?

В XVI в. существовали два вида ренты: наследственная и денежная. Наследственную ренту платили наследнику за пользование наделом третьего лица, она была скромной и фиксированной. Это не было ни продажей, ни сдачей в аренду, ни откупом, поскольку рента была формой постоянного отчуждения земли с постоянным размером оплаты. Денежная рента представляла собой взнос, за который «уступалась» часть «ренты на недвижимость». Если недвижимость под рентой продавалась, плательщиком ренты становился покупатель. Рента была платежным обязательством, налагаемым на недвижимость, а не персональным долгом с выплатой процентов владельцу недвижимости. Эти земельные налоги были операциями с утраченными фондами (так как должник не мог быть принужден к выплате ренты), и в практике французского рынка допускалась выплата вмеренная невыкупленной ренты в рассрочку (до 30 лет). В свою очередь денежная рента была формой сбора за пользование зем-

лей торговцем с пахаря с целью получения постоянно-го денежного дохода для своей коммерции. Торговцы зерном и скотом пользовались натуральной рентой для пополнения собственных товарных фондов. Парижские жители в основном уступали свои земельные владения в предместьях за наследственную ренту, но в течение XVII в. они, вместо рентного отчуждения земельной собственности, перешли к практике сдачи ее в краткосрочную аренду.

В XVI в. во многих регионах страны начался процесс объединения земельных наделов в целях улучшения системы ренты. Это практиковалось, к примеру, в Верхнем Пуату (см. исследования Поля Раво) и, в особенности, вандейской пойме¹, где стало развиваться сельское хозяйство.

Другой типичный пример — Нижнее Пуату, старый, изрезанный мелкими наделами регион, вновь ставший привлекательным для знати после окончания Столетней войны. Владения, сосредоточенные вокруг замка и обрабатывавшиеся исполщниками, стали сдаваться в аренду на хутора. Очень быстро аграрный пейзаж утратил форму «бокажа» (частично занятый лесом ландшафт), площадь обрабатываемых земель существенно увеличилась. Однако арендная плата была чрезмерно высока, в результате чего арендаторы, связанные крупными платежными обязательствами, превратились фактически в «сельских пролетариев». В качестве натурального налога они обязаны были отдавать землевладельцу половину среднестатистического урожая даже в неурожайный год. К концу XVI в. этот налог был «смягчен» до половины реального урожая.

¹ См.: *Merle Louis. La Métairie et l'évolution agraire de la Gâtine poitevine, de la fin du Moyen Age à la Révolution. SEVPEN, coll. «Les Hommes et la Terre», 1958.*

Хутор был в меньшей степени юридически закрепленной формой землепользования, чем обычный надел (от 15 до 60 га земли, дававший 12—13 центнеров зерна с гектара). В отличие от обычного надела, где распашка осуществлялась плугом, запряженным быками, на хуторе всю работу делали вручную. Установившаяся система земельной аренды имела глубокие последствия для экономики:

1. Появился новый сельскохозяйственный ландшафт с межами, засаженными яблонями или буками, с осушенными прудами, с разрушенными деревнями. Ставшие арендаторами владельцы мелких наделов использовали покинутые дома под амбары и хлевы.

2. Необходимость реализации шерсти и скота заставляла земледельцев включаться в большую торговлю (ткачи из Пуату продавали свои ткани на Лионском рынке).

3. Изменилось распределение доходов: сделав земледельца «капиталистом», сеньор стал получать большие арендные сборы, тогда как арендатор оказывался раздавлен грузом выплат: кроме королевского налога, платилась десятина, подать, рента и натуральный налог (за различные наделы), к которым прибавлялся еще налог на землю.

4. Земельное владение состояло из множества мелких наделов, собранных в крупную единицу землепользования — арендный надел. На эту землю в документах (актах о выделении надела в пользование) утверждалось господское право на владение прежними наделами, из которых она состояла. В договорах купли-продажи, которые регистрировали дотошные нотариусы, а также в земельных планах, отражавших реальный экономический статус этих самых земель, они фигурировали как арендные. С конца XVI в. начинается формирование

новой социальной прослойки между землевладельцами и обычными землепашцами и арендаторами. Появляются крупные землепашцы (часто — буржуа, сами сдававшие в аренду земельный фонд), которые в качестве сборщиков податей и ренты оказывались в более выгодном положении, чем и первые, и вторые.

Обозначим два существенных фактора французской истории XVI в., развившихся в XVII в.:

1. *Экономический фактор.* Если феодально-сеньюральная общественная система еще держалась, усиленная в одних аспектах и ослабленная в других, то очевидно, что Франции стали тесны рамки феодальной экономики и натурального хозяйства. Вопреки определенным попыткам их законсервировать (запрет экспорта, тарифные барьеры и т. д.) страна уже вступила в товарную экономику капиталистического типа. Конечно, господа и крестьяне все еще ели выращенное ими зерно, пили вино или сидр, но на первый план уже выступил обмен, основанный на денежном обращении. Достаточно отметить появление огромного числа оптовых и розничных рынков, где продавалось зерно, сукно, полотно и т. д. Начался интенсивный рост сельского ремесленного производства, основанного на использовании наемного труда за заработную плату в деньгах. Образовывавшиеся от податей, аренды или десятины излишки сеньор отправлял в торговый оборот, а значит, вносил свой вклад в товарно-денежную экономику.

2. *Социальный фактор.* Стимулом экономического развития стали долги. Крестьянский долг, многократно увеличивавшийся в неурожайные годы, облегчал господский выкуп. Долги аристократов, связанные с ростом цен, с пристрастием к роскоши, к жизни при дворе, заставляли их продавать имение полностью или

по частям. Сколько дворян, как писал Ноэль дю Фай в 1560 г., «носили свои земли и мельницы на плечах», прикрывая нищету позолотой? В начале XVII в. половина земельных ресурсов королевства оказалась в руках новых владельцев, что уже тогда отметил Франсуа Мирон, купеческий прево Парижа. Можно сказать, буржуазия захватывала земли. Разбогатевшие горожане скупали земли у владельцев поместий, опустошенных войнами и долгами, а также сеньоральные земли, аллоды, земли землепашцев и арендаторов, результатом чего стало резкое укрупнение земельных владений к XVII в. Захватывая землю, буржуазия всеми правдами и неправдами проникала в благородное сословие. Так обновлялось дворянство, изрядно подточенное военными походами и дроблением родовых поместий. В сущности, 5—6 поколений хватало для того, чтобы посредством покупки должностей, затем господских земель выбиться из простонародья в среднее поместное дворянство и даже в «опоясанную» знать, а то и дослужиться до герцогского титула.

Однако не менее часто цикл в 6 поколений после подъема и расцвета заканчивался упадком, и бывшее дворянское поместье в очередной раз меняло владельца. Таким образом, французская аристократия стала весьма «открытым» сословием, получая приток свежей «крови» из купцов, финансистов, землепашцев и особенно из чиновничества и судейства.

Типичный пример того времени: в мае 1562 г. в Пуату 35 «новых» аристократов-землевладельцев должны были поступить в королевскую армию. Их протест показал, что совсем не они принадлежали к благородному сословию, а прежде всего обычные граждане Пуату, никогда не носившие шпаги: три магистрата из городской управы, два городских советника, два каноника из ме-

стного собора, два адвоката, врач, кожевник и рыночный торговец. Именно они оказались подлинными «сеньорами», откликнувшимися на королевский призыв.

2. Из хижины в ратушу¹. В городах, вплоть до конца XVII в. обнесенных стенами, проживало 2–3% населения страны, однако их роль в экономике и процессе обогащения королевства уже тогда была огромной. Разделение труда, ставшее следствием формирования экономической, социальной и юридической иерархии, отражалось в структуре муниципальной власти, находившейся в руках подконтрольной королю патрональной олигархии, все чаще и чаще передававшей свои посты по наследству.

¹ См. несколько классических трудов: *Sée H.* Histoire économique de la France, t. 1: Le Moyen Age et l'Ancien Régime, 2 éd. A. Cohn, 1948; *Levasseur E.* Histoire des classes ouvrières en France depuis la conquête de Jules César jusqu'à la Révolution. "Guillaumin & C", 1859, 2 vol.; *Martin-Saint-Léon E.* Histoire des corporations de métiers depuis leurs origines jusqu'à leur suppression en 1791 suivi d'une évolution de l'idée corporative au XIXe siècle et sur les syndicats professionnels. Paris, Guillaumin, 1897; rééd. avec un appendice de bibliographie critique par E. Coornaert, PUF, 1941); *Hauser H.* Ouvriers du temps passé, XV–XVI siècles (Alcan, 1927); *Travailleurs et marchands dans l'ancienne France.* Alcan, coll. "Bibliothèque de science sociale", 1929; *Coornaert V.* Un centre industriel d'autrefois. La draperie-sayetterie d'Hondschoote (XIIIe–XVIIIe siècle). Paris, 1930; *Les corporations en France avant 1789.* Gallimard, 1940; Editions Ouvrières, 1968; *Pouvoirs publics et corporations dans l'ancienne France // RHPC,* 1938; *Kleinciausz A.* (sous la dir. de) Histoire de Lyon, t. 1: Des origines à 1595, par C. Germain de Montauzan R. Doucet. Lyon, 1939, cf. p. 12, n. 1; *Mellotée P.* Histoire économique de l'imprimerie, 1. 1: L'imprimerie sous l'Ancien Régime, 1489–1789e seul paru. Hachette, 1905; *Chauvet P.* Les ouvriers du hare en France, des origines à la Révolution de 1789. PUF, 1959; *Gascon R.* Grand commerce et vie urbaine au XVIe siècle: Lyon et ses marchands. Mouton, 1971, 2 vol.; *Croix A.* Nantes et Pays nantais au XVIe siècle, étude démographique. SEVPEN, 1974; *Duby G.* (sous la dir. de). Histoire de la France urbaine. t. III: La ville classique de la Renaissance aux Révolutions. Seuil, coll. "Univers historique", 1981; *Chevalier B.* Les bonnes villes de France, du XIVe au XVIe siècle. Aubier, 1982; *Garnot B.* Les villes en France aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles. Ophrys, coll. "Synthèse et histoire", 1989.

А. Организация труда повсюду устанавливает капиталистический способ производства. Однако необходимо различать экономическую и юридическую структуру торговых союзов и ремесленных цехов (последние экономически подчинялись первым).

а) **Экономически**, если не брать в расчет плохо поддающуюся учету массу «шамберланов» (мелких ремесленников, работавших на дому и, в сущности, нелегально), основными местами ремесленного производства являлись лавки и мелкие мастерские, т. е. доминировал традиционный семейный промысел (мастера-надомники). Мастер, окруженный несколькими подмастерьями, на деле был наемным работником, зависевшим от крупного предпринимателя или торговца, снабжавшего его материалом и заказами. Торговля преобладала над производством, обеспечивая ее средствами производства и формируя спектр продукции. Капитализм — система, одновременно оживляющая производство и порабощающая работника, была представлена несколькими семьями торговцев-банкиров или торговцев-фабрикантов. Они навязывали свои законы и ритм производства «работным людям» — прядильщикам, ткачам, вальцовщикам, кожевникам, набивщикам, красильщикам и т. д. Эти деловые люди, сосредоточивая предприятия в своих руках, связали промышленное производство и реализацию продукции с денежным обращением, дав начало «горизонтальной концентрации» производства, осуществляемой посредством скупки в том или ином регионе всех ткацких мануфактур, металлоплавильен, красильен и т. д. Они вошли в органы городского управления в Лионе (итальянцы Гваданьи или немец Клебергер), в Руане, в Дьеппе (оружейник Жан Анго), в Париже или Тулузе (пекарь Пьер Ассеза). Практически все они были меценатами и строителями. Помимо банков,

морского флота и экспортной торговли, капиталистические отношения достаточно заметно влияли на производство шелка, добычу угля, литейное производство, кузнечное, печатное дело, в то время особенно развитом в Лионском регионе. Но в целом для XVI в. характерна формула: крупные торговцы и мелкие производители.

б) **Юридически** существовали многообразные корпоративные отношения как между ремесленными союзами, так и внутри любого ремесла — между мастерами, компаньонами и учениками. В общей массе различались «свободные ремесла» и «ремесла с принесением присяги», однако одно и то же ремесло могло быть «свободным» в Пуатье и «присяжным» в Шартре. Более того, существовали города, в которых все ремесла были «присяжными» (например, Париж) и заниматься ими можно было лишь в рамках какой-либо ремесленной организации, при вступлении в которую приносилась присяга. В других же городах (например, в Лионе) ремесла были открыты для всех желающих. В XVI в. городов свободных ремесел было большинство. Ремесленные союзы, в которые вступали по присяге, жили по выработанным ими самими правилам, тогда как союзы свободных ремесленников, получали свой статус от сеньора, а чаще от муниципалитетов и находились под контролем королевских судей. Но везде ремесленные союзы формировали собственные организации со своими традициями и привилегиями, гербами и знаменами, религиозной общиной. Указы от декабря 1581 г. и от апреля 1597 г. стали безуспешными попытками королевской власти унифицировать условия охраны правопорядка и системы налогообложения мастерового люда, распространить парижский тип ремесленных союзов по всей стране.

«Присяжный» ремесленный союз осуществлял юрисдикцию в отношении своих членов, принесших присягу. Он имел печать, распоряжался общей кассой, владел недвижимостью (с правом наследования собственности умершего члена союза, как в религиозных общинах), имел право брать в долг средства, инициировать судебное разбирательство и т. д. У такого союза были и привилегии, например, определенное место в процессии при торжественном въезде в город короля или епископа, в то время как свободные ремесленные союзы присутствовали на этих мероприятиях в общей массе. Крупные ремесленные союзы Парижа владели привилегией держать свое знамя выше короля при первом его въезде в город. Наконец, эти союзы играли существенную роль в выборе депутатов от города в уездную ассамблею, которая, в свою очередь, выбирала провинциальные и Генеральные штаты, составляя при этом книгу наказов. «Присяжный» ремесленный союз обеспечивал соблюдение внутрив профессиональной дисциплины, следил за строгим исполнением правил труда и производства посредством инспектирования представителями союза и хранителями профессиональной чести мастерских. Хранители, выбираемые членами союза или, реже, назначаемые городскими властями, имели право наложить арест на недоброкачественный товар или оштрафовать изготовителя брака. Таким образом, главными функциями союза были контроль за качеством продукции и защита прав потребителя, а также защита интересов членов союза от соседа-конкурента. Рамки этой защиты были размыты, и история наших городов полна живыми свидетельствами нескончаемых судебных процессов, иногда трагичных, иногда занимательных, между мясниками и колбасниками, портными и старьевщиками, слесарями и

кузнецами, между дубильщиками, кожевниками и продавцами кожи, изготовителями обуви и сапожниками и т.д. Корпоративная жизнь была наполнена жесткой конкурентной борьбой, целью которой являлось получение свидетельства от парламента или совета, патентного письма с подтверждением привилегий и двойной монополии (на производство товара и его продажу).

«Присяжный» ремесленный союз был в то же время полуобщественным органом, принимавшим участие в работе гражданской полиции (до XVI в. она была чем-то вроде народного ополчения), городской стражи, в пожарной охране, а также выполнявшим функции налоговой полиции (сбор обычных налогов и добровольных пожертвований). Собранные средства союз распределял по своему усмотрению и всячески старался увеличить их. Буржуазия из ремесленников, как правило, не одобряла «присяжных» ремесленных союзов, сковывавших личную инициативу, однако при необходимости не брезговала пользоваться ими. Например, в 1585 г. парижские трактирщики (свободное ремесло) под гнетущим надзором полиции конфликтовали с производителями уксуса, пытавшимися не позволить им прегонять на уксус прокисшее вино. Производители уксуса оказались сильнее, поскольку были объединены в союз. Предложив «умеренную плату», трактирщики попросили у короля патент на учреждение «присяжного союза, братства и коммуну».

Внешний контроль над свободными или «присяжными» ремесленными союзами осуществляли муниципальные власти и королевские чиновники. В Париже это был королевский прокурор, чья контора располагалась в Шатле, в других городах — уездные или королевские судьи, представители городских собраний и для определенных ремесел (например, ювелиров) —

Монетный двор. Особенно строго королевская и городские власти контролировали союзы «опасных ремесел», отвечавших за жизнеобеспечение, здоровье населения и соблюдение общественного порядка. К таким относились булочники, слесари, аптекари, цирюльники, ювелиры, книгопечатники, даже если они были свободными, а не «присяжными». Власти могли отказать ремесленникам в праве законного оформления союза (так, например, случилось с грузчиками и носильщиками), при этом создавая благоприятные условия другим союзам, а также продавая сертификаты на право не заниматься ручным трудом и привилегии некоторым торговцам, художникам или ремесленникам, поставщикам двора, и т. д. Самыми привилегированными являлись шесть профессиональных союзов Парижа, учредивших признанную королевской властью федерацию, управляемую «хранителями» от каждого из союзов и представлявшую собой мощную экономическую силу. В федерацию вошли союзы купцов, суконщиков, бакалейщиков, скорняков, трикотажников и ювелиров — словом, богатой торговой буржуазии, стоявшей намного выше даже самых богатых «механических» ремесленников, занимавшихся ручным трудом. Наконец, следует отметить, что банковское дело и производство морской оснастки всегда были свободными профессиями.

А как обстояло дело с ремесленниками-кустарями? Официальные власти защищали одиночек, запрещая любые виды их объединения, однако допуская при этом подконтрольные «братства». Иногда наряду с братствами мастеров возникали сообщества подмастерьев. Формами ассоциации свободных «кочующих» профессий (каменщики, плотники, столяры) стали компаньонство, запрещенное и государством, и цер-

ковью (видевшей в компаньонской присяге и наивных ритуалах пародию на святые обряды), и «коалиция» — временное объединение для проведения определенной работы или забастовки. Последняя была строго запрещена статьей 191 положения 1539 г. во всей системе правосудия королевства.

Эта эпоха была отмечена многочисленными восстаниями мастеровых, поскольку многие из них восприняли религиозную Реформацию как прелюдию к социальной: «Grand Rebeine» в Лионе в апреле 1529 г. обернулся настоящим народным бунтом против высоких цен, особенно на хлеб, сопровождавшимся разграблением домов богачей, например известного гуманиста консула Симфорьена Шампье. Косулат представил восставших как людей без чести и... еретиков, так как лютеранская «ересь» уже начала распространяться в Лионе, и народная милиция из крупной ремесленной буржуазии подавила мятеж. В 1539—1540 гг., некоторое время спустя после выхода в свет положения Вилье-Котрэ, запретившего коалиции мастеровых, произошла забастовка типографских рабочих в Лионе и Париже. Особенно крупной была стачка в Лионе, участники которой требовали увеличения заработной платы, улучшения питания и т. д. В результате сенешаль Лиона вынес решение увеличить зарплату, но запретил любые объединения мастеровых. Король подтвердил эти меры, правда, несколько урезав денежное довольствие, с целью поддержки печатного производства Лиона, конкурировавшего с немецким. Конфликт затягивался, и королевский указ от декабря 1541 г. окончательно подтвердил патрональный интерес. Рабочий был принесен в жертву производству, и множество других забастовок века (булочников в 1588 г., портных в 1579 г. и 1589 г. и т. д.) имели тот же самый результат. Законодательство все более

ужесточалось, обязывая, например, рабочих шелкопрядильного производства, для того чтобы поступить к другому мастеру, получить отпускной билет. Можно сказать, что если условия крестьянского труда немного улучшились, то для мастеровых (несмотря на общий промышленный подъем) они ухудшились и юридически, и материально (заработная плата увеличилась только на 50—80%, в то время как цены выросли вчетверо).

В. *Муниципальная организация* все более унифицировалась под воздействием монаршей власти, постепенно уничтожившей старый тип коммуны и мелкие городские республики. Они были поставлены под контроль губернаторов, городских парламентов, налоговых органов и королевских чиновников. Действительно, вследствие волнений Лиги многие города, например Париж, приобрели широкую автономию и не желали склонять голову перед королем. В принципе королевская власть поддерживала относительную независимость городов, оставляя за муниципалитетами право учреждать полицию, осуществлять управление городскими общественными работами, ресурсами и общинной недвижимостью (больницы, учебные заведения и т.д.). Однако, начиная с Франциска I, она требовала денежных подношений, контролировала выборы, навязывая своих кандидатов, совала нос в сугубо городские дела. Генрих IV хотел даже распространить по стране тип хартии, которую он даровал в 1597 г. Амьену. Повсюду привилегии городов мало-помалу выхолащивались, и какую бы форму ни имело городское управление (купеческий прево и магистраты Парижа, мэр и городская управа Бордо, городские правители Тулузы, консулы Лиона, Лиможа и Экс-ан-Прованса), его выборный орган был сведен к представительству основных ремесленных союзов, а сами выборы стали не более чем простой фор-

мальностью. Все руководство городом сосредоточилось в руках наиболее богатой части буржуазии, как правило, торговой или чиновной с полунаследственными дворянскими привилегиями (членство в мэрии или консульате давало дворянское звание), находившейся под пристальным контролем монаршей власти.

И все же, от первой до последней ступеньки социальной лестницы, от мелкого торговца до господ-правителей, город в XVI в. жил активной и продуктивной жизнью, иной раз прерывавшейся мятежами, вплоть до столкновениями на религиозной почве.

Глава II

ФРАНЦИЯ В XVI ВЕКЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

1. Абсолютная монархия: что это такое?

Абсолютная монархия окончательно сформировалась в XVI в. К этому моменту накопилось достаточно определений этой формы правления, составленных как юристами, так и теологами. Вспомним изречения, доказывающие, что теоретическое обоснование абсолютизма имеет древнюю историю: «Lex Rex» («Король — это закон»); «Король Франции обязан лишь Богу и шпаге». Эти высказывания опровергают претензии папы на духовное, а германского императора на светское главенство над французскими монархами. Еще одно весьма распространенное суждение «Король — живой образ Бога» апеллировало к божественному происхождению королевской власти во Франции, подчеркивая, что король наделялся властью прямым вмешательством Бога, а не опосредованным, как утверждала церковь (Св. Фома Аквинский, Беллармин в XVI столетии). И церковь, и король исходили из известного изречения Св. Павла о том, что всякая власть от Бога: «Non est potestas, nisi a Deo». Однако божественное право и абсо-

лютизм — два разных понятия и обозначают далеко не одно и то же. Более того, никто из авторов той эпохи, за исключением некоторых особенно рьяных из-за своей религиозности, не смешивал абсолютизм с деспотией. Для всех юристов французская монархия того времени была «полностью чужда тирании». Эпитет «отцовская» (торжественное обращение к Людовику XII в 1506 г.) был вовсе не лестью, но лишь точным определением сути и специфики¹ этой власти. В ней мирно уживались мудрость и справедливость с абсолютной властью.

¹ См.: *Mousnier R.* Réflexions critiques sur la notion d'absolutisme // Bulletin de la Société d'Histoire moderne, 11e série, n° 16, novembre-décembre 1955, suppl. à la RHMC, t. III, janvier-mars 1956; *ego же* Les XVIe et XVIIe siècles: les progrès de la civilisation européenne et le déclin de l'Orient (1492–1715). PUF, coll. «Histoire générale des civilisations», t. IV, 5e éd., 1967, coll. «Quadrige», n 146, 1993; *Hartung Fr. et Mousnier R.* Quelques problèmes concernant la monarchie absolue // *Relazioni*, t. IV du Congrès international des Sciences historiques de Rome, 1955; *Poujol J.* L'évolution et l'influence des idées absolutistes en France de 1498 à 1559 // *Inform. hist.*, 18e année, № 2, mars-avril 1956, p. 43–44; *Ellul J.* Histoire des institutions, t. IV: XVIe–XVIIIe siècles. PUF, coll. «Themis», 12e éd., 1994; *Touchard J. et coll.* Histoire des idées politiques, t. I: Des origines au XVIIIe siècle. PUF, coll. «Themis», 13e éd., 1993. См. также: *Doucet R.* Les institutions de la France au XVIe siècle. Picard, 1948; *Zeller G.* Les institutions de la France au XVIe siècle. PUF, coll. «Dito», nouv. éd., 1987; *Mesnard P.* L'essor de la philosophie politique du XVIe siècle. Vrin, coll. «De Petrarque à Descartes», 3e éd., 1969; *Viollet P.* Le roi et ses ministres sous les trois derniers siècles de la Monarchie. Sirey, 1912; *Mousnier R.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598–1789. PUF, I, 1974, II, 1980; coll. «Dito», t. I: Société et Etat, 3e éd., 1996; t. II: Les organes de l'Etat et la Société, 2e éd., 1992; *La monarchie absolue en Europe du Ve siècle à nos jours.* PUF, coll. «L'Historien», n 46, 1982; *Monarchies et royauté: de la préhistoire à nos jours.* Perrin, coll. «Pour l'histoire», 1989; *Cornette J.* Chronique de la France moderne, t. I: Le XVIe siècle; t. II: De la Ligue à la Fronde; t. III: Chronique du règne de Louis XIV. De la fin de la Fronde à l'aube des Lumières. SEDES, coll. «Regards sur l'Histoire», n 101 и 103, 1995 и 1997; *L'affirmation de l'Etat absolu, 1515–1662.* Hachette, coll. «Carre. Histoire», nouv. éd. augmentée, 1995; *Quilliet B.* Louis XII. Fayard, 1986; *Jacquart J.* François Ier. Fayard, 1981, 2e éd., 1994; *Cloulas I.* Catherine de Médicis. Fayard, 1980; *ego же.* Henri II. Fayard, 1985; *ego же.* Diane de Poitiers. Fayard, 1997; *Simonin M.* Charles IX. Fayard, 1995; *Chevallier P.* Henri III. Fayard, 1985; *Garrisson J.* Marguerite de Valois. Fayard, 1994; *Babelon J.-P.* Henri IV. Fayard, 1982.

Максиму «Rex solutus a legibus» в то время переводили и понимали примерно так: король не подчиняется обычным законам, он может упразднить те, что были приняты его предшественниками, он имеет право жить и действовать без земного контроля; он воплощает и концентрирует в себе власть, которую более не разделяет с феодалами. У последних нет больше права издавать законы, чеканить монету, объявлять войну и заключать военные союзы. Абсолютная монархия покончила с феодальной вольницей, однако никто не сомневался, что король должен сам уважать и других заставлять уважать божественные законы, а также законы природы, разделяющиеся на этические (христианские) и обычные, регулирующие жизнь людей. Древние принципы часто звучали в различного рода торжественных обращениях: «Сир, вы можете все, но вы не должны желать всего, что вы можете», «Сир, мы ваши смиренные и послушные слуги, но с нашими собственными привилегиями». Магистраты, депутаты от провинций как в личном обращении, так и с трибуны, не колеблясь, могли призвать королей к порядку...

Все эти естественные препятствия на пути к деспотии, как божественные, так и человеческие, «помехи» и «противовесы» монархическому аппарату были зафиксированы в труде савойского магистрата Клода де Сейсея «Великая французская монархия» (1519), в котором он вдохновенно описал и проанализировал ее «мистическое тело», головой которого был король. Кто же был другими «частями» этого тела? Абсолютизм спокойно уживался с существованием классов, «штатов», а также других самых разных сообществ и организаций, так как смысл его существования заключался в уважении и соблюдении прав каждого, в поддер-

жании гармонии и равновесия между сословиями. Править — значит вершить суд. Такова одна из важнейших мыслей Клода де Сейселя, который в самом начале XVI столетия доказывал, что король должен быть «добрым и мудрым», что он «избран Божественным Провидением... для того, чтобы блюсти справедливость и вершить суд, поддерживать каждого, гарантировать каждому его права, свободу и похвальные обычаи».

Во правление Генриха IV Клоду де Сейселю вторит Шарль Луазо, развивая его мысль в таком пассаже: «Монархия — форма, которая дает государству возможность существовать... Три рода законов ограничивают всемогущество суверена: Божественные законы, принципы естественного правосудия, ибо неотъемлемое право публичной сеньории — суд по справедливости, а не по воле, и, наконец, основные законы государства, потому что князь должен употреблять свою власть, согласуясь с природой и принципами, в ней установленными» (1609). Все видные юристы того периода — Шарль Дюмулен, Жан Боден, Ги Кокиль — различают сеньориальную монархию и королевскую монархию. Первую они отвергают, ибо в ее рамках власть короля распространяется на тела и имущество подданных, а их земли превращаются в домениальные вотчины. Королевская же монархия, согласно французской традиции, прежде всего власть, основанная на справедливости, правосудии и законах. Именно для того чтобы утвердить гармоничный порядок вещей, власть концентрируется в руках одного человека. Ги Кокиль изящно пишет: «Король — монарх, и нет никого ему равного в королевском величии». Уже канцлер Карла VII Жувенель дез Урсен отмечал характерную черту французской монархии. Власть короля не патримониальна.

Монарх скорее пользуется чужими богатствами. Он администратор, а не хозяин, владелец. Королевская власть — функция, приобретаемая после произнесения коронационной клятвы. Бог наделяет ей короля для исполнения определенных задач.

Перечислить права короля — уже значит ограничить их, следовательно, все старались дать им исполненные величия определения. Гуманисты, писавшие как по-французски, так и на латыни, развивали древнюю народную мудрость о святости короля, привнося в нее идеи Возрождения, в результате возникал образ короля-героя, короля-бога, а несколько позднее короля-солнца. Не забудем, что изображение Солнца появляется на экю уже во время правления Карла VIII. Солярная тематика, восходящая к язычеству, получила широкое распространение во время празднеств и в декоре зданий при Генрихе II.

Теоретики абсолютизма были настроены более чем патриотично: франко-галлийский национализм противопоставлялся претензиям германского императора. Нередко он оборачивался и довольно агрессивными формами галликанства, долженствующего противостоять аппетитам римского папы (например, Юлия II). Иногда возникали даже мысли о некоем христианском воинстве, вызванные воспоминаниями о крестовых походах. Во всем этом важно то, что теоретики абсолютизма популяризировали идеи нации и родины. Так, Гильом Бюде (*De Asse*) возвышенно писал о «французском гении», Валеран Вареннский в своих текстах воскрешал сюжеты древних французских эпосов и воспевал уже несколько подзабытые подвиги Жанны д'Арк (Деяния Жанны Девственницы, 1516). Выходец из Лиона Симфориан Шампье мечтал создать французскую

Илиаду и вдохновенно вещал о превосходстве французов над всеми прочими народами. Шарль де Грассель воспевал воинскую славу Франциска I. Наивный и немного странный патриотизм присущ самым разным феодалам, в том числе Бурбонам. В 1506 году парижский каноник Тома Брико прибыл в Плесси-ле-Тур умолять Людовика XII «отдать свою единственную дочь (Клотильду) за мессира Франциска, истинного француза», а не за Карла Австрийского. Всплески подобного рода патриотизма мы видим и в действиях Генеральных Штатов Лиги, которые в 1593 году отвергли сватовство Филиппа II, предлагавшего дофину в жены инфанту Изабеллу не столько по причине безусловного почитания Салической правды, сколько из-за «нежелания превращаться в испанцев». Даже у эмигранта-гугенота Франсуа Отмана, в душе которого бушевали самые противоречивые чувства в отношении преследовавшего его монарха, мы видим патриотические настроения. Он восклицал: «Это преступление и богохульство поднимать бунт против неблагодарной страны, где жили наши отцы и матери».

Природа королевской власти в XVI в. тройственна. Ее характер обусловлен тремя чертами — христианскими, феодальными и «романскими».

а) *«Наихристианнейший» король*. Так стали называть королей Франции после крещения Хлодвига и церковной коронации Пепина Короткого. Rex Francorum (король франков) был сакральной фигурой, он должен был посвятить свое царствование служению церкви, использовать свою власть для утверждения истинной христианской веры, так как был в ответе за спасение душ подданных. Он принимал причастие как епископ, ему оказывались и епископские

почести. Религиозный характер королевской власти определялся, во-первых, обрядом священного миропомазания при коронации, во время которого он клялся обеспечить мир своим подданным, вершить по справедливости суд, избавить свою страну от неверных (изгнать их из государства). Во-вторых, обрядами, в которых монарх проявлял свои чудесные способности. Французский король — король-чудотворец, обладающий способностью во время самых больших религиозных праздников исцелять золотушных. Страждущие стекались сотнями, надеясь услышать знаменитую фразу: «Король прикасается к тебе, Бог тебя исцеляет». В то же время, в противовес общепринятому мнению, короля королем делала не коронация, он был избран и выделен среди других уже по рождению. Легитимность королевской власти лишь еще раз закреплялась и утверждалась во время этого популярного обряда.

б) *«Король, наш Сеньор»*, величали монарха подданные, а следовательно, он занимал высшую ступень феодальной иерархии, ибо иерархическая вассальная лестница вела, прямо или опосредованно, к подножию трона. Все сеньоры были либо его вассалами, либо же вассалами его вассалов. Именно поэтому в XVI в. различали два типа границ: границы королевского домена (земель, принадлежавших французскому королю либо вследствие завоеваний, либо же полученных в наследство от герцога или графа, например, Гиень, Нормандия, Бургундия, Прованс, Бретань) и более протяженные границы ленных владений. Наиболее яркий пример владений последнего типа воплощены в Артуа и Фландрии до Камбрейского договора 1529 г., чей граф (а им выступал Карл V) не имел никаких вассальных обяза-

тельств перед Франциском I. Похожие черты наблюдались и в анклавах, таких как Шароле (в испанских землях) и герцогство Неверское, для которого король выступал не сувереном, а сюзереном.

в) *Абсолютный монарх*. Наихристианнейший король стремится ко все большему могуществу. Добиться этого он пытается с помощью популяризации римского права. Римские законы, прежде всего Кодекс Юстиниана, все шире проникают во Францию благодаря активности легистов Тулузской школы и оказывают все большее влияние на политическую жизнь страны. Тулузские и овернские юристы — канцлеры Антуан Дюпра и Мишель де л'Опиталь¹ — в один голос говорят о необходимости полной и абсолютной власти короля на его землях (*Lex Regia*). Овернские юристы противопоставляют «отеческий» стиль правления Людовика XII деспотизму ангулемской ветви Валуа. Стараниями своей матери Луизы Савойской, а также Дюпра, Франциск I стал первым королем, которого именовали *Va-ше Величество* — титулом, доселе присущим только императору. Таким образом подчеркивалось равенство французского монарха и германского императора.

Королевское величие росло, отражаясь в растущей роскоши и сложных ритуалах двора. В этой связи необходимо отметить, что одна из формул королевских указов «*Car tel est notre plaisir*» («Потому что так нам нравится») была неточно переведена с латыни. Слово «*placuit*» в латинском варианте означает не прихоть, а решение («Мы решили так»). Постепенно государство — единое общее тело, вобрало в себя «государства», вытеснив в прошлое федеративные и феодальные отношения между королем и его подданными. Произо-

¹ См.: *Descimon R. Michel de L'Hospital: Discours pour la majorité de Charles IX et trois autres discours*. Imprimerie nationale. 1993.

шло это не без влияния идей итальянского Возрождения. Внедрение в общественное сознание понятия «государства» («Etat»), как чего-то объективно ценного, свободного от любых этических сомнений, привело к зарождению и последующему развитию концепции «raison d'Etat» («государственного разума»), то есть «учения о том, что необходимо для создания, поддержания и расширения государства». Прежде всего для государства оказалась необходимой сама фигура короля. Король «посвящает» себя государству и из-за этого полностью отказывается от частной жизни. Это выражается во все большей театрализации событий повседневной жизни короля. В это же время личные владения короля практически сливаются с королевским доменом. Генриха IV многие порицают за то, что вплоть до 1607 г. он оттягивал включение в королевский (а значит, национальный) домен владений и феодалов дома Бурбон-Вандом, что корона Наварры оставалась независимой и состояла не более чем в личной унии с короной Франции.

Перечислим же эти «права-регалии», неотъемлемые атрибуты верховной власти, согласно всем трактовавшим это юристам — Сейселю, Ферро, де Граселю, Шассенё, дю Тиле, дю Айяну и Ги Кокилю. Верховная власть сводилась к полудюжине полномочий: вершить справедливый суд (сюда же можно включить право помилования); объявлять войну, вступать в военные союзы и заключать перемирия; издавать законы и указы, без каких-либо ограничений, кроме как налагаемых обязанностями короля; чеканить монету, собирать налоги и подати; жаловать дворянство простолюдинам и создавать чиновничьи службы. Последнее особенно важно, поскольку структура нового государства базировалась на чиновниках, этом «четвертом сословии», как назвал

его Монтень. Эти полномочия являлись монополией короля, только он один был ими наделен. В XVI в. мы наблюдаем интенсивную законотворческую деятельность, примерами чему могут служить Лионские ордонансы (1510), а также законодательные акты Кремье (1536), Вилье-Котре (1539), Орлеана (1561), Мулена (1566), Блуа (1579) и еще многие другие. При этом в юрисдикцию короля входили не только публичные акты, но и некоторые частные (браки, право собственности, признание незаконнорожденных детей и т. д.).

2. Основные законы и институты «по обычаю»

Во Франции издавна утвердилось разграничение между *законами короля* и *законами королевства*¹. Первые могли быть изменены или даже отменены. Не таковы законы королевства — они имманентны и представляют собой национальное достояние, которое никто не может упразднить или отвергнуть. Эти законы считались священными еще и потому, что они неписанные. Они являли собой подлинную конституцию Франции, определявшую поведение королей, сословий, «штатов» и всех прочих подданных.

а) *Основные законы королевства* касались в первую очередь монарха и короны. Они опирались на несколько важнейших традиций. Прежде всего, на приоритет Салической правды, главным принципом которой была *преемственность и непрерывность* монар-

¹ См.: *Lemaire A.* Les lois fondamentales du royaume de la monarchie française. Albert Fontemoing, 1907; *Viollet P., Yardeni Myriam.* La conscience nationale en France pendant les guerres de religion (1559–1598). Louvain, thèse Paris-Sorbonne, t. 59, 1971; *Basse B.* La Constitution de l'ancienne France: principes et lois fondamentales de la Royauté française. Dominique Martin Morin, 1986.

шей власти, причем исключительно по мужской линии. Эта преемственность выражалась в формуле: «Король умер. Да здравствует король!», показывающей, что королевская власть не прервалась ни на мгновение¹. Символично, что канцлер, правая рука короля, никогда не надевал траура по своему умершему повелителю, ибо сразу же после его смерти он вершил справедливый суд на службе нового монарха.

Вторым важнейшим принципом была *законность* короля. В ту же самую секунду, когда король испускал последний вздох, его законный преемник (старший из родственников-мужчин, рожденный в законном браке) автоматически превращался в короля «*pleno jure ac potestate*», невзирая на то, что обряд коронации был еще впереди. Сама же коронация стала своеобразным восьмым церковным таинством, своего рода «подтверждением» реальной королевской власти². Корону, таким образом, не наследовали, ибо король не мог завещать ее кому угодно по собственному усмотрению. Само по себе завещание монарха теряло смысл и оказалось упразднено. А следовательно короля никак нельзя назвать самодержавным властителем, ведь новый король теоретически имел право отменить все законодательные акты своего предшественника. Например, мирный договор в Труа от 1420 г., по которому Карл VI провозгласил английского короля своим преемником, был аннулирован парламентом, по причине того, что королевская власть есть государственная служба, а не внутрисемейное дело. Не мог французский король и отречься

¹ *Giesey R. E. Le Roi ne meurt jamais. Les obsèques royales dans la France de la Renaissance. Flammarion, coll. "Nouvelle Bibliothèque Scientifique", 1987.*

² *Kantorowicz E. Les Deux Corps du Roi. Gallimard, éd. franc., 1989.*

от престола, за всю историю монархии такого прецедента не наблюдалось.

Система же регентства в случае малолетства или неспособности короля исполнять свои функции оставалась в XVI в. весьма запутанной. Борьба за регентство могла разворачиваться между королевой-матерью и первым принцем крови (например, между Екатериной Медичи и Антуаном Бурбон-Вандомом, закончившаяся, как известно, победой королевы). Уже мать Франциска I Луиза Савойская, хотя и не была коронованной королевой, стала регентшей, когда ее сын находился в плену, заручившись согласием канцлера и парламента.

Чуть позднее принцип законности был дополнен принципом *приверженности католицизму*. Особенно остро этот вопрос встал в 1584 г., когда истерзанная религиозными войнами Франция обрела в качестве законного наследника престола законченного еретика Генриха Наваррского, которого папа отрешил от всех прав. В результате в 1593 г. Генрих был вынужден отречься от своих религиозных взглядов во имя государственных целей и сохранения в неприкосновенности того исконного французского закона, что был спрятан в глубине людских сердец, жаждавших монарха-католика.

Неотчуждаемость королевского домена — еще один важнейший закон. Считалось, что король получал свой домен в дар при бракосочетании с королевством. Он имел право распоряжаться доходами, а не самим капиталом. Во время церемонии коронации (начиная с 1364 г.) король произносил торжественно клятву не уступать ни пяди, ни «цветка». Практика предоставления младшим братьям короля наделов наряду с правами-регалиями в XVI веке сходит на нет. Но хотя король не мог отчуждать свой домен, у него была возможность заложить часть своих земель под денежную

ссуду с правом выкупа в случае какой-либо серьезной нужды. Акт залога визировали канцлер и парламент. Известен случай, когда королю было высказано неодобрение: парламент и «штаты» Бургундии призвали его к соблюдению закона. Дело в том, что по Мадридскому договору 1526 г. Бургундию предполагалось передать германскому императору. Король не имел на то права и не спросил согласия народа.

Закон *независимости* отрицал всякий, пусть даже временный, сюзеренитет папы или императора по отношению французской короны. Независимость французского короля иллюстрируют изречения: «Король Франции обязан лишь Богу и шпаге», «Король — император в своем королевстве», а значит, представлял верховную власть. Принцип *единства короны* провозглашал идею неделимости королевской власти. К нему часто прибегали, дабы ограничить претензии некоторых принцев крови, ратовавших за раздел трона. Трон, повторяем, не был семейным достоянием. Французы вплоть до середины XVII в. не раз имели основание сомневаться в чистоте капетингской крови своего монарха. Именно верность институту короля, основным законам власти толкала их к бунтам на стороне того принца, который, казалось, является более законным претендентом на трон.

Были и другие законы, менее фундаментальные, но в то же время, по словам Луазо, «вписанные в сердце всякого француза». Так, королю предписывалось править «по совету», т. е. постоянно совершенствовать навыки управления государством. В действительности король был абсолютно свободен и никоим образом не связан советами приближенных. Он спрашивал тех, кого хотел спросить: свой совет, парламент, ассамблеи штатов или дворянства. Вспомним образное сравне-

ние Сейслея: Большой совет — это что-то вроде 72 учеников Христа, Малый совет — 12 его апостолов, Секретный (или Узкий) совет — это Св. Петр, Иаков и Иоанн, ближайшие сподвижники Иисуса.

Обычай предписывал также, чтобы король как судья был доступен любому, даже самому сирому своему подданному. Отсюда возникла практика прошений и жалоб на королевское имя. Король всего себя посвящал народу, отсюда и демонстративно-торжественный характер всех событий его личной жизни: его рождение и смерть происходили прилюдно, каждый имел возможность убедиться в том, что нет никакой подмены, что нет ничего подозрительного (это еще одна черта, показывающая «отеческий» характер французской королевской власти). Развитие придворного ритуала, призванного все более возвысить престиж монархии, постепенно ослабляло прежнюю почти родственную связь короля с придворными. Это становится особенно заметно начиная с царствования Генриха III, буквально одержимого соблюдением этикета, как и его мать Екатерина Медичи.

Эта совокупность обычаев стала для предков современных французов своеобразной конституцией, тем, что Дюмулен назвал «национальным законом». Видно, что несмотря на «федеративную» структуру королевства, провинциальный партикуляризм, различные языки и множество сообществ и корпораций, тенденция объединения имела глубокие корни. Стремление к единству было столь популярно, что строка «Бог, вера, закон, король» известного поэта Пьера Грингуара, современника Людовика XII, быстро становится национальным девизом.

б) *Законы по обычаю (кутюму)*, которые можно назвать своеобразными «тормозами» на пути торжеству-

ющего абсолютизма, не были, за исключением парламентов, учреждены королем. Очень долго, даже еще в течение XVI века, подданные короля, объединяясь в различные корпорации и коммуны, выбирали их руководителей, т. е., по сути, осуществляли самоуправление. Изначально в границах сеньории или прихода на деревенской ассамблее, членами которой являлись все отцы семейств, выбирались «лучшие люди». Они собирались в воскресенье после мессы и решали вопросы, касающиеся всего сообщества жителей: об общих доходах, о том, как распределить королевские подати и т. д. Председательствовал обычно кто-то из должностных лиц сеньории, бальи или сборщик налогов, кюре или церковный староста. Собрания эти протекали очень живо и являли собой яркий пример деревенской управляемой демократии.

В XVI в. еще регулярно созывались ассамблеи трех сословий по судебным округам, а также окружные ассамблеи, состоявшие исключительно из дворянства. Впрочем, для их созыва уже требовалось изобретать предлоги: гражданская война или мятеж. Но только лишь «штатам» провинций суждено было выжить, хотя и подрастеряв немалую толику своих полномочий. Более трети королевства было представлено в ассамблеях трех штатов, собиравшихся по зову короля с одной важнейшей миссией: проголосовать за повышение прежних или введение новых налогов. Система выборов в эти «штаты», а также уровень полномочий депутатов варьировались в зависимости от провинции. В основном, сферу их деятельности можно считать административной, она могла стать политической только лишь во время мятежей¹.

¹ В XVI в. при составлении *Провинциальных обычаев* они играли важную консультативную роль.

Большая часть «штатов» провинций соглашалась признать короля своим герцогом или графом в обмен на предоставление вольностей и привилегий: сохранение обычаев и законов, признание ассамблей, местной власти и т. д. Торжественные заседания провинциальных ассамблей под председательством местного архиепископа на деле все чаще вели королевские посланники или принцы крови, которые выносили на обсуждение вопросы, угодные королю. Активнее всего дискутировались вопросы о податях, которые называли безвозмездным даром. Иногда король соглашался скостить часть суммы, иногда гневался и распускал «штаты». Самыми влиятельными были «штаты» Лангедока, Бургундии, Бретани, Прованса и Дофине. Несколько менее — Нормандии, Анжу, Лимузена, Веле и множества областей Гиени и Гаскони, расположенной у подножия Пиренеев. У последних не было финансовой власти и самостоятельности, как, скажем, у «штатов» Лангедока, покрывавших территорию трех сенешальств — Тулузы, Каркасона и Бокера, и включавших 22 диоцеза. Диоцезы — местные налоговые подразделения в свою очередь собирали собственные ассамблеи — собрания диоцеза, на которых вопросы сбора и распределения королевских налогов рассматривались без посланцев короля (это было неслыханной привилегией).

Генеральные штаты могли бы превратиться в некое подобие английского парламента, однако этому не суждено было случиться. Причины, как кажется, надо искать в мощном противодействии со стороны апологетов абсолютизма, а также в авторитете власти при Валуа-Ангулемах. В любом случае, «штаты» не стали регулярным представительством сословий и постоянным контролирующим монархию органом. Короли созыва-

ли их с неохотой. Отметим, что это всегда происходило в периоды ослабления королевской власти (малолетство наследника, финансовые потрясения, политические заговоры): 1484, 1560—1561, 1576, 1588 гг.

1. *Структура «штатов».* Различного рода и уровня «штаты» отличались весьма пестрыми выборной и представительской системами. Депутаты от духовенства и дворянства избирались в центре судебного округа или сенешальства. В «штатах» могли быть представлены все сеньоры феода (даже женщины, оставшиеся вдовами, или же незамужние), духовное лицо, владеющее бенефицией, и ряд крупных религиозных сообществ. Представители третьего сословия (простонародье) выбирались в две, а то и в три ступени. Делегата от деревни выбирали (и составляли наказ) на общей ассамблее или же главы семейств. Это был в некотором роде демократический режим. Затем выбранные делегаты под руководством самых известных и влиятельных юристов создавали свод наказов и выбирали депутата от третьего сословия от своего округа. В городах зачастую необходимо было быть членом гильдии или корпорации, чтобы участвовать в выборах. Делегаты от профессиональных сообществ (которые составляли свои наказы) называли «избранников» города, которые, согласно трехступенчатой системе представительства, затем выбирали депутатов от своего судебного округа. В Генеральных Штатах сословия совещались и голосовали отдельно, за исключением торжественных заседаний, на которых председательствовал король. Каждое из сословий имело только один избирательный голос, складывавшийся из большинства поданных голосов. Число депутатов от каждого со-

словия было различным, однако при голосовании это не учитывалось.

2. *Полномочия «штатов»*. Король спрашивал совета у «штатов» только тогда, когда хотел этого. Основная же их функция, как, впрочем, и цель их созыва, заключалась в голосовании за налоги, чаще всего за новые налоги. «Штаты» Тура в 1484 г. провозгласили за народом право соглашаться с налогами, которым всегда пренебрегал король. После этого легисты в государственных интересах больше не спорили о фискальном праве монарха. В 1484 г. «штаты» безуспешно представили в Божё программу реформ, в результате которых они должны были стать контрольным финансовым органом и собираться периодически. В 1560 г. «штаты» Орлеана, а затем и Понтуаза, объединившись после финансового и религиозного кризиса, потребовали реформирования судебной системы и ужесточения контроля за финансовыми органами. Кроме этого, возникла идея секуляризации церковных сокровищ для финансирования собрания регулярного публичного представительства.

Во время двух важных сессий в Блуа (1576, 1588), которые проводились при явном лидерстве сторонников Лиги, враждебных Генриху III, были отвергнуты все новые налоги и заявлены требования реформ, некоторые из этих требований нашли отражение в ордонансе 1579 года. Эти всплески активности «штатов», кипение страстей на местах в конце концов сошли на нет прежде всего из-за постоянных, непреодолимых распрей между сословиями. Сословные противоречия так и остались главным препятствием для развития «штатов», и королевская власть всегда пользовалась ими для уменьшения влияния представительской власти.

3. Как управлялось королевство

На практике институты королевской власти и институты «по обычаю» всегда находили компромисс и неплохо уживались друг с другом. Более или менее пассивное сопротивление институтов «по обычаю» привело к выработке двойственного образа монархии — абсолютной по своим принципам и умеренной на деле. С помощью каких средств и какими силами королевская воля и влияние проникали в самые отдаленные уголки государства? Не будучи в состоянии проанализировать здесь все инструменты власти¹, мы попытаемся наметить самые важные из них. В течение всего XVI столетия методом проб и ошибок выстраивалась административная система. Следует помнить, что в ту эпоху все это было зыбким и неустойчивым: контуры и пределы власти и полномочий были непостоянны, функции и полномочия различных институтов власти то и дело смешивались, что становилось причиной бесконечных недоразумений и конфликтов. Даже сами слова обозначали стоящие

¹ См.: *Pagès G.* Essai sur l'évolution des institutions administratives du début du XVI à la fin du XVII siècle // *Revue Historique*, janvier et mars 1932; *Zeller O.* L'administration monarchique avant les intendants; Parlements et gouverneurs // *Revue Historique*, avril-juin 1947, t. CXCVII, p. 180–215. Не будем забывать о трех весьма старых, но очень ценных работах: *Valois N.* Le Conseil du Roi aux XIVe, XVIe siècles, nouvelles recherches suivies d'arrêts et de procès-verbaux du Conseil. A. Picard, 1888; *de Luvay H.* Des origines du pouvoir ministériel en France des secrétaires d'Etat depuis leur institution jusqu'à la mort de Louis XV. M. Tardier, 1888; *Robin P.* La Compagnie des secrétaires du roi, 1351–1791. Librairie du Recueil Sirey, 1933). См. также фундаментальные работы: *Mousnier R.* Le Conseil du Roi, de Louis XII à la Révolution. PUF, 1970; *ego же.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598–1789. PUF, 1974, 1980, 2 vol., coll. «Dito», t. I: Société et Etat, 3e éd., 1996; t. II: Les organes de l'Etat et la société, 2 éd., 1992, 2 vol.

за ними понятия неопределенно и неоднозначно. Смысл слов «полиция», «провинция», «интенданты» или «суперинтенданты» менялся от года к году и от местности к местности. Эта неустойчивость описана Гюставом Дюпон-Ферье в двух статьях, опубликованных в «Ревю Историк» в 1929 г.¹.

Многие забывают о том, что во Франции вплоть до XIX в. скорость измеряли шагом лошади, а расстояние — временем, за которое она пройдет его рысью. Говорили, что Париж отделяет от Орлеана, Шато-Тьерри или Амьена расстояние в два дня рысью, от Меца — шесть-семь дней, от Бордо — семь-восемь дней и около двенадцати — от Марселя. Продолжительность пути колебалась в зависимости от времени года и качества дороги. Согласно «Гиду французских дорог» Шарля Этьена (1553) — своеобразному прообразу будущих путеводителей — можно узнать о скорости распространения новостей и слухов, а также королевских указов. Представим теперь, насколько свободными чувствовали себя власти на местах. Ясно, что уже вследствие этого желанная централизация на большей части территории страны долгое время оставалась практически неосуществимой.

Не менее существенным препятствием было отсутствие строгого разграничения функций представителей власти. Всякий представитель короля был судьей, а всякий судья считал себя представителем короля, таким образом, чиновник, суд и целая корпорация законников, пишущих распоряжения и административные акты, судили и наказывали провинившихся.

¹ Dupont-Ferrier G., Sur l'emploi du mot *Province*, notamment dans le langage administratif de l'ancienne France // *Revue Historique*. t. CLX, mars-avril 1929, P. 241–267; De quelques synonymes du terme «*province*» dans le langage administratif de l'ancienne France // *Ibid.*, t. CLXI, juillet-aout 1929, p. 278–303.

Наконец, третье препятствие представляла сама природа и статус королевских посланников. Они делились на два типа: чиновники (офицеры), которые несли постоянную государственную службу, и комиссары, наделенные особыми полномочиями для выполнения особой миссии. Статус и полномочия последних были временными и ограничивались только периодом выполнения поручения, который мог быть коротким, а мог затягиваться на довольно продолжительное время. С течением времени положение комиссаров стало более стабильным, их пост закрепился за ними, но все равно их в любой момент могли сместить. Именно таков был статус государственных советников, губернаторов, в XVII в. интендантов провинций. В принципе, чиновник должен был ненавидеть комиссара, который являлся его контролировать, постепенно прибирая к рукам его власть и вытесняя его (настоящая трагедия в государственном масштабе в первой половине XVII в.). Однако на деле очень часто в роли офицера и комиссара выступало одно и то же лицо, ибо король, ища доверенное лицо, чаще всего находил государственных советников и комиссаров в провинциях или в армии, среди докладчиков в совете¹ или же президентов судебных палат. Численность чиновников в 1500 году составляла около 15 000, к 1600 г. она выросла, и на 18 миллионов жителей приходилось теперь от 20 000 до 25 000 чиновников. Послушно исполняя волю короля, они вместе с тем стали еще одним тормозом на пути централизации. Должностей становилось все больше и больше, однако на объеме выполняемой работы это не отражалось, ибо чаще всего функции внутри одной службы делились,

¹ *Etchehoury M. Les Maitres des Requêtes de l'Hotel du Roi sous les derniers Valois (1553–1589). Genève, Droz, coll. «Mémoires et Documents de l'Ecole des Chartres», t. XXXIII, 1991.*

дробились. Так, количество чиновников в судах могло колебаться от 3—4 до 10, 12, а то и 15 в зависимости от места заседания. Массовый приток чиновных кадров был обусловлен ростом буржуазии, для которой государственная служба была, по свидетельству Луазо, прежде всего почестью, а уже потом бременем, она приносила уважение, власть, а иногда и дворянский статус, избавляла от уплаты налога¹.

Должности быстро стали объектом купли-продажи. Со временем утверждается и наследование должностей. Людовик XII по образцу некоторых итальянских государств продавал финансовые должности. Его наследники, поняв, что это приносит прибыль, начали продавать и юридические должности, создавая их в большом количестве и самого разного типа. Расбухание аппарата было не столько связано с необходимостью улучшения управления, сколько со стремлением к обогащению. Дело приняло такой размах, что в 1522 г. было учреждено Бюро случайных доходов, которое стало, по словам Луазо, «лавкой такого рода товаров». Приносимую новыми чиновниками клятву о неподкупности можно считать самым настоящим лицемерием.

Повышение роли королевской власти во многом связано с самой социальной структурой государства, переживавшего последствия религиозного кризиса. Нравственный и духовный упадок стал поводом и своеобразным оправданием жестокому соперничеству кланов высшего дворянства (грандов), каждый из которых окружал себя сторонниками, в том числе и из про-

¹ См.: *Mousnier R. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII.* Rouen, 1945, PUF, coll. «Hier» 2 éd., 1971; Megariotis Reprints, 1979. Продажа чиновничьих должностей носила форму займа; жалованье чиновника — процент с вложенного капитала.

винциального дворянства, из числа бывших владельцев феодалов и не слишком знатных сеньоров. Основными действующими лицами этой борьбы были: главная ветвь дома Бурбонов (с родственниками — овернскими и форезскими Монпасье); Бурбон-Вандом-Навваррский дом и их младшая ветвь Конде (представители которой стали предводителями французского протестантизма в XVI столетии до Генриха IV); плодовитая династия Монморанси и «постоянные иноземные принцы» при французском дворе и полностью офранцузившиеся. Среди последних вспомним многочисленный клан лотарингских Гизов с Майеннской ветвью, дом Эльбефов и Меркеров, дом савойских Немуров, клевских Неверов и Неверов-Гонзаго, а также Ла Марк-Бульонских, впрочем, этот список можно продолжить. Каждый хотел оказаться в ближайшем окружении короля, служить ему, а следовательно, советовать и оказывать влияние (вспомним соперничество Монморанси и Гизов¹ в Королевском совете при Франциске I, Генрихе II, Франциске II и Карле IX). Представители знатных домов пытались занять лидирующее положение в провинциях, стать губернаторами.

При слабом правлении Генриха III² мы наблюдаем даже нечто вроде воскрешения феодальной вольности. Провинции во главе с губернаторами превратились в почти независимые автономии, и королевство, не без участия Лиги, едва не раскололось. Губернаторы — Монморанси в Лангедоке, Гизы в Шампани, Майенны в Бургундии, Меркеры в Бретани и т.д. — превратились в «полукоролей», так же как и королевские фавориты, например, Жуаёз и д'Эпернон (герцоги и пэры с 1581 г.). Процветание герцогств-пэрств в XVI столетии — знак

¹ См.: *Constant J.-M. Les Guise. Hachette, 1984.*

² См.: *Chevalier P. Henri III. Fayard, 1985.*

слабости королевской власти при Генрихе III, верившем, что его окружают верные слуги и способствовавшем возвышению мелкого дворянства.

В то же время королевская власть играла на надеждах и чаяниях различных социальных слоев, использовала все свои возможности, чтобы направить их аппетиты в нужном ей направлении. Короли умело спекулировали на противоречиях между сословиями, и прежде всего, между дворянством и набирающей силу буржуазией. Верховная власть быстро осознала необходимость буржуазии. Именно из нее черпались кадры для работы в финансовых ведомствах и в суде. Именно буржуа пополняли мир «судейских крючкотворцев» и штат чиновников, который был инструментом королевской власти. В свою очередь, дворянство переживало не лучшие времена, страдая от роста цен. Не будучи способно финансово противостоять буржуазии, оно вынуждено было обращаться за помощью к королю. Единственным способом выжить для большинства дворян стали дарованные королем милости (придворные и военные должности, церковные бенефиции). Фигура короля стала осознаваться как источник постов и милостей. Без короля дворяне уже не значили ничего¹.

Укреплению королевской власти способствовал еще один важный фактор — распространение французско-

¹ *Billacois Fr.* La crise de la noblesse européenne 1550–1650. См. также: RHMС, t. XXIII, avril-juin 1976, p. 258–277; *Crouzet D.* La crise de l'aristocratie en France au XVIe siècle // Histoire, Economie et Société, №1, 1982, p. 7–50; *Jouanna A.* Le devoir de révolte. La noblesse française et la gestation de l'Etat moderne 1559–1561. Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1989; *Zarka Y.-Ch. (sous la dir. de).* Raison et déraison d'Etat. Théoriciens et théories de la raison d'Etat aux XVIe et XVIIe siècles. PUF, coll. «Fondements de la politique», série Essais, 1994. В этой работе показано, что в конце XVI — начале XVII в. государственные интересы становятся более многообразными. В период распрей и смут монарх искусно лавировал и применял самые разные стратегии управления.

го литературного языка, вытеснение диалектов¹, прежде всего на уровне письменной речи. В начале XIV в. к югу от линии Либурн—Лимож—Гере—Анонэ-дю-Лотаре все официальные акты и частные документы составлялись на диалекте «ок» или на латыни. Начиная со второй половины XV столетия туда, прежде всего в области, где проходили важнейшие торговые пути, активно проникает французский язык. Так в Менде, расположенном в Жеводане на старом торговом тракте Париж—Ним—Монпелье, французский язык утвердился на 50 лет раньше, чем в Родезе, столице Руерга. Около 1530 г. французский язык распространился на территории от Бордо до Пиренеев и от Лиона до Марселя. Наконец, знаменитым королевским ордонансом Вилье-Коттре (ст. 111), было предписано составлять все судебные акты, дела, нотариальные документы (контракты, завещания и т. п.) исключительно на французском языке. Ордонанс был принят повсюду без сопротивления и противодействий (1539).

Иногда, в особенно серьезных случаях, королевская власть, дабы усилить свое положение, прислушивалась к мнению граждан. Чаще всего это происходило посредством созыва ассамблей дворянства, которые были гораздо более управляемыми, нежели выбранные Генеральные Штаты.

Король отбирал нескольких верных нотаблей (дворян), а также представителей третьего сословия, исключительно из чиновников (офицеров) — чаще всего президентов судов, советников. Он советовался с подданными по какому-либо вопросу, они взвешивали все «за» и «против», а затем представляли ему свое мнение.

¹ См.: Brunot F. Histoire de la langue française, t. II: Le XVI siècle. A. Colin, 1906; nouv.éd. 1967); Brun A. Recherches historiques sur l'introduction du français dans les provinces du Midi. Champion, 1923.

Так, в 1506 г. им было предложено одобрить или не одобрить брак Клотильды Французской с Франциском Ангулемским; в 1527 г. решить вопрос о том, может ли король уступить императору Бургундию. В 1558–1559, а также в 1583 и в 1596 гг. обсуждались различные фискальные (повышение налогов), административные вопросы, в том числе вопрос о созыве Королевского совета, «расширенного» до 50 членов, и т. д.

Отметим, наконец, и примат государства над французской церковью, оформившийся в 1516 г. по Болонскому конкордату, заключенному с папой Львом X. Этот акт стал важнейшим инструментом централизации власти и повышения ее авторитета. Король и папа разделили управление духовенством, положив конец пресловутым свободам галликанской церкви: была упразднена практика избрания епископов капитулами и аббатов братией в монастырях. Эти кандидатуры отныне представлял король, а папа (заменяющий архиепископа) обладал церковной властью. Новоиспеченный прелат хранил верность королю, который наделял его землями и доходами. Многие связывают такое сосредоточение в руках короля церковных доходов с распространением Реформации. Впрочем, нельзя игнорировать и влияние Англии, где Генрих VIII Тюдор секуляризировал монастыри и стал хозяином и распорядителем церковных земель и доходов. Духовенство несло и некоторые финансовые обязательства перед королем. Аппетиты королевской власти выросли во время кризиса 1560 г., когда «штаты» Орлеана и Понтуаза – как дворянство, так и третье сословие – провозгласили, что духовенство, самое богатое из сословий, должно наравне со всеми платить государственные налоги (более 40 млн ливров). Духовенство было вынуждено заключить Контракт в Пуасси (1561), по которому обязалось шесть лет платить

так называемые аннуитеты, призванные покрыть недоимки от недополученной ренты. Отсрочку на шесть лет постоянно продлевали Генеральные ассамблеи французского духовенства, которые начали периодически собираться в правление Генриха III. Впоследствии ассамблеи стали регулярными — 1 раз в 5 лет. Наконец, принцип церковного налога был выработан и принят. Налоги имели форму благотворительных взносов, размер которых обсуждался в парламенте. Таким образом была подтверждена и финансовая автономия духовенства, ибо налог взимался в целом, а церковь сама определяла, кому из бенефициариев сколько платить¹.

4. Инструменты королевской власти

Становление монархических институтов²

1. Центральная власть. «Король в своем Совете», как видно по королевским указам, стал законодательной, исполнительной и высшей судебной властью. Состав

¹ См.: *Fliche A. et Martin V. L'Histoire de l'Eglise; Poulet Ch. Histoire du christianisme*, t. III. G. Beauchesne et Fils, 1948, *Histoire de l'Eglise*, t. II. Temps modernes. Beauchesne et ses Fils, 1960; *Latreille A. et Delaruelle E. Histoire du catholicisme en France*, t. II. SPES, 1963; *Vénard M. Le Temps des Confessions (1530–1620)*. E. Desclée, coll. «Histoire du christianisme des origines à nos jours», t. VIII, 1992; *Dictionnaire de théologie catholique*; *Chaunu P. Réforme et Eglise au XVIe siècle // Revue Historique*, avril-juin 1962, p. 361–376; *Delumeau J. Le catholicisme entre Luther et Voltaire*. PUF, coll. «Nouvelle Clio», n 30 bis; *5e éd.*, 1995; *Naissance et affirmation de la Réforme*. PUF, coll. «Nouvelle Clio», n 30, 7e éd., 1994; *Garrisson J. Les protestants au XVIe siècle*. Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1988; *Protestants du Midi, 1559–1598*. Privat, coll. «Bibliothèque historique», 1991.

² См об этом: *Pagès G., Zelier G., Doucet R., Mousnier R. Le Conseil du Roi, de Louis XII à la Révolution* (PUF, 1970); *Mousnier R. L'assassinat d'Henri IV, 14 mai 1610*. Gallimard, coll. «Trente Journées qui ont fait la France», n 14, 1964; coll. «Folio-Histoire», 45, nouv. éd., 1992; *Barbiche B. Sully. A. Michel*, coll. «L'Aventure humaine», 1978; *Barbiche B., de*

и количество членов этого Совета часто менялись, о нем нам известно немного. Некоторые лица являлись членами Совета по праву рождения (принцы крови, герцоги и пэры), других назначал король по собственному выбору. Это были, как правило, видные королевские чиновники, прелаты, губернаторы, бальи. Численность Совета не была постоянной: при сильной и стабильной власти Совет заметно сокращался, зато при слабых правителях, например при Франциске II и Карле IX, превращался в шумное и многолюдное собрание, в том числе и предводителей самых разных группировок. С течением времени Совет сделался техническим органом, довольно устойчивым и стабильным, который специализировался на разрешении вопросов, связанных с судопроизводством и финансами, причем в него получили доступ представители буржуазии — чиновники «мантии».

1. Совет возник на осколках распавшейся в начале XIV в. капетингской *Curia Regis* (Королевской курии). Парламент и Счетная палата стали самостоятельными органами. Они заседали без короля и формировались на представительской основе. В Совете же предполагалось присутствие короля, который вершил правосудие. Второй распад произошел в 1497—1499 гг.: от Совета отпочковался Независимый суд, занимавшийся конфликтами между чиновниками, а также делами, связанными с церковными бенефициями. Однако король мог передать сюда любое дело, по своему усмотрению. Именно здесь можно видеть корни исторического противостояния Парламента и Большого совета.

Dainville-Barbiche S. Sully. L'homme et ses Fidèles. Fayard, 1997; *Babelon J.-P.* Henri IV. Fayard, 1982; *Chevallier P.* Louis XIII. Fayard, 1985; *Dulong Cl.* Anne d'Autriche, mère de Louis XIV. Fayard, 1981; Gallimard, 1985; *Kleinmann R.* Anne d'Autriche. Fayard, 1993.

Частный (или Приватный) совет стал органом исключительно консультативным и совещательным¹.

2. Королевский Совет всегда сохранял свое единство — как реальное, так и фигуральное. Его члены собирались на специализированные сессии, позднее постепенно были образованы специализированные секции. Король присутствовал лишь на некоторых заседаниях, когда обсуждались политические дела, оставляя все прочие на усмотрение членов Совета, юристов и финансистов.

3. Королевская резиденция (*Hotel du Roi*) все более увеличивалась в размерах и стала Королевским домом (*Maison du Roi*), окруженным домами королевы, принцев и принцесс. Внутри домов функционировали разные службы: спальня, хлебохранилище, конюшня, охотничий двор, оружейная и т. д. Они представляли собой настоящую кузницу кадров для королевского двора. Во главе различных служб стояли видные официальные лица. Они подчинялись Главному распорядителю Франции (принцу крови или одному из представителей рода Гизов) и большинство из них выполняли различные придворные функции. Красочная толпа придворных (их насчитывалось до 10 000), окружавших вечно переезжавший с места на место двор Франциска I, а потом и Екатерины Медичи, складывалась из сеньоров, их жен и детей, также состоявших на службе в Королевском доме или в домах принцев².

¹ *Dumont Fr.* Inventaire des arrêts du Conseil privé (règnes de Henri III et Henri IV, t.I). CNRS, 1969.

² См.: *Le Roux N.* La faveur du Roi. Mignons et courtisans au temps des derniers Valois (vers 1547—vers 1589). Seyssel, Champ Vallon. 2001. Выходцы из мелкого провинциального дворянства, эти молодые люди пользовались благосклонностью монарха, который в их лице обрел своеобразный противовес нарастающему влиянию и грандов (герцог Алансонский, Гизы).

Двое высокопоставленных придворных из Королевского дома играли ведущие политические роли в государстве и в Совете. Коннетабль Франции являлся командующим французской армией и хранителем королевской шпаги. Канцлер Франции был правой рукой короля, первым чиновником королевства и начальником суда. Он председательствовал на большинстве заседаний Королевского совета, управлял нарождающейся государственной бюрократической машиной. Несмотря на его пожизненный статус, он иногда мог впасть в немилость, и в этом случае его функции переходили к хранителю печати, имевшему статус временного уполномоченного¹. Держатель должности должен был учитывать политические интересы и ставить их выше своих собственных. Вспомним в этой связи Мишеля де л'Опиталя (1560–1568/1573)², исключительно преданного своему делу.

4. В ведомстве канцлера служили чиновники четырех типов. Кроме того, ему подчинялась целая армия приказчиков, судебных секретарей, плавильщиков воска и т. д.:

а) Королевские нотариусы и секретари — настоящее братство в религиозном духе. Считалось, что покровителями нотариусов были четыре евангелиста — первые нотариусы, зафиксировавшие слова и деяния Иисуса Христа и его апостолов. Всего нотариусов было 120. Они регистрировали и заверяли решения Совета и акты Канцелярии. Купив должность королевского нотариуса, чиновник мог надеяться позднее стать секретарем,

¹ См.: Michaud Hélène. *La grande chancellerie et les écritures royales au XVIe siècle*. PUF, 1967; *Chancellerie et culture au XVIe siècle. Les notaires et secrétaires du roi de 1515 à 1547*. Toulouse, Presses Universitaires du Mirail, 1993.

² *Crouzet D. La sagesse et le malheur. Michel de l' Hospital, chancelier de France*. Edition du Champ Vallon, coll. «Epoques», 1999.

что давало дворянство (отсюда и прозвище должности секретаря «крестьянское мыло»: с его помощью простолудин мог «отмыться» от своего положения). В то время шутили, что будь Адам чуточку умнее, он безусловно купил бы должность секретаря, и тогда все человечество было бы благородных кровей.

б) Четыре секретаря находились в привилегированном положении. До XV в. их называли «секретными чиновниками», а с XV столетия — секретарями финансов. Иногда они играли весьма заметную роль в политической жизни, становясь своеобразными министрами, как Флоримон Роберте при Карле VIII, Людовике XII и Франциске I. С 1559 г. их стали называть государственными секретарями. Л'Обеспен возжелал того же самого титула, который был у Гомеса да Сильвы — министра Филиппа II Испанского¹.

в) Докладчики — непосредственные помощники канцлера. Эти молодые, трудолюбивые и хорошо образованные юристы выполняли три функции — заседали в суде по делам Королевского дома; готовили доклады для членов Королевского совета; наконец, начиная с правления Генриха II, их направляли в качестве посланников в провинции или в армию для различных расследований или просто для контроля за правосудием, финансами и соблюдением порядка. Они являлись предшественниками интендантов².

5. Постепенно из Королевского совета выделились различные советы:

¹ На мирном конгрессе в Като-Камбрези четыре государственных секретаря распределили свое влияние по провинциям. Похожее разделение наметилось при Генрихе III, когда Револь в 1588 г. централизовал дипломатическую корреспонденцию. (См.: *Sutherland M. The French Secretaries of State in the Age of Catherine de Medici. Univ. of London, 1962*).

² См.: *Meyer Jean. Intendants // Encyclopaedia Universalis, t. VIII.*

а) Частный (Приватный) совет объединял всех обладателей титула советника вне зависимости отсловия. Гранды и представители родового дворянства не посещали его, предоставив «длинным платьям» заниматься всеми вопросами, за исключением разве что самых важных политических дел. Члены этого особого совета, как правило, юристы, прсзванные «советниками короля в своих советах», з эпохи правления Генриха III стали называться государственными советниками. За свою работу они получали жалование и одевались в фиолетовое, а с XVII в. — в черное. Часто членами этого совета становились докладчики или председатели независимых палат. Частный совет был одновременно судебным и законодательным органом. Он исполнял судебные функции, закрепленные за королем (аналог современного кассационного суда), но в то же время был своего рода лабораторией законов и постановлений королевства (аналог современного Государственного совета), которые появлялись в форме эдиктов, ордонансов и королевских грамот, которые затем рассылала для исполнения судам и трибуналам Канцелярия. Со временем решения Частного совета по ряду вопросов стали обладать силой закона даже без регистрации в независимых палатах.

б) Государственный и Финансовый совет с еще более специализированным персоналом обладал правом устанавливать и повышать налоги, следить за взиманием податей. О нем известно очень мало.

в) Узкий совет, который при Карле IX стал называться Советом по делам, включал в себя от трех до шести членов. Они назначались и отзывались волей короля и не имели официально ни должностей, ни жалованья. Этот совет не обладали никакой властью

без короля, который созывал его по своему усмотрению для личных консультаций. В XVII в. члены этого Совета стали «государственными министрами» (с королевскими привилегиями или без оных) и составили настоящее правительство, ведавшее секретными делами государства (вступление в войны, заключение союзов, подписание договоров). Один из членов Узкого совета назывался обычно «первым советником». Такими были Дюпра, Монморанси, Гиз.

2. Юридическая, политическая и финансовая основы королевства. В течение столетий монархи учреждали многочисленные должности, в результате чего образовалась чрезвычайно запутанная иерархия чиновников. Создавая новую должность, прежние не упраздняли, однако со временем они теряли свою значимость. Новые должности и институты наслаивались один на другой.

1. Самой древней в королевстве была *судебная иерархия*. Зародившаяся в эпоху первых Капетингов, она осталась единственным напоминанием о королевском домене¹. Вопреки существованию множества судебных институтов, имевших достаточно ограниченную сферу деятельности (частных, сеньориальных и прочих), на первый план выдвигаются королевские судебные чиновники, которые в большинстве регионов назывались прево, в Провансе и Лангедоке — вигиерами, в Нормандии и Иль-де-Франсе — виконтами (в Париже были виконт и прево). Прево или виконт обладали той же властью, что и баляи.

Прево подчинялись сенешальствам и судебным округам (баляжам). На практике баляж и сенешальство были идентичными образованиями, и их насчитыва-

¹ *Lebigre A. La Justice du roi: la vie judiciaire dans l'ancienne France.* Albin Michel, 1988; Ed. Complexe, coll. «Historiques», № 97, 1995.

лось около сотни. Первые бальяжи возникли на юге Лабура, Виваре, Жеводана и т. д., а сенешальства — на севере (Понтье, Лудеак и др.). Они выполняли судебную и административную функцию на местах, обладая достаточно широкими полномочиями: принимать ордонансы, исполнять королевские эдикты, утверждать право домениальных неотчуждаемых владений и т. д.

В конце концов, функции бальи (или сенешаля), который чаще всего принадлежал к родовому дворянству («коротким платьям») свелись к почетной синекуре: он объявлял сбор местного дворянского ополчения и приводил его к королю, председательствовал на собраниях, выбиравших депутатов в Генеральные Штаты¹. Во главе бальяжа стоял лейтенант-генерал, магистрат «длинного платья», ему подчинялись гражданский лейтенант, королевский лейтенант по уголовным делам и королевский лейтенант по уголовным делам «короткого платья» (полицейский офицер), королевский прокурор, бальяжные советники, секретари суда и т. д. Большинство этих чиновников были местными уроженцами.

Эдикт 1552 г. придал примерно 60 бальяжам функции уездных судов по гражданским и уголовным делам. Помимо продажи новых должностей, они должны были выступать апелляционными судами достаточно широкой компетенции. Целью этого нововведения было приближение правосудия к народу и существенная разгрузка парламентов.

Еще выше находились восемь парламентских судов, так называемых независимых (король делегировал им право вершить правосудие, рассматривая апелляции).

¹ Бальи или сенешали чаще всего состояли в штате Королевского дома, имели придворный чин камергера, камердинера и т. д. Они были преданы королю и представляли его интересы среди местного дворянства.

Парламенты заседали в Париже, Тулузе (1443), Гренобле (1453), Бордо (1462), Дижоне (1489), Руане (1499), Эксе (1501), Рене (1554) и даже в Шамбери с 1536 по 1559 гг. в период аннексии Савои и Пьемонта. Сохранились и старые герцогские и графские суды.

Наиболее влиятельным был Парижский парламент, чья юрисдикция охватывала более трети территории королевства¹. Его полномочия были практически неограниченны, и противостоять ему могла только королевская воля:

а) *Политическая функция* – Палата пэров (в нее входили принцы крови, герцоги и пэры). Парламент обладал правом (и обязанностью) давать королю советы по уточнению его указов в форме предостережений. Указы принимали силу закона только после утверждения Палатой пэров, и эта ее функция превратила ее в арену критики и отчасти в орган оппозиции. Король с почестями торжественно приходил в Палату и занимал «ложу справедливости»². Канцлер, окруженный своими докладчиками и помощниками, был его правой рукой и провозглашал последнюю волю: окончательно зарегистрировать указ³, придав ему силу закона. Макиавелли видел в этой функции Верхней палаты парламента «третью власть», смягчавшую и ограничивавшую самовластье монарха, который, со своей стороны, пытался лишить ее права законодательного контроля: и Франциск I, и Генрих IV последовательно ограничивали законодательные инициативы и пре-

¹ Под юрисдикцией Парижа находились Ла-Рошель, Лимож, Орийяк, Лион.

² Hanley S. Le «Lit de Justice» des Rois de France. L'Idéologie constitutionnelle dans la légende, le rituel et le discours. Aubier, coll. «Historique», 1991.

³ В упрямые провинциальные парламенты король посылал специальные послания либо направлял делегации для «убеждения».

тензии «мессиров». Пэры обладали реальной властью, ибо регистрировали королевские акты, в том числе и мирные договоры.

б) *Административная функция* — она была достаточно серьезной в городах, на которые распространялись юрисдикции парламента. Так, Парижский парламент осуществлял контроль из Шатле (королевский прево) и из ратуши (городской прево). Парламент утверждал приговоры, а также курировал дела, связанные с общественным порядком в городе: строительство и ремонт дорог, организацию свалок, снабжение лавок и рынков, безопасность, здравоохранение, водоснабжение, оборону и т.д. Он регламентировал цены на продукты питания в Париже, следил за деятельностью проституток и трактиров, а также за продажей и покупкой книг, в том числе и еретических, и выявлением вероотступников¹.

в) *Судебная функция* — парламент являлся верховным апелляционным судом на всем пространстве своей юрисдикции (за исключением тех дел, что рассматривались Королевским советом). Он судил нарушителей согласно своим собственным ордонасам и разбирал большинство государственных преступлений.

Аппарат парламента был достаточно многочислен. Его члены, осознавая собственную значимость, вели себя торжественно и соблюдали сложные ритуалы. Возглавлял парламент Первый президент, которого выбирал среди членов король. Такие Первые президенты, как де Сельвес, Лизе, Де Ту, Ашиль де Арле, по своему влиянию немногим уступали канцлеру Франции. Другими должностными лицами были пре-

¹ Существовала даже специальная Палата морской рыбы, занимавшаяся снабжением Парижа свежей рыбой: напомним, что в те времена 153 дня в году предписывалось соблюдать пост.

зиденты судейских из Большой палаты, президенты специализированных палат (ходатайств, расследований, уголовной палаты Турнель и т.д.); а также «люди короля», генеральный прокурор и его заместители, магистраты. Каждый из них стоя зачитывал свою речь перед сидящими членами Совета.

2. Король управлял королевством тремя способами:

а) *Созданием новых бальяжей* там, где еще сохранились уделы и крупные феодалы, дабы утвердить там власть монарха. Примеры тому – бальяж в Сен-Пьерле-Мутье, созданный для контроля Бери и Бурбоне, или Монферанский бальяж – своеобразный механизм распространения власти короля в Оверни и орудие борьбы с последними крупными феодалами.

б) *Назначением губернаторов и лейтенантов-генералов*. Губернатор в своей провинции был настоящим королем, но губернаторства в это время (в XVI столетии их было 11–13) имели весьма зыбкие и непостоянные очертания. Окончательно они сформируются лишь к концу века, обретя более или менее четкие контуры, совпадающие с границами исторических провинций (Лангедок, Бургундия и др.). В центральной части королевства губернаторств не было вообще. Здесь еще оставались крупные феодалы (Невер, Бурбон-Вандом...) и даже удельные князья (герцоги Алансонский и Анжуйский, герцогиня Беррийская: Маргарита Ангулемская, позднее Маргарита Валуа), которые обладали правами губернатора. Чаще всего губернатором становился человек из высшего дворянства, которому предоставлялись поистине огромные полномочия, особенно при угрозе смут и недовольств. Губернатор вершил суд, устанавливал налоги, осуществлял контроль за чиновниками, исполнял обязанности главнокомандующего и обладал всеми правами

для наведения и поддержания порядка. Последнее заставляло его заниматься и общественным порядком в городе, что составляло компетенцию парламента. В постоянных конфликтах губернаторов с парламентами, нередко при поддержке короля, последние выходили победителями.

в) *Направлением комиссаров из Частного совета с четко обозначенными правами и полномочиями для выполнения ответственных миссий.* При Франциске I «отправляемые для исполнения приказа короля» набрались из докладчиков, а то и государственных советников, бывших епископов и президентов палат. Из этих королевских посланников, как известно, возникнут «интенданты» в армии и в провинциях. Слово «интендант» вошло в обиход уже при Генрихе II — так называли тех, кто исполнял специальные поручения на определенной территории в определенный период времени.

3. Финансовая иерархическая структура стала порождением XVI в. В это время обычных доходов с домена перестало хватать на войны, дипломатию, строительство дворцов и переезды двора, и король начинает жить на экстраординарные доходы (налоги) и займы¹. В 1522—1523 гг. канцлер Дюпра провел ре-

¹ См.: *Hamon Ph. L'Argent du roi. Les Finances sous François I.* Paris, Comité pour l'Histoire économique et financière de la France, coll. «Histoire économique et financière de la France», 1994. В этой книге предпринята первая попытка воссоздать бюджет государства того времени. С 1515 по 1547 гг. в казначейство поступило 200 миллионов ливров, т. е. в среднем по 6—7 миллионов ежегодно, в стране с 16—17 миллионами жителей. Две трети этих сумм уходило на военные нужды. Численность финансовой администрации постепенный растет и вскоре достигает примерно 120 человек. См. также: *Hamon Ph. Messieurs des finances. Les grands officiers de finances dans la Renaissance,* Paris, Comité pour l'Histoire économique et financières de la France, coll. «Histoire économique et financières de la France», 1999. В этой работе дана подробная картина профессиональной деятельности финансовых чиновников.

форму центральной администрации. Кроме иных нововведений, были созданы сберегательное казначейство (хранители казны, сберегательные казначеи), четыре казначея Франции, в ведении которых находились доходы от государственных земель, и четыре финансовых генерала, занимавшихся прочими поступлениями. Эти чиновники назначались из числа крупных банкиров и деловых людей. Кроме этого, были созданы три счетные палаты, четыре податных двора и многие другие организации. В 1561 году вводится должность суперинтенданта финансов, в обязанность которого вменяется формирование при участии Королевского совета своего рода бюджета, где учитывались бы расходы и доходы¹.

К этому времени король уже утвердил размеры большинства налогов, в том числе и на часть доменальных доходов. «Финансисты» группировались по «партиям», чтобы «откупать» какие-либо конкретные налоги, для чего, собрав деньги, вносили необходимую сумму в казну авансом, а затем возвращали их себе уже из сборов. Эти действия поощрялись королевской властью. На время действия аренды откупщик получал статус временного чиновника. Добиться откупа было неслыханно трудно, ибо в каждой провинции действовал собственный фискальный режим, особенно по налогам на прибыль от торговли продовольствием и пошлинам на ввоз и вывоз этих продуктов. Их размеры все время менялись, в основном, конечно, увеличиваясь ввиду успешного развития рыночных отношений и улучшения питания

¹ См.: *Barbiche B. Sully. A. Michel*, coll. «L'Aventure humaine», 1978, см. стр. 48, n.1; *Aristide I. La fortune de Sully*. Paris, Comité pour l'Histoire économique et financières de la France, coll. «Etudes générales», 1990.

населения (так, если в 1523 г. по этим статьям было собрано 15 000 ливров, то в 1597 г. — уже 480 000 ливров). Не говоря уже о налоге на соль, находившуюся в королевской монополии.

Для сбора прямого налога (тальи, введенного в 1549 г.), пришлось изменить административное деление страны. В податных округах (элекционах) чиновники, которых называли «элю» (дословно «выбранные»)¹, распределяли талью между приходами, затем жители выбирали сборщиков, ответственных за соби- рание налога (это была настоящая трагедия деревни), которые в свою очередь затем передавали собранное приемщику тальи. В 1577 г. было создано 16 (затем их число увеличилось до 19) финансовых бюро, в каждое из которых входил один из казначеев Франции, ответ- ственный за сбор тальи и налога на мосты и дороги. Кроме него в состав финансового бюро входили фи- нансовый генерал, который отвечал за сбор остальных налогов, а также генеральный сборщик из среды круп- ных финансистов. Позднее первые две должности бы- ли объединены в одну — генерального казначея. Тер- ритории, где они исполняли свои обязанности, стали называть финансовыми округами (генералитетами). Они стали основой нового административного устрой- ства страны, которое позднее еще раз изменят интен- данты. Судя по тому, что финансовые чиновники лег- ко одалживали королю деньги под будущие налоги, де- ла у них шли весьма удачно. Большинство из них мог- ли бы стать отличными банкирами...

Чтобы представить себе всю сложность структуры власти, напомним, сколько существовало так назы- ваемых специальных юрисдикций: епископальных,

¹ Первоначально (при Иоанне Добром) их действительно выби- рали «штаты», но очень быстро должности эти стали продавать.

адмиралтейства, маршалов Франции (функционировали, например, маршальские прево, осуществлявшие полицейский контроль на больших дорогах), смотрителей вод и лесов и т. д. Ясно, что наложение функций одного органа власти на другой было неизбежно, как неизбежно пересекались полномочия парламентов и чиновничества.

Несмотря на успешную работу специалистов по теории права, разработанный законодательный арсенал эдиктов и ордонансов, целую армию финансистов, даже самая дееспособная и эффективная королевская власть над подданными в XVI столетии была слабее той, которой обладало либеральное государство XIX в.¹ Хотя правил, судил и утверждал законы король, королевство жило своей жизнью, находясь под управлением местных чиновников.

¹ Публикация королевских распоряжений в целях прославления власти позволила частично сгладить эту очевидную слабость монархии того времени. См.: *Fogel M. Les cérémonies de l'information dans la France du XVIe au XVIIe siècle. Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1989.*

Глава III

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ КРИЗИСЫ «ВЕЛИКОГО ВЕКА»

1. Мятежный XVII в.¹

Отбросим расхожий миф о статичности XVII века, апогея абсолютизма, застывшего в сиянии королевского величия, в единомышленном национальном конформизме между беспокойным XVI веком и разрушительным XVIII-м. Те, кто верят в это, ослеплены роскошными фасадами Лувра и Версаля, первенством Франции в Европе. Нам же предстоит, подняв занавес, наблюдать актеров, игравших подлинную трагедию на сцене французских городов и сел, с поразительной регулярностью превращаемых в руины бесконечными войнами и внутренними распрями. Чтобы представить себе это, стоит внимательно перечитать поразительные документальные страницы Гастона Рупнеля о Бургундии: почти 30 лет грабежей, насилия и убийств².

¹ В книге: *Cornette J. Les années cardinales. Chronique de la France, 1599–1652.* А. Colin-SEDES, 2000 дается широкая панорама политической и культурной жизни того времени.

² См.: *Le Roy Ladurie E., Neveux H. et Jacquart J. Histoire de la France rurale, t. II: L'Age classique des paysans de 1340 à 1789.* Le Seuil, coll. "Univers historique", 1975; coll. "Points-Histoire", 167, 1992; *Le*

«Великий век» был жестоким и безжалостным. Благородная мадам де Севинье с завидным спокойствием описывала зверства в Бретани в 1675 г. («ребенок, пронзенный на вертел солдатами» — рядовой инцидент). В этом веке каждый месяц оборачивался драмой и борьбой для каждого: для восставшего крестьянина или «босоногого» бродяги 1636–1639 гг., для неутомимых тружеников Сюлли, Ришелье, Кольбера, Венсана де Поля, Мольера или Боссюэ. Кто только не сталкивался в неразрешимых противостояниях идей и интересов: богоборцы, мистики, янсенисты, молинисты, гугеноты, картезианцы, либертины или же буржуа, чиновники, дворяне. И нет решительно никаких свидетельств о пресловутой ясной безмятежности классически организованного столетия¹.

Roy Ladurie E., Neveux H., Chartier R., Quilliet B., Chaussinand-Nogaret G. Histoire de la France urbaine, t. 01: La Ville classique de la Renaissance aux Révolutions. Le Seuil, coll. "Univers historique", 1981; Dupâquier J. Pour la démographie historique. PUF, coll. "Histoires", 1984; Dupâquier J. La population française aux XVIe et XVIIe siècles. PUF, coll. "Que sais-je?", № 1786, 1 éd., 1979; 3e éd., 1995; Dupâquier J. (sous la dir. de) Histoire de la population française, t. II: De la Renaissance à 1789. PUF, 1988, 2' éd., 1991; coll. "Quadriges", № 182, 1995.

¹ См.: *Methivier H. Le siècle de Louis XIII. PUF, coll. «Que sais-je?», № 1138 et 426, 9 et 14 éd, 1994 et 1998; Tapié V.-L. La France de Louis XIII et de Richelieu. Flammarion, nouv. éd. 1980; Gaxotte P. La France de Louis XIV. Hachette, 1946; DUBY G. et Mandrou R. Histoire de la civilisation française. A. Colin, coll. «U», 7 et 8 éd., 1984 et 1987, 2 vol.; LGF, Le Livre de Poche, coll. «Références», 409, 1993; Mousnier R. Les XVI et XVII siècles. Progrès de l'Europe et déclin de l'Orient. PUF, coll. «Histoire générale des civilisations», t. IV, 5 éd., 1967; coll. «Quadriges», 1992; *Le Roy Ladurie E. L'Ancien Régime, 1610–1770. Hachette, coll. «Histoire de France-Hachette», t. 3, 1991; Rounel G. La ville et la campagne au XVII siècle. Etude sur les populations du Pays dijonnais. A. Colin, 1955; Bloch M. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. A. Colin, nouv. éd., 1988, 2 vol.. См.: также сборник Annales ESC; монументальные диссертации Р. Мунье, А. Фревийя, Ж. Ливе, П. Леона, П. Губера и других, в которых исследована социальная жизнь французов в XVII в., экономические работы Ж. Мевре, наконец, незаменимый источник: XVII siècles. Bulletin de la Société**

Велик соблазн уложить эпоху в схематичный триптих: начало XVII века — продолжение беспокойного XVI-го (эпоха Генриха IV, Людовика XIII, Мазарини), время барокко, где в одном котле «варились» мистицизм и ультрамонтанизм, галликанизм и янсенизм, культ утонченности, либертинаж и культ страданий, многочисленные бунты, в которых тесно соседствовали живые и вымышленные герои: Франсуа де Саль и Декарт, Сен-Сиран, Корнель и Ретц, великий Конде, Родриг или великий Сирюс; затем классический XVII век — приблизительно 1660—1685 гг. с «королем-солнцем» в его зените, окруженным созидателями, вносившими порядок во все, что их окружало: Кольбер, Лувуа, Вобан, Боссюэ и Лебрен; и наконец финал века — закат звезды Версаля, канувшей в пропасть поражения и нищеты¹.

d'Etude du XVII siècle (au Collège de France, 75005 Paris). Не менее интересны работы: Lebrun Fr. *Le XVII siècle*. A. Colin, coll. «U», 1967, 9 éd., 1990.; Mandrou R. *Louis XIV en son temps, 1661—1715*. PUF, coll. «Peuples et Civilisations», t.X, 2 éd., 1978; De la culture populaire aux XVII et XVIII siècles. Stock, coll. «Monde ouvert», 1964, Imago, 1985; Tüchle H., Boumann C.-A., Le Brun J. *Réforme et Contre-Réforme*. Le Seuil, coll. «Nouvelle Histoire de l'Eglise», sous la dir. de J. Danielou, t.III, 1968; Taveneaux R. *Le catholicisme dans la France classique (1610—1715)*. SEDES, coll. «Regards sur l'histoire», № 34 et 35, 2 éd. rev. et augm., 1994, 2 vol.; Constant J.-M. *Les conjurateurs: le premier libéralisme politique sous Richelieu*. Hachette, 1987.

¹ См.: Bénichou P. *Morales du Grand Siècle*. Gallimard, 1988; Adam A. *Histoire de la littérature française au XVII siècle*. Domat, 1948—1956, 5 vol.; Bray R. *La Préciosité et les Précieux*. Nizet, 1960; *La formation de la doctrine classique en France*. Nizet, 1961; fac-similé, 1983; Hazard P. *La crise de la conscience européenne (1680—1715)*. Boivin, 1934—1935, 3 vol., Fayard, nouv. éd., 1989; Pintard R. *Le libertinage érudit dans la première moitié du XVII siècle*. Boivin, 1943, 2 vol., Slatkine, 1983; а также глубокие труды Ж. Оркибаля и аббата Л. Коне обо всех аспектах религиозной жизни во Франции в XVII в. О структуре церкви см.: Martin V. *Le gallicanisme politique et le clergé de France*. Picard, 1929; Broutin P. *La Réforme pastorale en France au XVII siècle. Recherche sur la tradition pastorale après le concile de Trente*. Tournai, Desclée & C', coll. «Bibliothèque de théologie», 1956, 2 vol.; Blet P. *Les Assemblées du Clergé de France de*

Ролан Мунье оценивает XVII в. как кризисную эпоху во всех областях человеческой деятельности — духовной, интеллектуальной, экономической, социальной, политической. Робер Мандру называет 1660—1680 гг. «трудными временами». Пьер Леон отмечает фундаментальные признаки кризиса конца века вплоть до 1715 г. Правда, Пьер Губер («Людовик XIV и двадцать миллионов французов». Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», nouv. éd., 1991) не склонен делать однозначных выводов, а Кристиан Карьер, Жан Делюмо, Мишель Морино противопоставляют внутренней стагнации удачи в мореплавании.

2. Нестабильность экономики и демографии

Основной фон экономической жизни — нехватка денежных средств и нестабильность цен. Рост цен, характерный для XVI в., продолжался вплоть до 1630 г. с последующей фазой стагнации в 1630—1650 гг. Кривая

Louis XIV. Beauchesne, 1959, 2 vol.; Le clergé en France. Louis XIV et le Saint-Siège de 1695 à 1715. Le Vatican, 1989; *Perouas P. L.* Le diocèse de La Rochelle de 1648 à 1724. SEVPEN, 1964; *Ferté J.* La vie religieuse dans les campagnes parisiennes (1622—1695). Vrin, 1962; *Dinet D.* Vocation et fidélité. Le recrutement des Réguliers dans les diocèses d'Auxerre, Langres et Dijon (XVII—XVIII siècles). Economica, 1988; *Richard M.* La vie quotidienne des protestants sous l'Ancien Régime. Hachette, 1967; *Adam A.* Les libertins au XVII siècle. Buchet-Chastel, 1964; *Picard R. et coll.* Le XVII et le XVIIIe siècle. Ed. Lidis, coll. «Civilisations», t. VI, 1968; *Mandrou R.* Magistrats et sorciers au XVII siècle. Plon, 1968; *Bercé Y.-M.* Fête et révolte. Des mentalités populaires du XVI au XVIII siècle. Hachette, coll. «Temps et Hommes», 1976; nouv. éd., 1994; *Castan Y.* Magie et sorcellerie à l'époque moderne. A Michel, 1979; *Muchembled R.* La sorcière au village, XVe—XVIII siècles. Gallimard, 1979; Sorcières, justice et société aux XVI et XVII siècles. Imago, 1987; L'invention de l'homme moderne. Sensibilité, moeurs et comportements collectifs sous l'Ancien Régime. Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques» 1988; *Cuénin M.* Roman et société sous Louis XIV. Champion, 1979; Le duel sous l'Ancien Régime. Renaissance, 1982.

экономического развития в это время пошла на спад, продлившийся до 1685 г. Неоднозначная в зависимости от видов продукции и регионов¹ эта кривая почти сошла на нет к 1730 г., хотя и с периодами резкого роста в 1693–1694, 1698, 1709–1710, 1720, 1725 гг.

Сеньоральное право, регулировавшее отношения между жителями одной территории, тяжелым бременем давило на крестьянство. Основной проблемой было то, что деревней или земельным участком редко владел один хозяин, как правило, они были поделены между несколькими хозяевами. Сеньор все еще взимал арендную плату или натуральный оброк («шампар») со своего домена, а также подати, ренту, общинные сборы, налоги с продаж наделов их держателями. Сеньория, политическая сила которой пошла на убыль с появлением многочисленных королевских чиновников, оставалась экономической силой благодаря своим традиционным сборам с сельскохозяйственного производства. Дворянское достояние складывалось из множества малых статей дохода, чтобы его получить (и использование, если речь шла о натуральной ренте), требовалось методичное управление хозяйством. Вот почему многие дворяне столь пренебрежительно относились к некоторым своим господским правам. Поместья процветали только в руках семей,

¹ *Baehrel R.* Une croissance. La basse Provence rurale depuis la fin du XVI siècle jusqu'à la veille de la Révolution. Essai d'économie historique statistique. SEVPEN, EHESS, coll. «Démographie et Société», 6, 1961, nouv. éd., 1988. Экономический рост продолжался вплоть до депрессии 1690–1720 гг. Защищать этот тезис в 1961 г. значило опровергать столь дорогие Ролану Мунье представления об общем кризисе XVIII в. Эта новаторская теория опиралась на появившиеся к этому времени региональные исследования, основанные на конкретных фактах, а не на подсчетах среднестатистических данных. (См.: *Goubert P.* La vie quotidienne des paysans français au XVII siècle. Hachette, coll. «La vie quotidienne», 1982; nouv. éd., 1991).

имевших другие статьи дохода (например, торговля) и инвестировавших излишки средств в обработку земли. Главное поместье, будучи неделимым и неотчуждаемым, было малодоходно, но — как самое осязаемое доказательство жизненности феодального строя — поддерживало социальный статус благородного сословия. Напротив, «полезное» поместье могло приносить доход, что стало причиной выкупа многих арендных наделов старыми и новыми сеньорами для восстановления сдаваемого в аренду «ближнего» поместья. Как следствие семьи родового дворянства, имевшие в собственности только землю прямого господского подчинения, были поставлены перед необходимостью «унавоживать свои земли», заключая родственные союзы с представителями чиновничества и финансовых кругов. Впрочем, в правление Людовика XIV старая аристократия получила некоторое послабление вследствие снижения цен и снятия тяжелой зависимости от «ценза роскоши» (это не касалось придворной жизни). И все же это не обезопасило ее от кризисов аграрного сектора, ощутимо снижавших поступления ренты, и не защитило от катастрофических и частых повышений цен.

В течение всего столетия, и в период повышения цен (до 1640 г.), благоприятного для крупных производителей, и во время снижения цен при Людовике XIV, процесс перераспределения поместных земель и как собственности, и как объекта землепользования шел медленно, поскольку сеньор, вопреки всему, мог позволить себе повременить с продажей своего зерна и вина, а следовательно не так зависел от перепадов цен, чем земледельец или арендатор. Марк Блох предлагает различать два типа дворян: те, кто вкладывали в поместную землю средства, полученные из других источни-

ков (тип Кольбера), и те, для кого поместье было единственным источником доходов (тип мадам де Севинье). Последние, полностью зависимые от своих земель, не имея возможности выкупить у арендаторов части собственных наделов, пытались закабалить их «правом третьей части», предусматривавшим присвоение сеньором третьей части их собственности.

Экономически дворянское поместье жило сельским хозяйством — напрямую (за счет землепашцев) и опосредованно (за счет земельной ренты, так как господа и владельцы церковной десятины являлись по сути рантье). Аграрная техника того времени не позволяла ни произвести больше того объема сельхозпродукции, которого едва хватало для удовлетворения элементарных потребностей, ни избежать жестоких неурожаев. Кроме распространенных в то время культур (конопля, лен, марена), выращивали также виноград и «злаки», причем этим словом обозначали любой вид зерновых, пригодных для выпечки хлеба. Пшеница была роскошью для богатых, да и сорта были неважными. Поля нередко засевали смесью зерновых (пшеница, рожь, ячмень и овес) на западе и в центре и кукурузой на юго-западе страны. Крестьянская пища состояла в основном из черного хлеба, сухарей, лепешек, вареного мяса, супов, молочных продуктов и сыра, а также бобов, каштанов, гороха и чечевицы. Ко всему этому добавлялись в праздничные дни сало и птица.

Основной задачей крестьянина было засеять как можно больше земли, чтобы просто-напросто не умереть с голоду. (В этом же, кстати, причина периодических вырубок виноградников.) Пастбища были бедными, и плохо выкормленный (половина, максимум две трети от веса животных в XX в.) скот мог пастись только на паровых землях, обширных непахотных землях,

общинных рощах и на полях по праву «прохода и пус- того выпаса» после сбора урожая. Поскольку скот, вследствие недостаточности кормов, был хилым и ма- лочисленным, навоза для удобрения полей не хватало, плодородие земель не восстанавливалось. Чтобы как- то решить эту последнюю задачу, оставалось одно- единственное средство: оставлять землю под паром на год через каждые два года на юге, на год через три года на севере, а для некоторых земельных угодий этот срок составлял три—четыре года через каждый десять лет. Сельскохозяйственный труд был малопродуктивным. Пахали на коровьей или конской тяге, волы были при- знаком достатка. Сельскохозяйственные орудия лишь неглубоко рыхлили землю, а не вспахивали ее в полном смысле слова (плуг был в ходу только на плодородных равнинах). В основном обработка земли, уборка уро- жая велись вручную при помощи лопаты, мотыги, сер- па, цепа. Для восстановления плодородия землю забра- сывали соломой, но выраставшие на плохо пропахан- ной почве хлеба чахли, да и солома была некачествен- ной, а урожай средним: 3—5 мер на одну посеянную.

Худосочное население, регулярно недоедавшее, подверженное частым эпидемиям и имевшее неболь- шую продолжительность жизни (старость наступала в 40 лет), голодало в период аграрных кризисов, по- скольку воспроиздилось быстрее, чем росло произ- водство продовольствия¹. Крестьянин был обязан про- изводить регулярные денежные выплаты: королевские налоги, десятину, господскую ренту, арендную плату, для чего был вынужден продавать имущество, по-

¹ Каков был выход? Задержка возраста вступления в брак — 25—27 лет, отмечаемая П. Шоню, Фр. Лебреном и другими демо- графами. Кроме того, из 2—3 новорожденных выживал только один.

сколькx при общем снижении цен после 1640 г. размер выплат не уменьшился. Кроме того, ежегодно он становился жертвой сезонного снижения цен после сбора урожая, так как стремился скорее продать свою продукцию, тогда как крупные производители и земельные рантье могли подождать с продажей. Крестьянин все время страдал от ценовых «ножниц», ибо если он производил недостаточно для обеспечения своей семьи, требовалось закупать зерно и хлеб, а даже если удавалось произвести достаточно, он вынужден был расходовать большую часть урожая на необходимые выплаты, брать в долг или же продавать землю и пополнять армию бродяг.

Общество было настолько беззащитным перед малейшими колебаниями цен, сезонными факторами и непогодой¹, что любые перемены рыночной конъюнктуры вели к катастрофическим последствиям для демографии. Причем в этом процессе можно различить как долгосрочные тенденции, так и краткосрочные всплески:

а) *Краткосрочные всплески*, происходившие несколько раз за один длинный виток повышения-понижения цен, были связаны с однократным ухудшением метеорологической, аграрной, монетарной или демографической ситуации. Эти кризисы в старой Франции обуславливались прежде всего уровнем развития сельскохозяйственного производства и землепользования. При почти повсеместном культивировании зерновых уже двухлетний неурожай вызывал голод и резкий скачок смертности. Не было ни одного года, чтобы та или иная провинция или королевство в целом не оказались

¹ *Le Roy Ladurie E.* Histoire du climat depuis l'an mil. Flammarion, 1967; coll. "Champs", cat. 4, № 108 et 122, 2 vol, réimpr. 1990; *Vries Jan de.* Histoire du climat et économie; des faits nouveaux, une interprétation différente // *Annales ESC*, № 2, mars-avril 1977, p. 198—226.

затронуты кризисом: засуха или проливные дожди, град, наводнения, ранние заморозки (при заморозках останавливались водяные мельницы, а следовательно, и обмолот зерна). Периоды наибольшей смертности в эту эпоху таковы: 1629–1630, 1636–1637, 1648–1651 (не кризис ли спровоцировал крестьянские волнения?), 1660–1662, 1693–1694 (связан с резким повышением цены на зерно: 300% в Бовэ в 1693 г.), 1698, 1709–1710 гг. Нельзя сказать, что с кризисами не пытались бороться: проводились различные благотворительные мероприятия; в 1693–1694 гг. в Париже раздавали бесплатный «королевский хлеб», из Польши и из Северной Африки ввозили зерно. Но все это было полумерами.

Периоды голода всякий раз провоцировали вспышки эпидемий чумы¹, оспы, тифа, холеры, краснухи, которые в свою очередь повышали показатель смертности населения в 4–5 раз, истребляя иногда 25–35% жителей, и увеличивали и без того внушительное число бродяг. Сельская местность была более уязвима для голода и эпидемий, чем город, который обладал запасами. Жители деревень в голодное время питались «кореньями и травами», о чем говорилось во многих старинных текстах, т. е. дикими сортами корнеплодов и овощей. При этом смертность среди простонародья была в 2–3 раза выше, чем среди обеспеченных граждан. Неравномерно затрагивали кризисы и различные регионы: на густонаселенной пикардийской равнине-

¹ *Hildesheimer F.* La terreur et la pitié. L'Ancien Régime à l'épreuve de la peste. Publisud, 1990. Люди с навязанным им церковью чувством вины могли быть спасены от бедствия только ценой ужесточения порядков, что послужило причиной укрепления монархической власти и ее движения к абсолютизму с 1630 по 1730 гг. См. также: *Hildesheimer F.* Fléaux et société. De la Grande Peste au Choléra, XIV–XIX siècle. Hachette, coll. «Carré Histoire», sous la dir. de R. Muchemoled, 1993. Автор проанализировал факторы и последствия эпидемий на протяжении всей истории.

житнице смертность была гораздо выше, чем в Брэ, где возделывались разнообразные культуры и было сосредоточено мясомолочное производство. Этот пример иллюстрирует уязвимость старых сельскохозяйственных регионов с монокультуриванием зерна. Приходские книги показывают, что самую большую цену за эти кризисы «платила» демография: продовольственные кризисы влекли за собой уменьшение числа браков и снижение рождаемости (часто более чем на 50%), а спустя 16—30 лет вторичное снижение. Однако восстановлением хороших урожаев рождаемость резко росла, угрожая демографическим взрывом.

Наконец, голод сам являлся причиной кризиса: производительность падала, снижался объем сельскохозяйственного и ремесленного производства, сворачивалась торговля, провоцируя безработицу и нищету мастерового люда, а следовательно падение налоговых поступлений и дефицит королевской казны. Голодающий пролетариат городов и деревень был первым кандидатом на роль жертвы в грядущем продовольственном кризисе.

Механизм таких кризисов представляется следующим: рост численности населения вызывал повышение спроса, уровень потребления выходил за пределы минимального жизнеобеспечения, что становилось причиной внезапных повышений цен, которые, делая многие продукты недоступными для населения, обращались его обнищанием и, в конце концов, ростом смертности. Далее, вероятно, цены падали вследствие снижения уровня потребления. Р. Мунье и П. Губер находят крайне полезным изучение приходских метрических записей, торговых и нотариальных архивов, бухгалтерских книг с целью выяснения вопроса: не предшествовал ли и не сопровождал ли демографиче-

ский рост повышение цен, и не предварял ли рост смертности их падение? Одно бесспорно: рост численности населения делал его более уязвимым в отношении продовольственных кризисов и других факторов увеличения смертности¹.

б) *Долгосрочные тенденции*. За неимением точных цифр очень трудно обрисовать демографическую кривую столетия. Но с известной долей уверенности можно сказать, что она, достигнув максимальной отметки в 20 млн. в 1648 г., держалась ровно в период крестьянских волнений и резко пошла вниз, не стабилизируясь вплоть до 1720 г. Кстати, П. Губер обнаружил в регионе Бовэ рост смертности с 20 до 50%, что совпадало с обеднением всех социальных классов. Сельское помещичье дворянство влезало в долги, выдавало дочерей за землепашцев и арендаторов, заставляло своих сыновей заниматься «неблагородным» трудом, чтобы только спасти родовое гнездо. Причина этого — снижение арендной платы и всех видов земельной ренты, вызвавшее падение покупательной способности земельных рантье, равно как и всех добывавших пропитание на земле. После 1650–1660 гг. и вплоть до 1730 г. почти повсеместно отмечается ухудшение положения провинциального дворянства.

¹ См.: Population, octobre-décembre 1958. П. Кольбер исследовал те же проблемы в социально-экономическом аспекте, М. Флери и Л. Анри — через призму демографической истории. Отметим также исследования по истории климата *Le Roy Ladurie E. Histoire et climat // Annales ESC, janvier-mars 1959, p. 3–34; ego же. Climat et récoltes aux XVII et XVIII siècles // Annales ESC, mai 1960, p. 434–465; Jacquart J. La Fronde des Princes dans la région parisienne et ses conséquences matérielles // RHMC, octobre-décembre 1960, p. 257–290. См. также: Chaunu P. La civilisation de l'Europe classique. Arthaud, coll. "Les Grandes Civilisations", 1966, éd. poche, 1984. Обратите внимание на статьи И. Мевре, Ж. Жакара, П. Дейона, Ж. Тира в номерах 70–71 журнала «XVII siècle» за 1966 г.*

Подсчитывая население по «очагам», доверяясь официальным регистрационным книгам, Вобан занижает реальную численность населения королевства, оценивая ее в 19 млн человек на 1700 г. После «Великой зимы» 1709 г. Форбоннэ насчитывает и того менее: 16–17 млн¹. Снижение численности населения, точную цифру которого установить невозможно, сопровождалось монетарным и экономическим кризисами и общим падением цен.

Здесь уместны два общих наблюдения:

1. Периоды роста смертности 1649–1652, 1660–1662, 1693–1694, 1709–1710 гг. были более частыми и серьезными в первой половине XVII в., чем во второй.

2. Фаза «А» повышения цен, продолжавшаяся до 1640 г., т. е. до конца «долгого XVI века», пошла вниз и достигла нижнего предела к 1690 г. с незначительными краткосрочными повышениями (монетарная инфляция, сезонные вспышки голода), плохо скрывавшими действительную стагнацию. Начиная с 1650 г. в экономике господствует фаза «Б» — депрессия, падение производства. Это были «трудные времена», по определению Кольбера. Упадок был всеобщим: нехватка денежных средств (монетарный голод), падение спроса и сокращение производства, снижение доходов и численности населения. Непопулярная финансовая политика правительства усугубила кризис: взрывы жестокой инфляции и дефляции приводили в отчаяние и производителей, и потребителей, парализовали деловую активность, вызвали череду экономических катастроф и рост безработицы со всеми воз-

¹ Ж. Мейер и другие ученые считают, что в 1715 г. в стране проживало около 22 млн. человек.

возможными социальными последствиями. За 30-летний период, как отмечает А. Буагильбер, продажные и арендные цены на землю упали вдвое.

Конечно, как констатирует Р. Мунье, нестабильность цен объясняет далеко не все: в фазе «А», как и в фазе «Б», разделенных промежутком 1640–1650 гг., были большие внутренние колебания. Например, рост смертности в 1630 г. повлек за собой снижение цен (падение спроса), которое, став причиной усиления налоговых тягот, вызвало взрыв крестьянских волнений, достигших апогея в 1636–1639 гг. В том, что в 1623–1675 гг. повстанческие настроения последовательно охватывали одну за другой провинции страны, существенную роль, как нам представляется, играли стагнация и ухудшение экономической конъюнктуры (не считая природных кризисов). В правление Людовика XIII голодающее население не могло вынести налогового бремени, утяжеленного дороговизной, а следовавшее за этим резкое снижение цен не дало ему возможности собрать нужные средства для уплаты аренды и налогов.

В перспективе нужно будет увеличить объем региональных исследований с целью более точного и целостного представления о динамике интерциклических колебаний региональных конъюнктур, а также взаимосвязи ценовых колебаний и изменений в демографической ситуации¹.

¹ См. работы Ф. Симиана (1932), М. Блока, Л. Февра и Ж. Мевре, посвященные экономическим аспектам Великого века и проблеме жизнеобеспечения; *Rothkrug L. Critiques de la politique commerciale et projets de réforme de la fiscalité au temps de Colbert // RHMC, t. VIII, avril-juin 1961, p. 81–102; Léon P. Economies et sociétés pré-industrielles. t. 2 1650-1780. A. Cohn, coll. "U", 1970; Meuvret J. Le problème des subsistances à l'époque Louis XIV. Mouton, 1977, 2 vol.; EHESS, t. 1, 1986. 2 vol.; t. II. 1987. 2 vol.; Gutton J.-P. Domestiques et serviteurs en France sous l'Ancien Régime. Aubier-Montaigne, coll. "Historique", 1981.*

3. Города и деревни: примеры и исследования

Повсеместно наблюдается постепенный захват сельской собственности горожанами. Принадлежавшая мадам де Севинье сеньория Роше, около Витрэ, с большим трудом избежала продажи, хозяйка признавалась, что с трудом собирает ренту. Семья Севинье, как и многие другие, стояла перед суровым выбором — продать или сдать в аренду ближние владения. В Верхнем Керси владения Белькастель, и так уже урезанные продажами, только чудом были спасены от рук кредитора, который, естественно, уже скупил соседние земли. Повсюду финансисты и торговцы скупали пустовавшие или заложенные дворянские и крестьянские участки для перепродажи чиновникам и крупным буржуа Дижона, стремившимся восстановить весь регион после опустошительной Тридцатилетней войны и проливных дождей 1646–1666 гг. В обезлюдевших деревнях в это время преобладали вдовы, попрошайки и поденщики.

В Бургундии новые господа предпочитали арендную систему старой системе фиксированной ренты, вносимой зерном, а число землепашцев и сезонных работников непрерывно увеличивалось по отношению к действующим или живущим на ренту землевладельцам.

В Нижнем Лангедоке крупные дворянские владения и хутора скупали судебные или финансовые чиновники, сразу же начинавшие расширять пахотные площади под зерновые. Исчезновение мелких земельных собственников окончательно разорило обезлюдевшие деревни¹.

¹ См.: *Saint-Jacob P de. Documents sur la communauté villageoise en Bourgogne du milieu du XVI siècle à la Révolution. Belles-Lettres, 1962; Le Roy Ladurie E. Montpellier et sa campagne... // Annales ESC, avril 1957, а также его тезисы «Les paysans de Languedoc (XV–XVIII s.)». SEVPEN, 1966; EHESS, coll. «Civilisations et Sociétés», 42, 1974, 2e éd., 1985, 2 vol.; Flammarion, 1969; Id., coll. «Champs», № 7. nouv. éd. abrégée, 1988.*

В Бри земельную собственность разделили между собой придворные аристократы, парижские буржуа и предводители духовенства, получавшие хорошую ренту. Они объединяли мелкие земельные наделы в более крупные владения и сдавали их в аренду богатой крестьянской элите (ее насчитывалось 4—5 тыс.), виноградарям (ок. 15 тыс.), поденщикам (ок. 17 тыс.), мелким ремесленникам (ок. 25 тыс.). Сельскохозяйственный капитализм аккумулировал в Париже земельные доходы, а процветание села совпало с упадком ремесленной и торговой активности, поскольку буржуа-собственники стремились покупать чины и должности с целью продвижения по социальной лестнице¹...

В Парижском регионе на пахотных равнинах также происходила концентрация земель в руках ограниченного числа дворян, и в особенности парижских буржуа, для которых это было вложением капиталов, не говоря уж об удовольствии владеть домом в деревне. Новые сеньоры-буржуа заключали договоры с зажиточными крестьянами, все богатство которых состояло в небольшом стаде и орудиях труда. Буржуа стремились реализовывать максимальные объемы производимой сельхозпродукции, на которую имелся спрос на парижском рынке.

В социальной жизни равнин устанавливалась новая иерархия: буржуа, землепашцы, чернорабочие. Напротив, в холмистой местности господствовала сельская демократия виноградарей и садоводов-овощеводов².

¹ См.: *Mireaux E.* Une province française au temps du Grand Roi: la Brie. Hachette. 1958.

² См.: *Meuvret V.J.* Le commerce des grains et des farines à Paris et les marchands parisiens à l'époque de Louis XIV // *RHMC*, t. III, juillet-septembre 1956, p 169—203; *Vénard M.* Bourgeois et paysans au XVIIe siècle. Recherche sur le rôle des bourgeois parisiens dans la vie agricole au sud de Paris au XVIIe siècle // *SEVPEN*, coll. «Les Hommes et la Terre», t. III,

В Бовэ и Пикардии, где аграрная техника была не-совершенной и отсталой, урожай зерновых составлял меньше 9 центнеров с гектара. Лошади имелись только у обеспеченных землепашцев. Коровье стадо было малочисленным и плохо откормленным, а основную массу скота составляли овцы. В Бовэ средний крестьянский надел составлял менее 10 га самой бедной земли, а поскольку для обеспечения семьи требовалось не менее 15–25 га, они, хотя и поголовно занимались ткачеством, регулярно вынуждены были залезать в долги. Выделяются три периода: эйфория 1600–1647 гг.; спад вследствие неурожая 1649 и 1651 гг. и, наконец, стагнация и рост смертности в 1691–1710 гг. Проиграли в итоге дворяне и крестьяне, выиграли – землепользователи, которые смогли нажиться на продаже зерна, и буржуа – скупщики господских земель. Так формировалась «сельская буржуазия»¹.

1957; *Phlipponneau M.* L'évolution historique de la vie rurale dans la banlieue parisienne. A. Cohn, 1956; *Fontenay M.* Paysans et marchands ruraux de la vallée de l'Essonne dans la seconde moitié du XVII siècle // *Mém. Soc. hist. Paris et L'île-de-France*, t. IX, 1957–1958, p. 157–282; *Brunet P.* Structure agraire et économie rurale des plateaux tertiaires entre la Seine et l'Oise. Caen, 1960; *Lemarchand G.* Crises économiques et atmosphère sociale en milieu urbain sous Louis XIV // *RHMC*, t. XIV, juillet-septembre 1967, p. 244–265; *Deyon P.* Amiens, capitale provinciale: étude sur la société urbaine au XVII siècle. Mouton, 1967; *CRDP d'Amiens*, 2 éd., 1986; *Wihlelm J.* La vie quotidienne des Parisiens au temps du Roi-Soleil (1660–1715). Hachette, coll. «La Vie quotidienne», 1977, nouv. éd., 1989; *Goubert P.* La vie quotidienne des paysans au XVII siècle. Hachette, coll. «La Vie quotidienne», 1982. nouv. éd., 1991; *Constant J.-M.* Nobles et paysans en Beauce, 1560–1660. Lille III, thèse d'Etat, 1978; Lille, Atelier de reproduction des thèses, 1981.

¹ В Эльзасе рост численности населения послужил причиной подъема сельского пролетариата и обозначил глубокий социальный разрыв между ним и крестьянской зажиточной элитой, которая наживалась на садоводстве и выращивании картофеля, табака, марены и клевера. (См.: *Boehler J.-M.* Une société rurale en milieu rhénan. La paysannerie de la plaine d'Alsace (1648–1789). Strasbourg, thèse d'Etat inédite soutenue le 6 mai 1993).

Ремесленное производство в Пикардии было в основном сельским и подчинялось ритму аграрного хозяйства: мастера были одновременно и садоводами, и рабочими. Однако с 15 июля по 15 октября все деревенские жители выходили на поля для жатвы и сбора винограда. В этой чрезвычайно перенаселенной области, где три четверти крестьян владели лишь одной десятой частью земли, единственным приработком было прядение шерсти и льна. В 1708 г. из более чем 8 тыс. конкурирующих ремесленных производств только 3 тыс. сумели пробиться в города и влиться в цехи, куда вступали, принося присягу. Десятки тысяч деревенских жителей трудились на капиталистических предприятиях, не включенных в городские корпорации. Крупные торговцы Амьена и Бовэ контролировали фабрики, в сущности, они управляли всей жизнью региона.

Кривая объемов промышленного производства вполне предсказуема: в Бовэ до 1640 г. насчитывалась 1 тыс. ремесленников, в правление Людовика XIV — 600, а после 1715 г. — около 900. Та же динамика наблюдалась в Амьене, в ту пору главном текстильном центре страны, опережавшем Реймс, Руан и Бовэ. Более грубые и менее дорогие ткани лучше продавались в правление Людовика XIV — период упадка, когда резко сократилось число независимых производителей, превратившихся в начальников мастерских, финансово зависимых от крупных торговцев, поставщиками которых они являлись. Напрашивается вывод: в сельских регионах коммерческий капитализм укреплялся одновременно с общим обеднением и пролетаризацией рабочих¹.

¹ *Goubert P.* Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730, contribution à l'histoire de la France au XVIIe siècle. SEVPEN, 2 vol., 1960; EHESS, coll. "Démographie et Société", №3, 1983, 2 vol. ; Les techniques agri-

4. Французское общество по Поршневу и Мунье¹

Советский историк Борис Поршнев в конце 1960 — начале 1970-х гг. сделал попытку представить политико-социальную структуру Франции в XVII в. на фоне картины народных настроений во Франции 1623—1648 гг. по документам канцлера Сегье, хранившимся в Ленинграде. Доклады интендантов в один голос свидетельствуют о нарастании в среде крестьянства и городских рабочих возмущения чиновниками короля, банкирами и сборщиками налогов. Спорадические восстания по своему характеру были иногда антифеодальными, но всегда антифискальными под лозунгом: «Да здравствует король без сборщиков налогов!» Глубинная причина волнений — чрезмерный рост массы голодающих, находившихся на пороге отчаяния в периоды продовольственных кризисов и повышения цен (с последующим их обвалом). Поводами к восстаниям служили повышение налогов, а также попытки введения института выборных представительств в Керси (1624 г.), в Бургундии (1630 г.), в Провансе и Лангедоке (1630—1631 гг.). Мало кто понимал,

coles dans les pays picards aux XVII et XVIII siècles // Rev. d'hist. écon. et soc., 1957, 1; Aspects sociaux des manufactures picardes et beauvaisiennes au temps de Louis XIV // Bull. de la Soc. hist. m. c., mai 1953. См.: также: *Gille B.* Origines de la grande industrie métallurgique en France. Domat-Montchrestien, 1948; *Léon P.* Naissance de la grande industrie en Dauphiné. Fin du XVIIe siècle — 1869. PUF. 1954, 2 vol.; *Deyon P.* La production manufacturière en France au XVII siècle et ses problèmes // XVII siècle, № 70—71, 1966; *Ego же.* Le mercantilisme. Flammarion, coll. "Questions d'histoire", № 11, 1969.

¹ См. фундаментальную статью: *Mousnier R.* Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde // RHMС. T.V, avril-juin 1958, p. 81—113. См. также: *Mandrou R.* Les soulèvements populaires et la société française du XVII siècle // Annales ESC. octobre-décembre 1959, p. 756—765; *ego же.* L'Hisioire de la civilisation française; *Mousnier R.* Fureurs paysannes; les paysans dans les révoltes du XVII siècle. Calmann-Lévy, 1967. *Bercé Y.-M.* Croquants et Nu-pieds. Soulèvements paysans en France du XVI au XIX siècle. Julliard, coll. "Archives", 55, 1974.

видел в этом стремление к упорядочиванию и унификации фискальной системы, к переходу от государства «штатов» к государству народного представительства, даже если авторами этой реформы были Марийак или Ришелье. Мы знаем, что к концу своего правления последний во многом пошел на уступки. Городские восстания (Дижон, Экс, Лион) 1630—1632 гг., движения «кроканов» 1636 г. в Перигоре, Лимузэне, Сентонже и т. д., волнения «босоногих» в Нормандии в 1639 г., крестьянские бунты, охватившие в 1643 г. весь запад, центр и юго-запад страны¹ ознаменовали критические периоды для Франции.

По мнению Б. Поршнева, та эпоха представляла пример «классовой борьбы», в которой монархия, объединившись с аристократией и буржуазией, защищала феодально-абсолютистский порядок от натиска народных масс. Крестьянские бунты и волнения, по сути, являлись одновременно антифеодальными и антифискальными и были направлены против классового союза собственников и власть имущих — буржуазии и аристократии, скрепленных монархической «арматурой». Социальная структура общества оставалась феодальной, а капиталистические отношения, развитию которых пре-

¹ См.: *Bercé Y.-M.* Les soulèvements populaires dans le Sud-Ouest de 1630 à 1643. Pos. thèses. Ec. Chartes, 1959; *Degarme M.*, Etudes sur les soulèvements provinciaux en France avant la Fronde. La révolte du Rouergue en 1643 // XVII siècle, 1962, № 56, p. 1—18; *Pillorget R.* Les mouvements insurrectionnels de Provence entre 1596 et 1715. Pedone, 1975; *Bercé Y.-M.* Histoire des Croquants. Etude des soulèvements populaires au XVII siècle dans le Sud-Ouest de la France. Droz, coll. «Mémoires doc. Ec. Chartes», 1974, 2 vol.; *Bercé V.-M.* Croquants et Nu-pieds: les soulèvements populaires en France du XVI au XIX siècle. Galliniard, 1991, *Foisil M.* La révolte des Nu-pieds et les révoltes normandes de 1639. PUF, coll. «Publ. Fac. Let. Paris», 1970; *Lebigre A.* Les Grands-Jours d'Auvergne. Désordres et répression au XVIIe siècle. Hachette, 1976; *Cubers J.* Une récolte antifiscale au XVII siècle. Audijos soulève la Gascogne. Imago, diffusion PUF, 2001. Возникшие в апреле 1664 г. на волне сопротивления введению налога на соль восстания длились более 10 лет, несмотря на все усилия представителей Великого короля.

пятствовали феодальные привилегии и монархия, затрагивали только городское производство. Буржуазия смогла стать руководящим классом только тогда, когда она повысила свой социальный ранг, проникнув в дворянское сословие и систему аристократического государства. «Процесс приобретения буржуазией королевских должностей привел не к капитализации власти, а к «феодализации части буржуазии». Поршневу уточняет: «Продажа должностей была средством отвлечения буржуазии от революционной борьбы против феодализма». Чиновник, вышедший из буржуазной среды, жил в благородном сословии по своему «достоинству и чести», будучи инструментом в руках представителей государства, воплощенных в фигуре Ришелье.

Ролан Мунье воспроизводит классическую схему Жоржа Пажеса: монархия лишила феодалов власти с помощью своих чиновников-буржуа. В XVII в. она должна была постепенно свести на нет власть чиновников руками комиссаров, набранных из той же самой среды, однако чиновники стали защищать свою власть, что явилось причиной Фронды. Действительно, социальное возвышение буржуазии шло полным ходом, в том числе посредством заключения браков с представителями дворянского сословия и покупки должностей (чему противостояла чиновная знать).

Борис Поршневу не берет во внимание или рассматривает слишком поверхностно некоторые детали:

а) Он смешивает сеньориальное и феодальное право, что неверно, поскольку во Франции XVII в. уже не было поместий средневекового типа с натуральным хозяйством и использованием рабского труда. В экономике преобладало крестьянство, являвшееся юридически свободным и часто владевшее наделами. Капиталистические отношения утверждали монетарную экономику

даже в деревне, где было огромное число крестьян-ремесленников, работавших на крупных торговцев. Привилегии и монопольное право феодалов, будучи не в силах затормозить развитие капитализма, стимулировали его на начальной стадии, поскольку снижение цен, вызванное конкуренцией, не позволяло получать прибыль обычным путем.

б) Он не до конца понимает, что, хотя крупный чиновник юридически относился к дворянскому сословию, он никогда не рассматривался в качестве дворянина (по этому поводу иронизировали: «дворянин пера и чернил»). О том что чиновники не были в глазах общества истинными дворянами, даже если добивались титула маркиза или барона, печалился еще Шарль Луазо¹. Что же касается государственной власти, как указывает Р. Мунье, монархия XVII в. с Советом, состоявшим из «дворянства шпаги», существенно отличалась от монархии XVIII в., когда большинство в Совете принадлежало «облагородившейся» буржуазии.

¹ Парадоксальна точка зрения Ф. Блюша, опубликованная в его убедительной статье (XVII siècle, №42, 1959): «Людовик XIV правил, не прибегая к сотрудничеству ни одного буржуа». Юридически это верно, но в социальном отношении неправильно; и Кольбер мог вполне быть дворянином 2-й степени, не будучи аристократом в глазах современного ему общества. Министры Людовика XIV, имевшие аристократические титулы и поместья, были преуспевающими дельцами. В то же время родовое дворянство оставалось незадействованным в государственном управлении, а только на военной службе. См.: *Bourgeon J.-L. Les Colbert avant Colbert: destin d'une famille marchande*. PUF, coll. "Dito", 2e éd., 1986; *Villain J. La Fortune de Colbert*. Comité pour l'Histoire économique et financière, coll. «Etudes générales», 1994; Thèse de D. Dessert sur «Les financiers sous Louis XIV (1983)»; Argent, pouvoir et société au Grand siècle». Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1984; Fouquet. Fayard, 1987; *Bayard F. Le monde des financiers au XVIIe siècle*. Flammarion, coll. «Nouvelle Bibliothèque scientifique», 1988; *J. Cornette. Le «Point d'Archimède». Le renouveau de la recherche sur «l'Etat de Finances» // RHMC, t. XXXV, octobre-décembre 1988, p. 614–629.*

в) Борис Поршнеv видит в крестьянских волнениях классовую борьбу в «горизонтальном разрезе» как результат расслоения общества. Он полагает, что, если экономически и политически феодального строя больше не существовало, оставалось еще много следов феодального менталитета, моральных и социальных пережитков, о чем свидетельствуют как патриархально-господская структура провинции, так и кровная месть «чести и славы» всех героев Корнеля, восставших против «тирании». Многие дворяне оправдывали свой бунт таким образом: «Я выступаю за моего господина де Рогана, или господина де Монморанси и т. д.»¹. Однако гораздо правильнее было бы говорить о вертикальной организации общества, о чем со всей ясностью свидетельствуют рапорты интендантов. Бедное простонародье городов и деревень формировало ударные боевые отряды, руководили ими в основном люди из так называемого среднего класса, иногда даже представители низшего духовенства, однако вождями всегда являлись дворяне. Крестьянские восстания свидетельствуют о совпадении интересов дворян и крестьянства, объединившихся в борьбе против королевских налогов и государственных чиновников. Причиной этого союза было уменьшение господской ренты и арендной платы ввиду вырвавшегося в урожайный год королевского налога, собираемого с крестьян. В неурожайные же годы (и при падении цен) размер королевского налога не позволял крестьянину выплачивать сполна аренду и господские подати.

Получается, именно господин понуждал крестьянина отказываться от уплаты налога. Сеньор был могущественным соседом, окруженным своими друзьями,

¹ См.: *Durand Y. et collab. Hommage à Roland Mousnier. Clientèles et fidélités en Europe à l'époque moderne.* PUF, 1981.

родней и дворовым людом, вооруженный своими судебными полномочиями, и крестьянин был более заинтересован подчиниться ему, чем далекому королю. Крестьянские восстания начинались всегда одинаково — с сопротивления сборщикам налогов. Налоги собирали с оружием, а энергия восстания часто подпитывалась молчаливым или явным согласием некоторых королевских чиновников: например, магистратов Экса в 1630 г. или парламента Руана в 1639 г. С Б. Поршневым можно согласиться в том, что многие чиновники становились «феодалами» с целью интеграции в аристократию, вследствие чего высшие должностные лица — эти парламентские чины, «социальные метисы», полубуржуа-полугоспода — выступали в защиту привилегий и «феодалского порядка», даже когда высказывались в поддержку «ограниченной» монархии и против жесткой фискальной политики Ришелье и Мазарини¹.

Не видя никаких реальных свидетельств объединения монархии и аристократии против народных масс, мы то и дело наблюдаем случаи сговора крестьянства и дворян против короля, «виновного в повышении налогов», направленных на обеспечение национальной обороны против Испании. В итоге король был вынужден укрепить аппарат абсолютистского государства, систематически наделяя особыми полномочиями комиссаров своего Совета, интендантов, призванных привести к покорности простолюдинов, дворянство с его феодальными претензиями и проаристократически настроенное чиновничество, лишив их части их полномочий и функций. Это явление — главный фактор политического развития страны в XVII в.

¹ См.: *Le Roy Ladurie E. Révoltes et contestations rurales de 1675 à 1788 // Annales ESC, 1974, p. 7–22.*

5. Итоги социального развития страны к 1715 г.

Развитие социальной структуры общества отставало от экономического развития (эта тема требует еще более пристального изучения ситуации в регионах). Однако мы можем обозначить многие тенденции социальной жизни, динамику ее изменений, характер подъемов и падений, победителей и проигравших:

а) *Проигравшие*. Прежде всего, это — обедневшее, изможденное королевской службой *поместное дворянство* с многочисленными семьями. Государство выделяло служилым дворянам мизерные пенсии, щедро награждая их... крестами Св. Людовика. Младшим сыновьям предоставлялась сомнительная участь стать настоятелями монастырей, а дочерям и вовсе была одна дорога — в келью. Дворяне продолжали жить в своих поместьях, получая доход с земли в виде арендной платы и податей и почти не имея возможности нажиться на внезапном росте цен на зерно. К проигравшим относится также *средняя и мелкая мастеровая буржуазия* — жертва стагнации в деловой сфере и торговле предметами роскоши. Наконец, *крестьянство*, страдавшее от падения цен на зерно и вино, отчуждения общинной собственности¹, выросших налогов, многочисленных выплат и повинностей, иногда службы в милиции (после 1688 г.). Относительное благополучие крупных землепашцев было, впрочем, связано с нищетой арендаторов, податных крестьян и поденных работников, а также безработных ремесленников. Эти факторы явились при-

¹ Это — следствие задолженности деревенских общин и злоупотребления господами правом на третью часть урожая вопреки указу 1667 г. «Французский крестьянин больше не существует» (П. Кольбер), т. к. появляется разнообразие крестьянских сообществ в провинции. (См.: *Goubert P. La fortune des Français sous Louis XIV // L'Histoire, №50, 1982*).

чиной народных восстаний и острой социальной напряженности, когда толпы нищего люда громили зерновые склады, бросались на «поборщиков». Разоблачению этого социального зла посвящены не только труды Фенелона, Вобана и Буагильбера, но и данные официальных расследований 1687 и 1698 гг., а также многочисленные жалобы от духовенства.

б) *Выигравшие*. Больше других выиграли представители верхнего эшелона буржуазии: «деловые люди», банкиры и финансисты, сборщики аренды, казначеи и королевские кредиторы (все пресловутые «Тюркарэ», дававшие в долг королю: некто Самюэль Бернар, некто Кроза, некто Лежандр), поставщики армии (братья Пари), оружейники Малу и Нанта и владельцы монополий. В не менее благоприятном положении оказались высшая придворная аристократия, пользовавшаяся особым расположением короля, а также чиновная знать, обогащавшаяся за счет своих земельных инвестиций¹. Холеная городская аристократия оказалась противопоставлена нуждавшемуся сельскому дворянству, и только реальное богатство могло разрушить старую социальную иерархию: наиболее яркий пример представляют взаимоотношения Людовика XIV и Самюэля Бернара².

¹ См.: *Richard G.* Un aspect particulier de la politique économique et sociale au XVII siècle. Richelieu, Colbert, la Noblesse et le commerce // XVII siècle, № 49, 1960, p. 11—41. *Roche D.* Aperçus sur la fortune et les revenus des princes de Condé à l'aube du XVIII siècle // RHMC, juillet-septembre 1967, p. 217—243. La qualité de la vie au XVIIIe siècle, 7e colloque de Marseille sur le XVII siècle // Marseille, № 109, 1977; *Gutton J.-P.* La Société et les pauvres dans la France de l'Ancien Régime. Belles-Lettres, 1970; La société et les pauvres en Europe, XVI—XVIII siècles. PUF, coll. «L'Historien», № 18, 1974; La sociabilité villageoise dans l'ancienne France. Hachette, 1979, p. 68, n. 1.

² Настоящий XVII век, как представляется, был «задушен» между «долгим XVI веком» (1640—1650 гг.) и «ранним XVIII веком», уже с 1680—1685 гг. определявшим умонастроения людей и экономическую ситуацию.

Глава IV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ «ВЕЛИКОГО ВЕКА»

1. Национальная идея в XVII столетии¹

Основу национального единства все еще составляла верность королю. Жители провинций были связаны с короной неодинаковыми узами. Они ощущали себя бретонцами, провансальцами и т. п. Законы провинций были настолько различны, что впору говорить о федеративном устройстве королевства. Не менее, чем законы, различались быт и образ жизни. Провинции представ-

¹ См.: *Lacour-Gayet G.* L'éducation politique de Louis XIV. Hachette, 2e éd., 1923; *Viollet P.* Le roi et ses ministres. Sirey, 1912; *Mousnier R., Tapié V.-L., Martimort A., Meuvret J., Livet G.* Comment les Français voyaient la France au XVIIe siècle // XVII siècle. № 25–26, 1955; *Mousnier R., Bluche F., Corvisier A., Goubert P., Tapié V.-L.* Serviteurs du roi: quelques aspects de la fonction publique dans la société française du XVIIe siècle // XVII siècle, № 42–43, 1959; *Le droit au XVIIe siècle // XVIIe siècle*, 1963, № 58–59); *Goubert P.* Louis XIV et vingt millions de Français. Fayard, 1966; coll. «Nouvelles Etudes historiques», nouv. éd., 1991; *его же.* L'Ancien Régime. A. Colin, coll. «U», 6e и 3e éd., 1979 и 1977, 2 vol.; *Goubert P., Roche D.* Les Français et l'Ancien Régime. A. Colin, 1984–1985, 2 vol.; réimpr., 1991; *Mousnier R.* Les institutions de la France sous la Monarchie absolue. PUF, 1974 et 1980, 2 vol.; coll. «Dito», t. I: Société et Etat, 3e éd., 1996; t. II: Les organes de l'Etat et la société, 2e éd., 1992; *Corvisier A.* La France de Louis XIV (1643–1715). Ordre intérieure et place en Europe. SEDES, coll. «Regards sur l'histoire», № 33, 1979, 4e éd., 1994; *его же:* Louvois. Fayard, 1983, 3e éd., 1990.

ляли собой особые, достаточно замкнутые миры со своими языками-диалектами, системой мер и весов, обычаями и целым рядом специфических черт, в корне отличавших обитателей одной провинций от другой. Выходцы из разных провинций чувствовали себя совершенно чужими друг другу. В словаре Фюретьера отмечено, что слово «родина» вошло в обиход сравнительно недавно — в 1690 г. Следовательно, до этого различия между провинциями с римским правом и правом обычая, между теми, где действовали «штаты» и с прямым административным правлением, провинциями с разной системой налогообложения были настолько глубоки, что на территории Франции имелось несколько малых «родин». Это было своеобразным напоминанием о феодальном прошлом и о тех временах, когда существовало разделение на языки «ок» и «ойль».

И в то же время идея объединения становилась все более популярной: ее развивали в своих трудах гуманисты, интеллектуальная элита, юристы, за нее выступало чиновничество. В правление Генриха IV и Людовика XIII идею единения нации под рукой короля всеми силами проповедают апологеты монархии. На первый план они выдвигают принадлежность к Французскому королевству и подчинение потомкам Людовика Святого — чудотворцам, освященным на царство миропомазанием. Уже в 1597 г. анжевенский судья Пуассон де Ла Бодиньер сравнил его королевское величество с солнцем. Нивернский юрист Ги Кокиль уточнил: «Король — глава, а представители трех сословий — члены; вместе же они составляют политическое и мистическое тело, связи внутри которого неразрывны». В 1610 г. уже известный нам Шарль Луазо провозгласил такую идею: из нескольких сословий создается единое всеобщее сословие и после этого «бесконечная множественность пре-

вратится в единство...». В этот же период парижский судья Жером Биньон восхвалял «превосходство королей Французского королевства». В 1612 г. Ломмо дю Вержер утверждал, что король Франции — «верховный монарх, первый среди христианских князей, стоит он вслед за Богом, являясь его образом на земле и получая от него скипетр и власть». Наконец, в 1632 г. государственный советник Карден Ле Бре уточнил, что верховная власть короля «не более делима, нежели геометрическая точка». Популярными образы короля-героя, короля-наместника Бога¹ на земле, короля-божества предложили Андре дю Шеном, Омер Талоном, Ле Вейе де Бутиньи.

Немного позднее, в 1709 г., появилось дидактическое произведение Боссюэ «Политика, извлеченная из основ Священного Писания», увидевшее свет уже после смерти автора. В нем Боссюэ утверждает, что король — наилучшее воплощение Бога и Государства, ему должно беспрекословно подчиняться, он сам есть Родина, ибо, как говорил Людовик XIV, «нация не составляет тела Государства», будучи полностью заключена «в королевской особе». И хотя крепость Ла-Рошель была скрыта по приказу Ришелье, отмечает он, сделано это было отнюдь не из-за того, что ее населяли протестанты (весьма, кстати, умеренного толка), но из-за их сепаратизма, из-за претензии на создание независимого города-республики с собственным флотом и самостоятельной внешней политикой. Те, кто считал себя «добрыми французами», прежде всего были озабочены тем, чтобы защитить наихристианнейшего короля от «услужливых богомольцев» и их попыток подчинить королевскую власть интересам церкви по образцу Испании. Далее

¹ По словам епископа и поэта Антуана Годо. (*Godeau A. Cathéshisme royal // Colloque de Grasse, 1972. См. также: Flandrois I. L'institution du Prince au début du XVII siècle. PUF, coll. "Histoires", 1992.*

Боссюэ очень своевременно утверждал: «Если надо посвятить жизнь своей родине и своему князю, то лучший способ сделать это — отдать часть своего богатства ради поддержания публичных должностей».

Общеизвестно, что этот призыв исполнять свои фискальные обязательства не нашел большого числа сторонников в XVII столетии¹. Мы знаем также, что некоторые «гранды» (такие, как Гастон Орлеанский, принц Конде) трактовали национальные интересы прежде всего как «семейные»: чтобы отомстить своим обидчикам, они призывали дворян из других стран². При Ришелье и Людовике XIII национальное единство пытались обеспечивать мерами налогового, военного и административного характера. Победы способствовали этому, но ведь случались и поражения. Во время одного из них, в трагическом 1709 году Великий король обратился к своим подданным, «детям», как он их называл, с просьбой публично одобрить его политику, другими словами, испросил у них нечто вроде согласия. Это тоже был знак времени. Беспрекословное слепое подчинение и преданность уже не считались достойной основой любви к родине, и Сен-Симон, рисуя портрет Вобана, уже правомерно употребил эпитет «патриот», подчеркивая, что тот был «забочен народными бедствиями»³. И даже сам Людовик

¹ См.: *Meuvret J.* Comment les Français voyaient l'impôt au XVII siècle // XVII siècle, № 25, 1955; *Dessert D.* Pouvoir et finance au XVII siècle: la fortune du cardinal Mazarin // RHMC, t. XXIII, avril-juin 1976, p. 161–181; *Dethan G.* Mazarin. Imprimerie Nationale, coll. «Personnages», 1981; *Federn C.* Mazarin, 1602–1661. Payot, coll. «Histoire», nouv. éd., 1983; *Durand Y. et coll.* Hommage à Roland Mousnier, Clientèles et fidélité en Europe à l'époque moderne. PUF, 1981; *Goubert P.* Mazarin. Fayard, 1990; *Dulong Cl.* La fortune de Mazarin. Perrin, coll. «Histoire et Fortune», 1990.

² См.: *Béguin K.* Les Princes de Condé. Rebelles, courtisans et mécènes dans la France du Grand Siècle. Editions Champ Vallon, coll. «Epoques», 1999.

XIV, восхваляя героизм нации, признал, наконец, ее собственное, независимое от короны существование.

2. Эволюция идеи государства¹

Ни в трудах правоведов и теологов, ни в умах большинства подданных не возникало сомнений в незыблемости принципов божественного происхождения и неограниченности королевской власти. Между тем, и прежде всего в аристократической среде начали раздаваться еще совсем робкие голоса недовольства, случались и эпизоды неповиновения, «диссидентства». Около 1638 г. они стали заметнее, сформировался и центральный вопрос «диссидентов» — вопрос о «государственном интересе»². В конце XVII в. как среди католиков, так и среди протестантов эти вопросы носили еще характер скорее духовных исканий. В это же время наблюдается усиление централизованной политики государства и укрепление абсолютизма.

¹ См.: *Mousnier R.* Comment les Français du XVII siècle voyaient la Constitution // XVII siècle, № 25, 1955; см. также: *Lettres et mémoires adressés au chancelier Séguier (1633–1649)*. PUF, 1964, 2 vol.; *Thuau E.* Raison d'Etat et pensée politique à l'époque de Richelieu. A. Colin, 1967; *Truchet J.* Politique de Bossuet. A. Colin, coll. «U», 1966; *Taveneaux R.* Jansénisme et politique. A. Colin, coll. «U», 1965; *Mandrou R.* Louis XIV en son temps 1661–1715. PUF, coll. «Peuples et Civilisations», t. X, 2e éd., 1978; *Labatut J.-P.* Les ducs et pairs de France au XVII siècle. PUF, coll. «Publications de la Sorbonne», 1972; *Murat Inès.* Colbert. Fayard, 1980; Marabout, nouv. éd., 1984; *Meyer J.* Colbert. Hachette, 1981; *ego же.* Le Poids de l'Etat. PUF, coll. «Histoire», 1983; *Méchoulan H.* (sous la dir. de). L'Etat baroque 1610–1652. Vrin, 1985; *Méchoulan H.* L'Etat classique. Regards sur la pensée politique de la France dans le second XVII siècle. Vrin, 1996; *Angoulvent A.-L.* Hobbes et la morale politique. PUF, coll. «Que sais-je?», № 2867, 1994; *ego же.* Hobbes ou la crise de l'Etat baroque. PUF, coll. «Questions», № 21, 1992; *ego же.* L'esprit baroque. PUF, coll. «Que sais-je?», № 3000, 1994, 2e éd., 1998.

² См.: *Lazzeri Ch., éd.* Henri de Rohan. De l'intérêt des princes et des Etats de la chrétienté. PUF, coll. «Fondements de la politique», série: Textes, 1995.

1. *Изменения в правительстве.* Если в XVI в. правительством, обладавшим самыми широкими полномочиями, выступал Королевский совет, то в следующем, XVII в. можно говорить о двух формах абсолютизма. В период с 1610 по 1661 гг. мы наблюдаем, так сказать, двуглавый абсолютизм. Людовик XIII при всей его подозрительности и пугливости отказался от идеи превратиться в восточного деспота. Сначала ему приходилось терпеть подле себя фаворитов матери (Кончини, де Люинь), а затем он устанавливает режим министерского правления, воплощенный в фигуре главного государственного министра, доверенного лица короля, наделяя его неограниченной властью. Разумеется, без короля (Ришелье в 1624—1642 гг.) или же без регентши (Мазарини в период малолетства Людовика XIV, с 1643 по 1661 гг.) министр не значит ничего. Помимо главного министра, функционировал еще кабинет министров с государственными секретарями, исполнительными советами, судебными советами, многочисленными комиссарами и интендантами.

В период с 1661 по 1715 гг. форма абсолютизма меняется, король становится единовластным. Это стало результатом длительного процесса подчинения «грандов» и «дворянства мантии», урезания полномочий магистратуры до роли исключительно судебного органа. На престоле оказывается король-божество, этаким фараоном, власть и полномочия которого ограничиваются лишь христианскими заповедями. С этого момента министры и государственные секретари всецело зависят от мельчайшего каприза монарха, как демонстрируют нам весьма яркие примеры еще из времен Мазарини. При таком сугубо единоличном правлении работа правительства свелась к беседам короля с каждым из его «служащих» на темы, которые входи-

ли в его компетенцию. Королевские советы стали восприниматься как нечто косное, они уже не играли прежней роли и свелись к простой административной формальности. А между тем, количество дел, требовавших монаршего рассмотрения, растет, поскольку государство все более активно вмешивается в жизнь страны. Неудивительно, что король и его министры перестают справляться с огромным объемом работы. Режим личной власти, по словам Жоржа Пажеса, «деформируется» и способствует быстрому росту количества ведомств, а следовательно и чиновников. Их становится все больше в канцелярии, бесчисленным штатом обзаводятся государственные секретари. Ими обрастают Частный совет, Совет по финансам и т. д. Схожие явления наблюдаются в финансовых органах и особенно среди интендантов и их уполномоченных, число которых также постоянно увеличивается¹.

Король считает себя все более могущественным и неподсудным, однако легко может быть обманут и в конечном счете раздавлен огромной бюрократической машиной. Чиновники отбирали или приукрашивали ту информацию, которую отправляли в Версаль, откуда теоретически исходили и куда возвращались все документы. Вот где таилась огромная опасность для режима и предпосылки его будущего саморазрушения.

¹ Деспотизм был повсюду, а деспот — нигде. Расхожим лозунгом XVIII столетия было обличение министерского произвола при молчаливой поддержке королевской власти. См.: *Bluche F. Le despotisme éclairé.* Fayard, 1968; *Hachette-Pluriel*, coll. «Pluriel», № 8442, nouv. éd. augmentée, 1985; *Mousnier R. et coll. Le Conseil du Roi, de Louis XII à la Révolution.* PUF, 1970; *Meyer J. Intendants.* // *Encyclopaedia Universalis*, t. VIII; *Emmanuelli F.-X. Un mythe de l'absolutisme bourbonien: l'Intendance du milieu du XVII siècle à la fin du XVIII siècle (France, Espagne, Amérique).* Champion, Université de Provence, coll. «Etudes historiques», 6, diff., 1981.

Власть при Людовика XIV стала настоящей религией. У нее был свой бог — король, а сановники и придворные были священнослужителями. Имелись и «символ веры» (институт королевской власти), и свои обряды (этикет), и свой главный храм (Версаль), и свои верующие и прихожане (подданные). Были и свои еретики (явные или менее заметные противники короля, оппозиция). Декор, пышность, даже театральность этой религиозной системы были призваны возвысить и преумножить славу его величества. И все же изумительный фасад и внешний лоск не скрыли ни постепенной трансформации властных институтов, ни растущего обнищания народа. Режим Людовика XIV уже не представлял собою столь дорогого для французских праведов образца власти, основанной на справедливом суде. Он медленно, но верно становился сеньориальной монархией, против которой они, собственно, и выступали. Именно эта монархия стала основой жизненных устоев, системы ценностей, морали, источником законов и обычаев для всех ее подданных — как светских, так и принявших духовный сан. В то же время сам Людовик XIV несколько раз нарушал божественные и человеческие законы (например, узаконив своих внебрачных сыновей), а также базовые законы королевства (когда возникла необходимость, объявил герцога дю Мена своим наследником). Своим легендарным изречением он вовсе не растворялся в государстве, а, напротив, присоединял нацию к короне. Он говорил так: «Интерес государства должен стоять на первом месте... когда имеют в виду государство, работают на себя. Благо одного приносит славу второго» («Размышления о ремесле короля», 1679). На смертном одре Людовик XIV заявил: «Я ухожу, но государство пребудет вечно», удачно подметив дуалистическую

коллизию: смертный король и вечное государство, причем первый служит второму, согласно древней доктрине королевства-функции¹.

Быстрому развитию абсолютизма способствовал и дух Возрождения, превративший короля в этакое бога-олимпийца. Официальная пропаганда с помощью резца архитектора и кисти живописца украшала Лувр, Сен-Жермен и Версаль шедеврами, прославлявшими короля. Классицистическое искусство, насквозь пронизанное идеей упорядоченности и канона, было поставлено на службу монархии. И понятно, почему сторонникам грандов, фрондерам и сочувствующим им гораздо больше нравилось барочное искусство. Барочная «чувствительность» отвечала их романтическим взглядам, жажде удовольствий и свободолобивым настроениям. Отражением таких настроений стали герои Оноре д'Юрфе, Корнеля², воспитанников Скюдери, в произведениях которых страстные герои бросают вызовы обстоятельствам, совершают подвиги и добывают себе славу. До 1661 г. мы наблюдаем барочный тип монархии, в которой все еще сильно влияние аристократии. Затем она сменяется классицистической монархией, полностью подчиненной «королю-солнцу», т. е. истинным абсолютизмом. В конце XVII в. мы видим, как победивший абсолютизм становится гарантом, хотя и зыбкого, но равновесия между аристократией и буржуазией. Не следует упускать из виду, что в это же самое время монархия, с одной стороны, испытывает

¹ Пресловутое «великое правление» не было временем ни экономического оскудения, ни крупных политических триумфов. Трезвую оценку эпохи см.: *Labatut J.-P. Louis XIV roi de gloire, 1638—1715. Imprimerie nationale, 1984, Bluche F. Louis XIV. Fayard, 1986; Petitfils J.-Ch. Louis XIV. Perrin, 1995.*

² В большинстве пьес Корнеля король являет великодушную милость по отношению к самым разным мятежникам.

сильное давление развитого гуманистами общественного мнения, а с другой — ищет опору в буржуазии, чтобы противостоять «феодальным» силам.

Поскольку любые политические перемены имеют экономические корни, задумаемся, сыграло ли свою роль в утверждении абсолютизма изменение цен? Представляется, что длительная дефляционная фаза, наступившая после 1630—1640 гг., способствовала укреплению королевской власти, поскольку государство активно стимулировало торговлю, переживавшую не лучшие времена. Предпринимались различного рода спасательные меры, получившие общее название «кольбертизм» (по имени Кольбера, чья экономическая политика носила отчетливый националистический характер). Абсолютизм и капитализм (буржуазия) нуждались друг в друге и поддерживали друг друга, в частности, король помогал капиталу завоевывать источники драгоценных металлов и рынки сбыта. Максимальную интенсивность государственного влияния на экономику мы наблюдаем в период крупных продовольственных, демографических и финансовых кризисов конца века. Но, с другой стороны, разве становление абсолютизма при Франциске I не сопровождалось фазой процветания? Наконец, ясно, что обновленный после Тридентского собора католицизм повсеместно способствовал развитию королевского абсолютизма. Король, добиваясь от подданных повиновения, был не только образом, но и защитником Бога. Французская церковь слушалась своего короля более, нежели римского папу, и превратилась в важнейший инструмент власти: из списка лиц, назначенных епископами в 1675 г., видно, что за назначение отчаянно боролись представители самых известных семейств дворянства мантии, придворных и членов правительства.

Наконец, стране, раздираемой непрекращающейся гражданской войной и бесконечными бунтами, сильная центральная власть была прямо-таки жизненно необходима. Не забудем и о бесконечных войнах, которые Франция вела с иностранными державами практически в течение всего столетия (особенно активно после 1635 г.). И ведь именно после этой даты значение комиссаров и интендантов резко повышается, их деятельность становится более систематической. Нескончаемая война привела к необходимости содержания регулярной армии, логическим следствием чего стало введение налогов без согласия «штатов». Таким образом, идея независимости нации соединилась с идеей независимости короны, а значит и всемогущества короля. Что общего, в сущности, у «лихой» и бесшабашной монархии эпохи Ришелье с монархией Людовика XIV, с ее все более замысловатым чиновничеством, управлявшейся уже не с помощью «бравых мушкетеров», но с помощью чернильного прибора и пера? Только одно — постоянно испытываемая необходимость укрепляться. 150 лет спустя Комитет общественного спасения назовет эту монархию «правительством войны», все ресурсы которой подчинены только лишь одной — военной — цели. Да, при Людовике XIV дворянство мыслилось не иначе как с оружием в руках (или же при дворе), в это время Франция была лидером в Европе и эффективно укрепляла свои границы. Именно этот режим взрастил славу Лувуа¹, Вобана² и Шамле. Смотры и грандиозные маневры (иной раз в них принимало участие до 40 000 человек) в окрестно-

¹ См.: *Corvisier A. Louvois. Fayard, 1983, 3 éd., 1990; ego же. La France de Louis XIV, 1643–1715. Ordre intérieur et place en Europe. SEDES, coll. "Regards sur l'Histoire", № 33, 1979; 4 éd., 1994.*

² См.: *Blanchard A. Vauban. Fayard, 1996.*

стях Сен-Жермена и Компьена, королевские визиты в Дюнкерк, Страсбург и к осажденным бельгийским крепостям вовсе не были игрой в войну. Это было объективной необходимостью и целью власти.

Все эти причины способствовали усилению абсолютистской власти.

2. *Государственная машина.* Аппарат центральной власти¹ долгое время не имел единого центра. Он кочевал, как и сам двор, переезжавший из Сен-Жермена в Лувр, из Лувра в Фонтенбло. Окончательно он обрел постоянное место только 6 мая 1682 г., обосновавшись в Версале. Концентрация власти в руках монарха формировалась вначале в *конфиденциальных беседах* Людовика XIII с Ришелье, затем регентши Анны Австрийской с Мазарини, наконец, во встречах Людовика XIV с министрами своего Высшего совета и с каждым из государственных секретарей отдельно, со своим Генеральным контролером, послами, лейтенантом полиции (после 1667 г.). Сент-Эвремон в свое время сказал о кабинете Ришелье: «Правительство меняет устой», и оно имело на это право, поскольку заботилось о «государственном интересе» не обращая внимания на ранг и сословную принадлежность «бунтовщиков». Последних оно вынуждало покориться, отдавая под

¹ См.: *Spanheim E.* Relation de la Cour de France. Éd. E. Bourgeois, 1690; rééd. Mercure de France, coll. «Le Temps retrouvé», 1973; *Caumont A. de, duc de La Force.* Louis XIV et sa Cour. A. Fayard, 1958; *Brocher H.* A la Cour de Louis XIV. Le rang et l'étiquette sous l'Ancien Régime. Alcan, 1934; *Levron J.* La vie quotidienne à la Cour de Versailles aux XVII et XVIII siècle. Hachette, coll. «La Vie quotidienne», 1965; *Benoist L.* Histoire de Versailles. PUF, coll. «Que sais-je?», № 1526, 2e éd., 1980; *Benoit M.* Les musiciens du roi de France, 1661–1733. PUF, coll. «Que sais-je?», № 2048, 1e éd., 1982; *Bluche F.* La vie quotidienne au temps de Louis XIV. Hachette, coll. «La Vie quotidienne», 1984; *Solnon J.-F.* La Cour de France, Fayard, coll. «Nouvelles Etudes historiques», 1987; *Le Roy Ladurie E., Fitou J.-F.* Saint-Simon ou le système de la Cour. Fayard, 1997.

суд «комиссаров» (государственных советников и докладчиков Государственного совета), из предосторожности выведя их из-под юрисдикции обычных судебных. После обуздания Фронды, во время борьбы с которой хитрый Мазарини не осмелился арестовать мятежных принцев, уступив объединившимся буржуазии, дворянству мантии и дворянству шпаги, Государственный совет постепенно и без особого шума был освобожден от влияния дворян. Начиная с 1652—1653 гг. в провинциях вновь, чаще всего не слишком законными путями, власть берут интенданты.

Интендантами называли комиссаров, направленных Кольбером в финансовые округа. Поначалу (в 1663—1664 гг.) они выполняли функции следователей, но очень быстро стало понятно, что им приходится брать на себя административные задачи. Интенданты из числа местного чиновничества выбирали себе помощников. После 1648 года под давлением интендантов весь мир провинциального чиновничества пришел в движение: казначеи Франции, магистраты бальяжей, чиновники гражданского и уголовного суда постепенно лишались своих полномочий, превращаясь в простых исполнителей поручений интендантов. Судебный, полицейский и финансовый интендант контролировал все и управлял всем¹: со-

¹ См.: *Serviteurs du roi // XVII siècle*, № 42, 1959; *Fréville H. L'Intendance de Bretagne, 1689—1790*. Rennes, Plihon, 1953, 3 vol.; *Revue d'Histoire moderne*, t. XII, nouv. série, t. VI, № 29—30, septembre-décembre, 1937, p. 408—448; *Livet G. L'Intendance d'Alsace du Saint Empire romain germanique au royaume de France, de la guerre de Trente Ans à la mort de Louis XIV, 1634—1715*. Belles-Lettres, 1956; *Presses Universitaires de Strasbourg*, 2e éd., 1991; *Livet G. Louis XIV et les provinces conquises. Etat des questions et remarques de méthode // XVII siècle*, № 16, 1952, p. 481—507; *Loirette F. L'administration royale en Béarn, 1620—1682 // Ibidem*, № 65, 1964; *Meyer J. Intendants // Encyclopaedia Universalis*; *Smedley-Weill A. Les intendants de Louis XIV*. Fayard, 1995.

крашал долги общин (эту кампанию развернул Кольбер в целях экономической стабилизации), следил за поддержанием порядка, контролировал продовольственный рынок, сельское хозяйство, выносил решения о повышении налогов и преследовании еретиков.

Об усилении воздействия государства на жизнь страны свидетельствуют многочисленные законодательные акты (ордонансы); распространение института генеральных контролеров, которому подчинялись интенданты, взявшие в свои руки почти все руководство королевством; появление таких должностей, как инспектор мануфактур. Отдельно следует сказать о возрастании роли полиции (в сфере внимания которой находились пресса, книгоиздание, указы о взятии под стражу¹, тюрьмы), в частности учреждение в 1667 г. должности генерального лейтенанта полиции, чья служба разметилась в Парижском Шатле. Постепенно сфера влияния последнего распространилась на всю Францию: Людовик XIV работал в тесном контакте с Ла Рейни, а после 1697 г. с д'Аржансоном. В 1699 г. появляются и должности полицейских лейтенантов в городах, которые охотно покупали местные чиновники. И, наконец, государственное влияние на нацию проявлялось в урезании компетенции провинциальных «штатов» и губернаторов (в особенности почетных), постепенном ослаблении парламента (официально лишеного в 1673 г. права предварительного замечания), учреждении Генеральной службы не прямых налогов (1680), создании милиции (1688), подчинении низшего духовенства епископату (1695), учреждении городских мэрий (1692) и переда-

¹ См.: *Quétel Claude. De par le Roy. Essai sur les Lettres de cachet. Toulouse, Privat, 1982.*

чи полномочий¹ (1704). В довершении всего, вспомним о притеснениях кальвинистов и янсенистов под предлогом королевской ответственности за спасение душ своих подданных.

3. *Общественное мнение.* Людям той эпохи было свойственно уважать базовые законы королевской власти. Король, согласно их представлениям, должен был «воплощать собой божественную доброту», не доводя до предела свою абсолютную власть. Они знали также, что противостоять воле короля не имеет права никто. Большинство признавало верховную власть короля, потому что изнутри страну постоянно раздирали мятежи, а извне соседи периодически покушались на ее границы (1636, 1643, 1648, 1649–1650 гг.). Обществу, периодически страдавшему от голода, коррумпированных чиновников, грабежей, поджогов и насилия со стороны военных как французских, так и иностранных (валлонцев, испанцев, немцев, шведов, лотарингцев, хорватов и др.), проходивших через деревни и города, настоящую «защиту прав» и хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне мог гарантировать только король с его абсолютной властью. В этом

¹ См.: *Ricommand J.* Les subdélégués des intendants jusqu'à leur érection en titre d'office // RHM, septembre-décembre 1937, p. 338–407; L'édit d'avril 1704 et l'érection en titre d'office des subdélégués des intendants // *Revue historique*, t. CXCIV, janvier-mars 1945, p. 24–35 et avril-juin 1945, p. 123–139; Les subdélégués des intendants aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Information historique J.-B. Baillière*, 24e année, № 4, septembre-octobre 1962, p. 139–148; № 5, novembre-décembre 1962, p. 190–195; 25e année, № 1, janvier-février 1963, p. 3–7 ; *La Lieutenance générale de police à Troyes. Troyes, thèse*, 1934. В то же время Э. Эсмонен отмечает небольшой набор средств, которыми Людовик XIV мог наводить порядок в стране: весьма ограниченное количество лучников и конной полиции на все королевство. Именно поэтому интендантам приходилось использовать в полицейских целях армию. (См.: *Saint-Germain J.* *La Reynie et la police au Grand Siècle.* Hachette, 1962).

и нужно усматривать причины той молчаливой покорности, которой было встречено заявление юного Людовика XIV о том, что власть, попавшая ему в руки, будет принадлежать только ему. С этого момента лейтмотивом любых оппозиционных выступлений стало обличение министров, узурпировавших власть короля. Клод Жоли¹ выбрал в качестве козлов отпущения Кончини, Люиня, Ришелье и Мазарини. Более умеренный во взглядах магистрат Омер Талон объявил юному монарху, что французы желают восславить его королевское величество в «истинном порыве восторга». Большая часть общественного мнения охотно поддержала бы следующий лозунг: «Да здравствует король без министров!»².

С 1660 по 1685 гг. королевская власть была озабочена как тем, чтобы успокоить страну и установить в ней порядок и мир, так и повышением своего авторитета за счет военных побед над внешним врагом. Поставленная цель — добиться благоразумного послушания подданных, была достигнута. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать «Проповедь на пост» Боссюэ (1662) или письма госпожи де Севинье, которая писала в 1672 г.: «Самое надежное — чтить его и бояться его и не говорить о нем иначе как с восхищением». Конформист Филинт вещает о логичном устройстве и объединении общества при новом порядке, тогда как ворчливый дворянин Альцест без конца твердит о «пороках времени» и черпает вдохновение в непреклонной добродетели и стойкости прежних веков. Со-

¹ Внук Антуана Луазеля, автора «*Institutes Coutumières*», выходец из прекрасной дворянской семьи, настаивал на том, что у монархии должны быть пределы, говорил о злобредности министерств, ратовал за то, чтобы спрашивать согласие народа на введение новых налогов.

² См.: *Cornette J. La mélancolie du pouvoir et le procès de la raison d'Etat*. Fayard, 1999.

жалая о том, что «отныне человек чести лишился свободы», Альцест говорил почти так же, как и барочные герои Корнеля, сожалея об эпохе Шале и Сен-Мара, очаровательной госпожи де Шеврез и госпожи де Лонгвиль, мятежного Реца, которого преследовали и заточали в тюрьмы. И как Корнель клеймил низкое происхождение пособников деспотизма, так историк Мезере упрекал Людовика XIV в «упадке дворян и возвышении людей из ничтожества». Очевидно, поэтому Мезере впал в немилость.

Помимо покорных дворян, которые видели свое высшее предназначение в том, чтобы получить право присутствовать на церемонии утреннего пробуждения короля, на что намекает Альцест в мольеровском «Мизантропе», или в том, чтобы поднять то, «что король уронил» (госпожа де Севинье), немало было и тех, кто в глубине души роптал¹. Шевалье де Квинси представляет типичного придворного «хамелеона, обманчивого в ласках и неблагодарного, едва добьется успеха...». Почести, отдаваемые королевским статуям, во множестве появившимся на новых площадях Парижа, острословы окрестили «навуходоносоризмом».

Однако вследствие неудач, а то и провалов целого ряда мероприятий центральной власти в обществе постепенно нарастал скептицизм, усиливавшийся еще и тем, что П. Азар назвал «кризисом европейского мышления». К концу царствования Людовика XIV общественное мнение пробудилось. Первыми «просну-

¹ См.: *Martin H.-J.* Livre, pouvoirs et société à Paris au XVIIe siècle (1598–1701). Genève, Droz, coll. «Publications de l'École des Hautes Etudes», VI, «Histoire et civilisation du livre», t. 3, 1969, 2 vol.; *Histoire et pouvoirs de l'écrit.* Perrin, 1989; *Chartier R.* Lecteurs et lecture dans la France d'Ancien Régime. Le Seuil, coll. «L'Univers historique», 1987; *Damien R.* Bibliothèque et Etat. Naissance d'une raison politique dans la France du XVIIe siècle. PUF, coll. «Questions», 1995.

лись» аристократы и церковники, затем философы. Лабрюйеру, осмелившемуся в 1688 г. спросить: «Стадо ли создано было для пастуха или же пастух для стада?», вторил аристократ Фенелон, представивший в 1711 г. Францию в виде «огромного опустошенного госпиталя без какой бы то ни было провизии» и наставлявший своего ученика герцога Бургундского: «Нельзя, чтобы все было для одного, но один должен быть для всех, дабы составить их счастье». Других провозвестников «чувствительного» XVIII века, таких как аббат Клод Флери и Жеро де Кордемуа, вдохновляли, очевидно, идеи автора «Путешествия Телемака», проповедовавшего образ добродетельного короля-миротворца. И даже самый преданный слуга короля, Вобан, написал: «Политика, которая не удосуживается поддерживать дружеские отношения с народом и ежедневно терзает его новыми и новыми налогами, чуть ли не лишая куска хлеба... несправедлива... и лишь по большой случайности, она рано или поздно не столкнется с великой опасностью и...»

Никаких предвестий революции во всем этом нет. Прежде всего процитированные выше авторы говорили о необходимости перемен в экономической жизни страны. Те же идеи начиная с 1669 г. высказывали Клод Флери и даже Поль Эй дю Шатле, полемизировавшие с Кольбером, который заботился исключительно о промышленности. Они выступали, прежде всего, за восстановление сельского хозяйства и облегчение положения крестьянства. Даже Фенелон из Камбре, сочиняя в 1711 г. со своими друзьями-герцогами (Шеврезом, Бовилье, Сен-Симоном) «Tables de Chaulnes», план организации правительства в будущее царствование, вписал в него реставрацию института губернаторов, возвращение полномочий Генеральным

и провинциальным «штатам» и наделение их законодательными и административными функциями, возвращение утраченных позиций «дворянству шпаги» и упразднение интендантов. Однако, каким бы ретроградным ни был этот план, он отражал тенденцию в общественных умонастроениях, которой суждено было развиваться все XVIII столетие¹.

Все перечисленные выше проблемы обострились из-за крупных неудач, провалов королевской власти, причем не военных или экономических, а на духовном и интеллектуальном фронте: научные успехи Фонтенеля и рационалистические воззрения Бейля (Боссюэ был одним из самых ярких проигравших в споре с ним), успешное сопротивление приверженцев галиканства (д'Агессо в парламенте), янсенизма (несмотря на разрушение Пор-Рояля в 1710 г. и буллу *Unigenitis*, принятую в 1713 г.) и протестантизма (Антуан Кур и его деятельность в Ниме)².

Несмотря на всю религиозную нетерпимость, нравственный и политический кризис, огромные долги и финансовый коллапс режима, ни осязаемого сопротивления, ни тенденций к сепаратизму мы не наблюдаем. В сентябре 1715 г. опустевший после смерти Великого короля Версаль воплощал собою образец прочной власти и блистательного искусства, которым восхищались и которому стремились подражать все монархи Европы.

И в то же время размах централизации государства не мог затмить одну проблему, одно не доведенное до

¹ См.: *Ellis H.A.* Boulainvilliers and the French Monarchy. Aristocratic Politics in Early Eighteenth-Century France. Ithaca and London, Cornell University Press, 1988.

² См.: *Joutard Ph.* La légende des Camiards. Gallimard, 1977; *Richard M.* La vie quotidienne des protestants sous l'Ancien Régime. Hachette, coll. «La Vie quotidienne», 1967.

конца преобразование, а именно оставшуюся мозаичной административную структуру, о которой говорил Вобан, приводя такой типичный пример (1696): «Финансово-податный округ Везеле принадлежит провинции Ниверне, епархии Отен, находится в компетенции парижского финансового округа, город Везеле подчиняется губернатору Шампани... Несмотря на маленький размер, в него включено множество анклавов соседних финансово-податных округов, в которых в свою очередь есть поселения, относящиеся к Везеле. Смысла этого понять никак нельзя».

Глава V

КРИЗИС СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ АБСОЛЮТИЗМА В XVIII ВЕКА

В этой главе мы попытаемся сопоставить колебания экономической конъюнктуры с развитием идей и смелой социальных ценностей¹.

¹ *Viguerie J. De.* Histoire et dictionnaire du Temps des Lumières. R. Laffont, coll. "Bouquins", 1995; *Soboul A.* La France à la veille de la Révolution, I: Economie et société. SEDES, 1966; *Léon P.* Economies et sociétés préindustrielles, t. 2: 1650–1780. A. Cohn, coll. "U", 1970; *Braudel F., Labrousse E. (sous la dir. de).* Histoire économique et sociale de la France, I. II: Des derniers temps de l'Age seigneurial aux préludes de l'âge industriel. 1660–1789 (Labrousse E., Léon P., Goubert P., Bouvier J., Carrière Ch., Harsin P.). PUF, 1970; coll. "Quadrige", № 162, nouv. éd., 1993; *Butel P.* L'économie française au XVIII siècle. SEDES, coll. "Regards sur l'histoire", № 87, 1993; *Denis M., Blayau N.* Le XVIII siècle. A. Colin, coll. "U", 2e éd. mise à jour, 1990; Images du peuple au XVIII siècle. Centre aixois d'Etudes et de Recherches, A. Cohn, 1972; *Meyer J.* Noblesses et pouvoirs dans l'Europe d'Ancien Régime. Hachette, 1973; *Bluche Fr.* Vie quotidienne de la noblesse française au XVIII siècle. Hachette, coll. "La Vie quotidienne", 1973; *Richard G.* Noblesse d'affaires au XVIII siècle. A. Cohn, coll. "U Prisme", 37, 1974; *Chaussinand-Nogaret G.* La noblesse française au XVIII siècle. Hachette, 1976; *Piongeron B.* Vie quotidienne du clergé français au XVIII siècle. Hachette, coll. "La Vie quotidienne", 1974; nouv. éd., 1988; *Labatut J.-P.* Les noblesses européennes de la fin du XVe à la fin du XVIIe s. PUF, coll. "L'Historien", № 33, 1978; *Meyer J.* Etudes sur les règles en Europe occidentale du milieu du XVIIe siècle à la veille de la Révolution française. SEDES. t. I, 1983, 1 vol.; *Meyer J.* Etudes sur les villes françaises du milieu du XVIIe siècle à la veille de la Révolution française (avec la partic-

1. Экономическая конъюнктура XVIII в.

Фаза депрессии продолжалась вплоть до 1730 г. Самым сильным потрясением этого периода стало введение системы Лоу (1716—1720), монетарная и банковская реформа, вызвавшая резкий скачок инфляции и спекулятивный рост цен с целью стимулирования экономического развития как в метрополии, так и в колониях: в Луизиане, на островах в Индокитае. Реформа обернулась финансовой катастрофой, надолго затормозившей восстановление кредитной системы в стране и разрушившей доверие к банкам как к эффективному инструменту экономики. Позитивное же значение реформы состояло в уменьшении государственного долга, оздоровлении экономики по широкомасштабному плану, и настоящем экономическом буме, выразившемся в активизации движения капитала, росте производства и товарообмена. Цены лихорадило, на чем было сделано немало состояний. Резко повысился спрос на предметы роскоши, различные удовольствия и комфорт. Все желали меценатствовать. И хотя золота в Луизиане так и не нашли, антильский сахар благоприятствовал развитию работоторговли, обогатившей Нант и Бордо, а колониальный порт Лориент буквально ломился от новых товаров: слоновой кости, золотого песка, каучука, пряностей, кофе, пушнины, чая, какао, фарфора, шелка, хлопчатобумажной ткани и ценных пород древесины¹.

ipation de J.-P. Poussou). SEDES, coll. "Regards sur l'histoire", № 48, 2e éd., 1995; *Bardet J.-P.* Rouen aux XVII et XVIII siècles: les mutations d'un espace social. SEDES, coll. "Regards sur l'histoire", № 50, 1983, 2 vol.; *Chagniot J.* Paris au XVIII siècle. Association pour la publication d'une Histoire de Paris, diffusion Hachette, coll. "Nouvelle Histoire de Paris", 1988; *Durand Y.* La société française au XVIII siècle. Institutions et société. SEDES, coll. "Regards sur l'histoire", № 85, 1993.

¹ См.: *Faure I.E.* La banqueroute de Law. Gallimard, coll. "Trente Journées qui ont fait la France", № 15, 1977.

1725 г. стал «черным» годом для французского абсолютизма: он отмечен тяжелым продовольственным кризисом, ростом смертности, увеличением количества бродяг и усилением репрессий. Однако уже в 1726 г. произошло эпохальное событие: стабилизация ливра стала причиной прекращения финансовых кризисов вплоть до самой Революции и восстановления доверия к экономике страны.

К 1730 г. в экономике наметились серьезные изменения: фаза медленного повышения цен обозначила динамику развития страны на протяжении всего XVIII века, длившегося с 1733 по 1817 гг., хотя и с различными интерциклическими колебаниями. Отметим две глубокие причины этого процесса: возобновившийся приток драгоценных металлов из Америки (в основном бразильского золота) вызвал стимулирующую экономику инфляцию и, одновременно, демографический подъем — рост рождаемости, а следовательно и рост потребления. В XVIII в. смертность снизилась (на 33 % по оценкам Моо на 1778 г.), выросла средняя продолжительность жизни (приблизительно с 21 до 27 лет). В основном благодаря улучшению питания численность населения увеличилась с 19 млн до около 26 млн, по оценкам Неккера на 1785 г.¹ Среди других возможных

¹ В то время как в Керси, в Солони и в Бретани наблюдался рост смертности, рост рождаемости в Севенне, Оверни и Альпах дал приток иммиграции в парижский регион и на запад страны. См.: *Ariès P.* Histoire des populations françaises et de leurs attitudes devant la vie depuis le XVIII siècle. Le Seuil. coll. "Points Histoire", № 3. 1971; *Reinhard M., Annengaud A., Dupâquier J.* Histoire générale de la population mondiale. Montchrestien. 1968; *Valmary P.* Familles paysannes au XVIII siècle en Bas-Quercy. PUF. 1965; *Dupâquier J.* (sous la dir. de. Histoire de la population française. t. 2: De la Renaissance à 1789. PUF. 2e éd., 1991, coll. "Quadrige", № 182, 1995; *Lebrun Fr.* La vie conjugale sous l'Ancien Régime. A. Cohn, coll. "U Prisme", 51, 3e éd., nouv. tirage, 1989; *La Mort en Anjou aux XVII et XVIII siècles.* Mouton, 1971; *Muchembled R.* La femme au village // Revue du Nord, juillet 1981.

причин назовем следующие: спекулятивные доходы и перемены в социальной психологии вызвали, особенно в городах, стремление к обогащению и резкий рост потребностей. Это влекло за собой увеличение денежного оборота, а последнее, в свою очередь, потребовало технического усовершенствования средств платежа посредством увеличения объема ценных банковских и биржевых бумаг¹.

В эту эпоху эйфорического роста известны и периоды упадка, связанные с сельскохозяйственными кризисами. В 1740, 1750—1752, 1770—1772 гг. нехватка продовольствия (но не голод, как во времена Людовика XIV) провоцировала городские волнения, вызванные дороговизной, а не деревенские бунты, столь характерные для XVII в. В фазе медленного роста цен (с 1733 по 1763 гг.) и более интенсивного (с 1763 по 1775 гг., «золотой век» Людовика XV) возросла рентабельность производства. Государство было вынуждено воздерживаться от вмешательства в экономику, в том числе от поддержки каких-либо ее субъектов, предоставления им монополий и регулирования рынка. Наступила эра свободного предпринимательства. Кольберистский абсолютизм, базировавшийся на старом социальном укладе с преобладанием корпораций и связанных с ними ограничений, зашатался под ветром новых умонастроений свободы от всех запретов, столь дорогих сердцам Корнэ, д-ра Кенэ, аббата Бодо, Мерсье де ла Ривьера, Тюрго и Дюпона де Немура. Однако к 1775 г. рост цен на некоторые продукты прекратил-

¹ См.: *Thompson E.P., Gauthier F., Ikni et al. La guerre du blé au XVII siècle: la critique populaire contre le libéralisme économique au XVIII siècle.* Montreuil, Editions de la Passion, 1988: Kaplan St.S. *Les centres de Paris. Pouvoir et approvisionnement dans la France d'Ancien Régime.* Fayard, coll. "Nouvelles Etudes historiques", 1988.

ся, а в 1778 г. произошел их обвал. Это катастрофическое интерциклическое понижение удалось остановить только в 1787 г., когда возобновился циклический рост цен, усиленный сезонными факторами. Снижение цен сократило норму прибыли, сделав психологически и финансово неприемлемой выплату королевского налога и совокупных господских податей, что явилось причиной социального недовольства в среде крестьянства и ремесленников. Долгий период падения цен в 1778–1787 гг. с последующим резким взлетом в 1787–1790 гг. спроецировал усиление революционных настроений — народные массы не смогли вынести таких перепадов¹.

С 1726 по 1789 гг. средний показатель роста цен составил, по некоторым оценкам, 65%, хотя он и варьировался в зависимости от вида продукции и региона. Подорожали в основном продукты питания, прежде всего — хлеб, расходы на который составляли половину крестьянского семейного бюджета. Пшеница подорожала на 66%, рожь — на 71%. Кроме того, были отмечены сезонные максимумы роста: в июне-июле

¹ См.: *Labrousse E.* Esquisse du mouvements des prix et des revenus en France au XVIII siècle.: les prix, les revenus. Dalloz, 1933, 2 vol.; nouv. éd., Archives contemporaines, coll. "Réimpressions", 1984, 2 vol.; *ego же.* La crise de l'économie française à la fin de l'Ancien Régime. PUF, 1944; Editions des Archives contemporaines, coll. "Réimpressions", 1984; *Morineau M.* Les faux-semblants d'un démarrage économique. Agriculture et démographie en France au XVIII siècle. A. Cohn, Cahier des Annales, 30, 1971; *Lefebvre G.* Le mouverent des prix et les origines de la Révolution française // Ann. H. Rev. Jr., 1937; *ego же.* La crise économique à la fin de l'Ancien Régime // Annales HES, 1946; Le Roy Ladurie E. Op. cit., supra, p. 16, n. 1; *Poitrineau A.* La vie rurale en Basse-Auvergne (1726–1789). PUF, 1966; Laffite Reprints, 1979; *Meyer J.* La noblesse bretonne au XVIII siècle. SEVPEN, 1966, 2 vol.; EHES, 1985, 2 vol.; *Goubert P.* Sociétés rurales françaises du XVIII siècle // Mélanges Labrousse, Mouton, 1974, p. 375; *Frêche G.* Toulouse et le Midi pyrénéen au siècle des Lumières vers 1670–1789. Ed. Cujas, 1974.

1789 г. (между урожаями) цены на пшеницу выросли на 150%, на рожь — на 165%. В Париже затраты на хлеб составляли 88% бюджета рабочего. Древесина подорожала на 91%, железо — на 30, шерсть — на 22, вино — на 14%. Под двойным ударом оказались многочисленны́е в то время виноградари — цены на хлеб подскочили, а продажи вина снизились. В то же время номинальный размер заработной платы увеличился всего на 22%, но и то с большой задержкой, а значит, ее реальный размер уменьшился приблизительно вдвое.

А вот земельная рента, наоборот, выросла, в том числе денежная — на 98%. При этом натуральная рента (метейаж, десятина) позволяла ее получателю (сеньору, владельцу десятины или собственнику-буржуа) выгодно продавать излишки. Господин-рантье в ситуации роста цен стремился увеличить свои доходы, повышая размер подати, получаемой с землеобработчика, и даже возобновляя старые господские права (налог на скот и т. д.). Вот такие экономические и социальные аспекты возрождения феодализма наблюдались в последней трети существования «старого режима». Что же касается крестьянина, то он извлекал выгоду из повышения цен на сельскохозяйственную продукцию только в том случае, если ее продавал, однако многим не доставало пахотных земель для удовлетворения собственных потребностей, особенно в ситуации демографического всплеска. В итоге они сами были вынуждены закупать продовольствие и на повышении цен наживались только землевладельцы и крупные землепашцы, откуда и зависимость основной массы деревенской бедноты от общинной собственности и права выпаса скота на полях после сбора урожая.

Каковы же были политические последствия описанных нами экономических обстоятельств? С одной

стороны, рост цен увеличил расходы, с другой — снижение заработной платы уменьшило покупательную способность и потребление населения. Таким образом, выплата налогов, хотя и увеличившихся в размере, стабилизировалась. Единственным спасением для государства было повышение прямого налога до уровня выросшей земельной ренты, однако противоречия между назревшей необходимостью финансовой реформы и существующей системой привилегий сделало революцию неизбежной. Увеличился разрыв в уровне жизни народа, углубились социальные противоречия, монархическое государство было парализовано косностью аристократии.

Несмотря на бурное развитие производства и торговли в городах и особенно портах, жизнь королевства целиком определяла экономика сельского хозяйства, примерно половина оборота которого приходилось на зерновые. Механизм этой зависимости четко прослеживался: если в каком-либо крупном регионе, включавшем несколько провинций, производство зерна уменьшалось, цена на хлеб росла по всей стране несмотря на правительственный контроль за торговлей зерном. Вопреки повышению цен на зерно, прибыль производителя уменьшалась, поскольку снижался объем продаж, а расходы оставались прежними. Параллельно шли процессы обеднения и пролетаризации масс наемных работников, которые, как и крестьяне-издольщики и мелкие арендаторы, должны были платить больше. Кроме того, городская торговля и ремесленное производство, удовлетворявшие прежде всего потребности крестьянства, в ситуации кризиса и связанным с ним снижением покупательной способности и в городе, и в деревне, страдали от сокращения заработной платы и безработицы. С падением покупательной способности

в городах произошел общий упадок городской экономики (строительство, торговля предметами роскоши, одеждой и т.д.). В этих условиях в правление Людовика XVI участились банкротства столичных предприятий, производивших и торговавших предметами роскоши, так как богачи, доходы которых сократились, ограничивали себя в покупках. Это вызвало цепную реакцию: упадок сельского производства соответствовал значительному спаду потребления промышленной продукции в условиях общей стагнации.

Но все же, несмотря на кризисы, общей тенденцией экономики стало утверждение капиталистических отношений, развитие предпринимательства, повышение уровня жизни¹.

2. Некоторые примеры состояния городской и сельской экономики²

Монографии освещают тенденции и трансформации экономической конъюнктуры регионов. Они представляют собой аналитические исследования, результаты которых применимы к оценке общего положения в экономике страны.

¹ Здесь сыграла свою роль человеческая психология: жизнь изменялась вслед за ценами. Семья ремесленников в 1789 г. хотела жить менее скромно, чем в 1715 г.; мастерской покупал больше мыла, свечей, дров, белья и т. д., в большей мере страдая, если потребности не удавалось удовлетворить. И это вопреки небольшому повышению реального жизненного уровня и стагнации реальной заработной платы.

² Общий обзор перемен в экономике французских городов см.: Les villes dans la France moderne (1740—1840). Albin Michel, coll. "L'Evolution de l'humanité", 1989. Эта книга обозначила четкий контраст между севером и югом страны. К подобным же выводам приходит и Д. Маргэраз (*Margairaz D. Foires et marchés dans la France préindustrielle. Ecole des Hautes Etudes en sciences sociales, 1988*).

В Може, на юге Анжу, две трети земель принадлежали дворянам и духовенству, 16,5% находились в собственности буржуа, 17,44% — в собственности крестьянства. При этом крестьянская земля была сильно раздроблена — часто на семью приходился надел менее 1 га. Господская земля, отданная в пользование землепашцам, также была разделена на мелкие наделы, за которые выплачивалась арендная плата. Подати и повинности в пользу господина все еще тяжелым бременем ложились на обработчиков неплодородных земель с разжеванными полями¹. На севере страны в Эно большинство земель принадлежало аристократии, в Камбрези — церкви, во Фландрии — буржуазии. В Иль-де-Франсе, в Пикардии и Артуа землепользование приближалось к английскому типу (по оценкам А. Янга)².

В окрестностях Парижа холмистые участки оказались во власти общин овощеводов и виноградарей, равнинные же земли представляли собой крупные владения дворянства и, особенно, столичной буржуазии. Сданные в аренду крупным землепашцам, они обрабатывались членами общины. Прекращение «выпаса на пустом поле» повлекло за собой уход мелких землеобработчиков и замену их чисто наемными работниками, прибывавшими из провинции³. На равнинах нижней Бургундии⁴ существовало несколько

¹ См.: *Andrews*. Les paysans des Mauges au XVIII siècle, 1938.

² См.: *Lefebvre V.G.* Les paysans du Nord pendant la Révolution. Rieder, 1924; *Bari, Laterza*, 1959; *A. Cohn*, 1972; *Peter L.* Le temporel de la Communauté des dames de Saint-Cyr (1686—1789). Thèse Université Panthéon-Sorbonne. Paris 1, 1975.

³ См.: *Phlipponneau M.* Evolution historique de la vie rurale dans la banlieue parisienne. *A. Cohn*, 1956.

⁴ См.: *Moreau J.-P.* La vie rurale dans le sud-est du Bassin parisien, entre les vallées de l'Armançon et de la Loire. Etude de géographie humaine. Impr. Bernigaud et Privat, 1958; *Saint-Jacob P. De.* Les paysans de la Bourgogne du Nord au dernier siècle de l'Ancien Régime. Bernigaud et Privat, 1960.

крупных поместий, а большую часть земли составляли мелкие частные и общинные наделы, сосредоточенные вокруг крупных сел. Поля в этой местности были крупными и открытыми, на них выращивали рожь и виноградники. Вследствие бурного демографического роста отмечалась миграция населения из этих районов. Напротив, в Пюизэ, где господствовали крупные поместья, занимавшиеся скотоводством, лесозаготовками и лишь в последнюю очередь земледелием, повсеместно отмечены бокажи (поля, разделенные кустарником). В Пуату¹ большинство владений дворянских семей, в большинстве своем находящихся в упадке и обремененных долгами, но ведших беззаботный образ жизни, в массовом порядке сдавались в аренду. Дворяне мало-помалу отчуждали свою собственность в пользу влиятельных сельских производителей, мельников, конезаводчиков и т.д. В овернских владениях Бурбонов² крестьянство располагало только третьей землей, а остальные две трети принадлежали 217 собственникам. Бюджет крестьянина-землеобработчика здесь особенно зависел от колебаний цен на хлеб.

На юге страны в окрестностях Лодева (по оценкам Апполиса) и Беарна (по оценкам Ж. Баску) дворянских владений было крайне мало. Отметим два типичных примера владений в Монтобана и Монпелье.

В Монтобана³, индустриальном центре региона (производства шерсти и шелка), католические дворянские семьи находились под защитой интенданта, епископа, «Кур-дез-Эд», финансового бюро, муниципаль-

¹ См.: *Massé P.* Varennes et ses maîtres: un domaine rural de l'Ancien Régime à la Monarchie de Juillet (1779—1842). SEVPEN, coll. "Les Hommes et la Terre", t. 1. 1956.

² См.: *Freydeire A.* Le pays gannatois... à la fin de l'Ancien Régime. 1958.

³ См.: *Ligou D.* Montauban à la fin de l'Ancien Régime et au début de la Révolution (1787—1794). Rivière, 1958.

ных властей и т. д (все эти официальные лица были членами Ассамблеи Верхней Гийени, созданной Неккером в 1778 г.). Они ставили себя выше буржуазии и особенно — протестантского крестьянства, что и послужило поводом к началу революционного движения. Буржуазия встала на сторону якобинцев, чью идеологию проповедовал пастор Жан Бон Сен-Андре, в то время как католическая аристократия, пересмотревшая и ужесточившая свои «права», олицетворяла «феодальную» реакцию. Половина господских земель сдавалась в аренду и обрабатывалась, в основном, наемными рабочими и сезонными поденщиками. Отсюда рост социального недовольства как обеспеченных земледельцев, так и деревенской бедноты, а также крупных и мелких буржуа, лавочников и ремесленников, экономически зависимых от положения о привилегиях. К 1780 г. социальные противоречия резко обостряются.

В Монпелье¹ исследование «компуа» — точных «кадастровых матриц», регистрировавших реальные размеры владений, дало основательные статистические сведения о соотношения господских и крестьянских земель. В регионе на кислых равнинных почвах насчитывалось множество мелких держателей земельных наделов с архаичным возделыванием множества культур. На более же плодородных землях преобладала собственность буржуазии, увеличившаяся по мере

¹ См.: *Soboul A.* Les campagnes montpelliéraines à la fin de l'Ancien Régime. PUF, 1958); *ego же.* La communauté rurale au XVIII siècle // *Revue de synthèse*, Juill. 1957; *Dion R.* Histoire de la vigne et du vin en France. Auteur, 1959; *Rigaudière A.* Les Etudes d'histoire économique rurale au XVIII siècle. PLC, 1965; *Descadeillas R.* Rennes et ses derniers seigneurs 1730—1820. Privat, Toulouse, coll. «Bibliothèque méridionale», 39, 1964; *Chaussinand-Nogaret G.* Les financiers de Languedoc au XVIII siècle. SEVPEN, 1970; *Bouchard G.* Le village immobile: Sennely-en-Sologne au XVIII siècle. Plon, 1972.

продажи национальных земель. Виноградарство, обеспечивавшее необходимый уровень жизни, было занятием мелкого крестьянства, жившего на бедных землях. При этом «коммерческое» виноградарство на плодородных равнинах принадлежало городским собственникам.

В Лионе, типичном городе того времени, вспышка революционных настроений определила жизнь фабричного производства, понесшего серьезные убытки из-за кризиса в правление Людовика XVI. Из 143 000 жителей в 1789 г. приблизительно 30 000 являлись мелкими производителями, 6000 были мастерами, мелкими предпринимателями и 400 — крупными торговцами и фабрикантами. В борьбе с безработицей было достигнуто социальное согласие: мастера и мелкие производители объединились против насаждаемой муниципальными властями монополии крупного шелкового бизнеса с целью установления единого тарифа на продукцию. Производители требовали заключения коллективного договора, поскольку являлись объектом эксплуатации со стороны торговцев, вследствие чего труд рабочих в огромной степени зависел от сезонных колебаний цен, от перемен моды или политической ситуации¹.

¹ См.: Trénard L. Histoire sociale des idées: Lyon de l'Encyclopédie au préromantisme. PUF, 1958, 2 vol.; La crise sociale lyonnaise à la veille de la Révolution // RHMC, 1. II, janvier-mars 1955, p. 545; Lefebvre G. Etudes orléanaises. Contribution à l'étude des structures sociales à la fin de l'Ancien Régime. Imprimerie Nationale, 1963, 2 vol.; Etudes sur la Révolution française. PUF, 1954; 2 éd., 1963; Carrière C. Négociants marseillais au XVIII siècle. Institut historique de Provence-Marseille, 1973, 2 vol.; Pariset F.-G. Bordeaux au XVIII siècle. Fédération historique du Sud-Ouest, coll. «Histoire de Bordeaux», sous la dir. de Ch. Higounet, t. V, 1968; Garden M. Lyon et les Lyonnais au XVIII siècle. Les Belles-Lettres, 1970; Flammarion, coll. «Champs», nouv. éd., 1984; Bayard F., Cahiez P. (sous la dir. de). Du XVI siècle à nos jours. Horvath, Ecully,

3. Социальные ценности: аристократия и буржуазия

Социальную жизнь XVIII столетия определяли две противоположные тенденции: наступление буржуазии и самозащита аристократии.

Утрата *социального равновесия* — результат противостояния этих двух сил, разрешить которое королевская власть была не в состоянии и потому приняла сторону самых архаических и реакционных сил бурно развивающегося общества. На протяжении всего существования абсолютизма, режима, не знавшего каст, была открыта возможность восхождения по социальной лестнице — иной раз до герцогского достоинства (семья Нёфвиль де Вильруа, семья Фелипо де Ла Врийер). В этом отношении практика опережала сложившийся социальный менталитет: мы презираем их, но женимся, дабы снова «покрыть золотом» свой герб. Жена гордеца Сен-Симона, хотя и носила фамилию де Лорж, была вовсе не благородных кровей, а напротив дочерью финансиста. Герцогиня, хотя и низкого про-

coll. "Histoire de Lyon des origines à nos jours", t. II, 1992; *Penot J.-Cl.* Genèse d'une ville moderne, Caen au XVIII siècle. Mouton, 1975; *Frêche G.* Toulouse et la région Midi-Pyrénées au siècle des Lumières vers 1670—1789. Cujas, 1974, 2 éd., 1988; *Poussou J.-P.* Croissance économique et attraction urbaine: Bordeaux et le Sud-Ouest de La France au XVIII siècle. EHESS, Libr. J. Touzot, coll. "Démographie et sociétés", № 17, 1983; *Butel P.* Les négociants bordelais, l'Europe et les îles au XVIII siècle. Aubier-Montaigne, coll. "Historique", 1974; *Butel P., Poussou J.-P.* La vie quotidienne à Bordeaux au XVIII siècle. Hachette, coll. "La Vie quotidienne", 1980; 2e éd., 1991; *Defromont A.-L.* L'Avesnois au XVIII siècle. Contribution à l'étude des sociétés rurales. Lille, thèse, 4 vol. ronéotypés, 1972; *Roche D.* Le peuple de Paris au XVIII siècle. Essai sur la culture populaire au XVIII siècle. Aubier-Montaigne, coll. "Historique", 1981; *Cocula-Vallières A.-M.* Un fleuve et des hommes. Les gens de la vallée de la Dordogne de 1750 à 1850. Lille-Université, 1979, 2 vol.; *Quéniaert J.* Culture et sociétés urbaines dans la France de l'Ouest au XVIII siècle. Klincksieck, 1979; *Deyon P.* Paris et ses provinces: le défi de la décentralisation (1770—1992). A. Cohn, coll. "Mémoires d'avenir", 1992.

исхождения, тем не менее являлась герцогиней и для допуска ко двору вовсе не была обязана подтверждать свои дворянские корни. Практическое социальное равенство предопределяло равенство перед законом. Равенство во имя обогащения царило в административных советах компаний Сен-Гобэна, Ост-Индии или Анзэна (1757 г.), в которых состояли крупные аристократы и буржуа. Равенство во имя культа разума царило в светских и философских салонах, где дружески беседовали аристократ Монтескье, буржуа Вольтер, простолюдины Руссо и Дидро, а тем более в масонских ложах, которые начали появляться во множестве примерно с 1725 г. Тем более оно было характерно для академий, в которых коллегами герцогов и епископов становились мелкий буржуа Дюкло, подкидыш Д'Аламбер, незаконнорожденные Шамфор и Делиль. Все это явилось далеким предвестием ночи на 4 июля 1789 г. и в конечном счете декрета от 23 июня 1790 г., отменившего институт наследственной знати и ее привилегий. Равенство перед ценностью денег и жизненного успеха разрушило сословные границы. Высшее общество охотно принимало финансовых магнатов, драматических артистов и оперных певиц. XVIII век стал, таким образом, веком господства буржуазии, представленной Самюэлем Бернаром, братьями Пари, Пуассоном, Ленорманом, Дюпоном, Ла Попелиньером, Лабордом и другими банкирами¹ и землевладельцами. В социальном (а не юридическом) отношении они считались ровней Ришелье, Ноайя, Брольи или Люиней. Салон мадам Жофрэн, супруги директора компаний Сен-Гобэна, дочери мелкого буржуа, собирал самые блестя-

¹ См.: Lüthy H. La banque protestante en France, de la Révocation de l'Edit de Nantes à la Révolution. SEVPEN, coll. "Affaires et gens d'affaires", № 19, 1959 et 1961. 2 vol.

щие умы всех сословий. Мало того, за ней ухаживали коронованные особы Европы. Чтобы конкретизировать процесс социального уравнивания, достаточно вспомнить эклектичные пристрастия Людовика XV, нашедшего замену герцогине де Шартору в лице сообразительной Жанны-Антуанетты Пуассон, дочери финансиста, в замужестве Пари-Дювернэ, произведенной королем в маркизы де Помпадур. Последняя, в свою очередь, уступила место Жанне Бекю, ставшей графиней дю Барри, правившей Версалем целых шесть лет.

Однако это явное разрушение сословных границ сопровождала подспудная борьба, определившая жизнь всего столетия¹.

1. Прорыв буржуазии. Юридически буржуазия принадлежала сословию городского мещанства, что в XVIII в. было понятием устаревшим. Принадлежность к буржуазии означала, скорее, определенный образ мыслей, нежели социальное положение. Впрочем, некоторые внесословные категории населения, с широким разбросом доходов и видов деятельности, наблюдались уже начиная с XV в. Что же такое бур-

¹ См.: Léon P. Recherches sur la bourgeoisie de province au XVIII siècle // Inform. hist., mai 1958; Groethuysen B. Les origines de l'esprit bourgeois, I: L'Eglise et la bourgeoisie. Gallimard, coll. "Tel", 21, 1977; Soboul A. Op. cit.; Bouvier J., Germain-Martin H. Finances et financiers de l'Ancien Régime. PUF, coll. «Que sais-Je?», № 1109, 1969; Bluche Fr. La vie quotidienne de la noblesse française au XVIII siècle. Hachette, coll. "La Vie quotidienne", 1973; Chaussinand-Nogaret G. Gens de finance au XVIII siècle. Bordas, 1972; La noblesse française du XVIII siècle. Hachette, 1976; La noblesse au XVIII siècle. De la féodalité aux Lumières. Complexe, coll. "Historiques", 7, 1984, nouv. éd., 1990; Durand Y. Les fermiers généraux au XVIII siècle. PUF, 1971; Finance et mécénat. Les Fermiers généraux au XVIII siècle. Hachette, coll. "Temps et Hommes", 1976; Dupront A. Art, littérature et société au XVIII siècle. CDU, 1963; Furet Fr. et coll. Livre et Société dans la France du XVIII siècle. Mouton, 1965, 2 vol.; Roche G. Le siècle des Lumières en provinces: académies et académiciens provinciaux, 1680–1789. Mouton, 1978.

жуа? Во времена Мольера и Буало этот термин обозначал, со всем пренебрежением высшего общества, суконщика, мелкого лавочника, мастерового. Эти социальные категории для названных авторов выступали прежде всего явлениями морального порядка, они символизировали страсть к наживе, трусость и противопоставлялись куртуазности, галантности и рыцарству аристократов. Но в то же самое время жили и работали Паскаль и де Николь, которые подарили буржуа возможность осознать себя, подорвав веру общества в миф о героической аристократии и поставив проблему свободы совести и ответственности власти. «Действенная благодать» янсенизма оросила твердую почву предрассудков, противопоставив типу дворянина — щеголя и прожигателя жизни тип строгого, экономного, трудолюбивого буржуа — новый социальный тип, порожденный XVIII веком. «Жить благородно» означало теперь, наряду с праздностью, щедростью и роскошью, пренебрежительное отношение к деньгам. «Жить буржуазно» означало для буржуа, который испокон веков только и занимался производством предметов роскоши для удовлетворения нужд аристократов, жить в достойном комфорте и богатстве, созданном трудом и разумной экономией. Буржуазией, приземленно видевшей здравый смысл в разумной умеренности, двигало инстинктивное умение считать: обогащение понималось как благое дело. И хотя смысл небесного предназначения потерял ценность в век Вольтера, земное предназначение связало человека с идеей свободы совести (что предполагало усилие воли) и предпринимательства. «Вся Франция дышит этой свободой», — сказал в 1700 г. негоциант из Нанта Де Казо, подразумевая под этим экономическую свободу. Магическое

слово подхватили все те, кто мечтал об освобождении торговли и производства от старых правил и запретов, науки — от богословия и религиозных догм, совести — от «средневековых предрассудков», а земли — от феодализма. Буржуазное сословие в XVIII в. состояло не только из мелких буржуа, столь дорогих кисти Шардэна и перу Дидро, но также из производителей оружия и крупных капиталистов портовых¹ и текстильных городов, совладельцев недавно созданных угледобывающих и металлургических компаний, финансовых магнатов, благодаря откупам ставших опорой государства. Даже высшее чиновное парламентское дворянство, целиком принадлежавшее к благородному сословию, вносило в управление своими поместьями, как и в исполнение своих общественных функций, элемент буржуазной расчетливости и экономии, принцип эффективности и рентабельности.

Буржуа Вольтер, Венсан де Гурнэ, деловой человек и дальновидный спекулянт и все экономисты: от аббата Морле до Тюрго, как и все сотрудники «Энциклопедии», отстаивали буржуазную концепцию свободы производства и обмена.

2. Соппротивление реакции аристократии. В правление Людовика XIV подъем буржуазии обозначил победу финансово-торгового капитала над земельно-собственническим, и дворянство, одну за другой сдавая позиции в экономике, теряло и политическое влияние. Важнейшим фактором социальных перемен стало полное уравнивание в правах получавших дворянский титул буржуа с исконными дворянами, не говоря уж о том, что очень часто первые были связаны

¹ См.: *Crété L. La traité des nègres sous l'Ancien Régime: le nègre, le sucre et la toile. Perrin, 1989.*

брачными узами с последними и сосуществовали в рамках одной семьи. Впрочем, облагородившаяся буржуазия в высшей степени жестко защищала свои дворянские права — вплоть до открытой политической и социальной борьбы. Образованные ею суверенные советы (палаты) стремились играть ведущую роль в государстве, свято блюли его основополагающие законы, опекали «традиционную» монархию, очищенную от вредных предрассудков Дюпра, Ришелье или Кольбера. Можно лишь удивляться, сколь часто в то время в одной и той же семье соседствовали независимые, а то и мятежные члены парламента и суровые законопослушные судьи, интенданты и государственные советники, всецело преданные королю¹. Суверенные советы имелись во всех крупных городах страны: Париже, Тулузе, Гренобле, Бордо, Дижоне, Руане, Эксе, Ренне, По, Меце, Безансоне, Дуэ и даже Нанси (основан в 1775 г.) и Треву (упразднен в 1786 г.). Прибавим к этому малые парламенты, образованные «суверенными советами» Перпиньяна, Арра, Кольмара, Бастии (1768 г.), и получится, что всего на круг насчитывалось 1200 «мессиров», далеко не всегда согласных подчиняться Королевскому совету. А если прибавить к ним 900 членов Счетной палаты и «Кур дез Эд» и 80 членов мэрии Парижа — чиновников самого высокого ранга, получим 2200 высших чи-

¹ См.: *Bluche Fr. Les magistrats du Parlement de Paris au XVIII siècle, 1715–1771. Besançon, Imprimerie Jacques et Demontrond, coll. "Annales littéraires de l'Université de Besançon", vol. 35, 1960; Economica, coll. «Histoire», nouv. éd., 1986; L'origine sociale du personnel ministériel au XVIII siècle // Bulletin de la société d'Histoire moderne, 12e série, № 1, janvier-février 1957, suppl. à la RHMC. № 2, 1957, p. 9–13.* Чтобы отличить от парламентского дворянства, членов Королевского совета называли часто служилым или административным дворянством. Это было искусственно деление, т. к. те же самые семьи были представлены и в парламентах.

нов, имевших наследственное дворянство и по наследству же передававших свои должности (везде, кроме Нанси). Это высокопоставленное чиновничество стало притчей во языцех философов того времени, яростно клеймивших его невежество и нетерпимость, хотя справедливости ради надо сказать, что среди них находились и те, кто шел в ногу с веком Просвещения. Они получали довольно скромное жалование в 2—3 тыс. ливров, однако жили не на него, а на доходы с богатой земельной собственности. Некоторые семьи сформировали настоящие региональные династии — Буйе в Бургундии, Орнасье в Дофинэ, д'Опед в Провансе, Шатожирон и Карадек в Бретани. Не менее значительной собственностью владели парижские династии — Сегье, д'Ормесон, Пелетье, Моле, Ламуаньон, Жоли де Флери. Влияние этих семей чиновного дворянства, распространившись и на судебных в городах с прапарламентским управлением — Эксе, Дижоне, Ренне, — было поистине безграничным. И по сей день в этих старинных городах сохранились великолепные особняки «мессиров».

Огромные состояния и высокие должности постепенно сформировали из этих семей самый действенный инструмент аристократической реакции¹, по-

¹ См.: *Le Moy A.* Le Parlement de Brétagne et le pouvoir royal au XVIIIe siècle. Angers, Bourdin, 1909; *Bickart.* Les Parlements et la notion du souveraineté nationale au XVIIIe siècle. 1932; *Colombet.* Les parlementaires bourguignons à la fin du XVIIIe siècle. 1937; *Egret J.* Le Parlement de Dauphiné (1756—1789). Grenoble, Arthaud, 1942, 2 vol.; Les derniers Etats du Dauphiné. Romans (septembre 1788 -janvier 1789). Grenoble, Arthaud, 1942; L'opposition aristocratique en France au XVIIIe siècle // *Information historique.* 11 année, № 5, novembre-décembre 1949, p. 181—186; L'aristocratie parlementaire française à la fin de l'Ancien Régime // *Revue historique,* juillet-septembre 1952, p. 1—14; *Louis XV et l'opposition parlementaire.* A. Cohn, 1970; *Gresset M.* Gens de justice à Besançon (1674—1789). BN, CTHS, 1978, 2 vol.

сколько именно в их функции входило принятие решений государственной важности.

Высокопоставленная чиновная знать имела и собственную идеологию, основанную на представлениях Фенелона (децентрализованная умеренная монархия с генеральными и провинциальными «штатами», основу которых составляет дворянство). Эти идеи широко обсуждались в «Клубе Антресоль», руководимом аббатами Алари и де Сен-Пьер и несколькими аристократами-англоманами с 1726 по 1731 гг. Их же встречаем в вышедших в 1727 и 1732 гг. исторических романах апологета феодализма графа де Булэнвильера, в которых герои-аристократы, прямые потомки франков-победителей, сражаются с представителями третьего сословия, потомками побежденных галло-римлян! Однако самым ярким памятником аристократической мысли эпохи стал «Дух законов» Монтескье (1748). Не многие отдадут себе отчет в том, что барон де Монтескье, яростно критиковавший систему в «Персидских письмах», ироничный философ, пацифист, гуманист и атеист, идеалом которого был управляемый аристократическим сенатом Древний Рим, был исконным феодалом, защищавшим свои привилегии. Он оправдывал господские права (выкуп и дарование вольной рабам), опровергая необходимость заставить аристократов платить налоги удивительным соображением о том, что древние франки налогов не платили! Феодалы, пресловутая «голубая кровь», мечтали ограничить монархию промежуточными органами власти — «штатами»¹ и особенно... парламентами.

¹ См.: *Rébillon A.* Les Etats de Bretagne de 1661 à 1789. Leur organisation. L' évolution de leurs pouvoirs. Leur administration financière. A. Picard, 1932; *Meyer J.* La noblesse bretonne au XVIII siècle. SEVPEN, 1966, 2 vol.; EHESS, coll. "Bibliothèque générale", nouv. éd., 1985, 2

Этой феодальной идеологии противостояли идеологи монархически настроенной буржуазии — блестящий историк аббат Дюбуа, аббат де Мабли, маркиз д'Аржансон, а также большинство энциклопедистов, осуждавших «ужасный феодальный режим» и проповедовавших сильную центральную власть, основанную на принципах утилитаризма и рациональности, свободной конкуренции и идее прогресса, с тем чтобы «сделать народ счастливым»¹. Иными словами, они проповедовали «просвещенный» деспотизм, по определению Вольтера, сказавшего в полемике с англоманами: «Я предпочитаю подчиняться одному прекрасному льву, чем двум сотням крыс моего круга». Для него идеалом короля был Людовик XIV!

3. *Частичная реставрация аристократии.* Аристократии удалось вернуть и даже повысить былое влияние в четырех сферах: земельной собственности; движимого имущества, дворянского статуса и политической.

а) Приоритетным направлением стало улучшение условий *земельной ренты*. Рентабельность сдаваемых в аренду владений пытались повысить как посредством прямого извлечения доходов, так и при помощи увеличения господских прав на земельный фонд. В первом случае это пытались осуществлять на чистом энтузиазме, ломая устоявшиеся модели землепользования. Так, ориентируясь на агрономические новации,

vol.; Flammarion, 1972; *Appolis E.* Les États du Languedoc au XVIII siècle. 1937; *ego же.* Les assiettes diocésaines en Languedoc au XVIII siècle // Anciens pays et assemblées d'Etat, t. IX. Louvain, 1955.

¹ Идея счастья, по словам Сен-Жюста, была новой для Европы. В XVIII в. благотворительность прочно вошла в обиход, оправдывая существование публичной власти. (См.: *Mauzi R.* L'idée de bonheur dans la littérature et la pensée française au XVIII siècle. A. Cohn, 1960; Slatkine, 1979; A. Michel, 1994; *Chaunu P.* La civilisation de l'Europe des Lumières. Arthaud, coll. "Les Grandes Civilisations", 1971; Flammarion, coll. "Champs", № 116, 1982; Arthaud, 1993).

пропагандируемые Кенэ, герцоги Лярошфуко и Лианкур создавали крупные модельные хозяйства, а маркиз де Тюрбийи в Анжу, герцог Шаро-Бетюн в Берри и многие другие упразднили паровые земли, засеяв их фуражными культурами. Для аристократов это стало своего рода восторженным возвращением к земле, реализацией «сельской философии» Мирабо, лютого врага растленных торговых городов, прославлявшего «аграрное королевство», в котором патриархальные дворяне почетными гостями восседают на крестьянских свадьбах и крестинах. Однако среди аристократов было немало таких, кто жил в обветшавших замках, защищая права на охоту и ловлю голубей и не испытывая ровно никаких сентиментальных чувств к крестьянам. В Вехней Оверни, например, до трети доходов дворянских семей составляли «феодальные» подати с основных владений, причем около 20% вносилось сельскохозяйственной продукцией. Оставшиеся две трети составляли сборы с резервных владений. Нередко, особенно это касается 1767–1773 гг., выходили королевские указы, разрешавшие дворянину присвоить часть общинной собственности, включая леса и пастбища. Помимо того, дворяне судебным путем вернули себе некоторые древние полузабытые права — «терье» и «шартрие». Пикар Бабеф, работая именно над восстановлением этих прав за счет крестьян, стал ярким революционером. Шатобриан вспоминает: «Земли Комбура представляли собой лишь поля, несколько мельниц и две рощи, но были обеспечены феодальными правами... Мой отец возродил некоторые из них, чтобы их не отменили за истечением срока давности». Действительно, часто для того чтобы избежать отмены прав, не использованных в течение срока давности (30 лет), дворяне предъявляли обеску-

раженным крестьянам напомиание об исполнении 29 повинностей¹.

б) Движимое имущество, а попросту говоря, денежные средства, размещенные в высокодоходных предприятиях, обострило проблему правовых запретов, за сохранение которых горой стоял Монтескье. Закон разрешал аристократии заниматься морской торговлей. В 1701 г. вышло разрешение заниматься оптовой торговлей. Разрешалось также иметь в собственности производство стекла (маркиз де Солаж в Кармо), угольные копи и сталелитейное производство (граф де Бюффон в Монбарде), создавать торговые общества (коммандиты) и крупные промышленные предприятия (граф д'Артуа производил жавелевую воду, герцог Орлеанский владел текстильным производством). Королевская власть возвела в дворянское достоинство некоторых владельцев мануфактур, например «текстильных королей» Оберкамфа и Пупара де Нефлиза. По некоторым данным, в конце XVIII в. дворянский капитал, находясь в процессе слияния с капиталом буржуазным, контролировал уже всю тяжелую промышленность. Росло и число дворян-коммерсантов в Бордо, Нанте, Лионе, Сен-Мало, в Ла-Рошеле. Многие из них вели свои дела, занимая пост городского советника или исполняя государственные функции, некоторые —

¹ Последние исследования показали жизнеспособность сеньориальной системы. Ее укрепление в правление Людовика XVI вылилось в восстановлении старых господских прав в эпоху упадка торговли, безработицы и стагнации. В 1789 г. насчитывалось 12 000 дворянских семей (из которых 942 были допущены ко двору начиная с 1732 г.), или около 160 000 человек, которые рассчитывали на сохранение господских прав или хотя бы их части. Это значит, что менее 2% населения владело почти четвертью земель и продавало более трети сельхозпродукции. Посвященная этой проблеме нашумевшая брошюра П.Ф. Бонсера была запрещена решением парламента.

заручившись патентными письмами¹. Такие теоретики, как аббат Койе (1756 г.), требовали для дворянства права свободной торговли — в пику Монтескье и ремесленным цехам.

в) Привилегии дворянского статуса, столь желанные для полудворян, т. е. облагородившихся буржуа — право ношения оружия, привилегии в деревне и церкви, налоговые льготы и монопольные права — были подтверждены. Но и здесь не обошлось без «ярмарки тщеславия», особенно в вопросе о «допуске ко двору», ограниченном Людовиком XV в 1732 г., а в 1750 г. закрепленном только за дворянами, способными предъявить родословную хотя бы с 1400 г. Поэтому до 1789 г. к участию в королевской охоте были допущены только 942 дворянские семьи, ставшие настоящей замкнутой кастой внутри аристократического сословия². Помимо этих барских утех, во имя дворянской «чести» была предпринята попытка воскресить «зов крови» — военные добродетели античности, сохранявшие за дворянством формирование армейских кадров. Шевалье д'Арк так писал о военном дворянстве: военные министры узаконили возведение в дворянский титул высшего офицерства, сохранив при этом режим бла-

¹ См.: *Lévi-Bruhl H.* La noblesse de France et le commerce dans la deuxième moitié du XVIII siècle. RHM, 1938; *Reinhard M.* Elite et noblesse dans la seconde moitié du XVIII siècle // RHMС, t.III, janvier-mars 1956, p.5—37; *Richard G.* Les Corporations et la noblesse commerçante en France au XVIII siècle (d'après les papiers du Conseil de commerce); La noblesse commerçante à Bordeaux et à Nantes au XVIII siècle; A propos de la noblesse commerçante de Lyon au XVIII siècle // Information historique, 19 année, № 5, novembre-décembre 1957, p. 185—188; 20 année, № 5, novembre-décembre 1958, p. 185—190; 21 année, n° 4, septembre-octobre 1959, p. 156—161; *Richard G.* Noblesse d'affaires au XVIIIe siècle. A. Cohn, coll. "U Prisme", 37, 1974.

² Не считая придворных, на которых изливался поток монарших милостей (например семья Полиньяков в правление Людовика XVI).

гоприятствования для молодежи из обедневших дворян, для которой граф д'Аржансон в 1751 г. создал парижскую Военную школу. В 1775 г. эта школа была преобразована графом Сен-Жерменом в Высшую школу для молодых дворян, уже прошедших обучение в 12 военных коллежах под руководством духовенства. По указу маршала де Сегюра от 1781 г., вызвавшему много дискуссий, в кавалерии и инфантерии (а значит, во всех частях, за исключением иностранных корпусов и артиллерии) чин младшего лейтенанта присваивался только молодым дворянам, доказавшим принадлежность к благородному сословию, даже если они не принадлежали к потомственным военным и не обучались в военной школе¹. Точно так же морские министры Шуазель и Кастри открыто оказывали предпочтение «красному» офицерству (т. е. потомственным дворянам) перед «синим» (интендантами и офицерами-писарями). Офицерство шпаги превосходно показало себя на море, но было совершенно некомпетентно в военном управлении.

г) В политическом отношении дворянство хотело восстановить все то, что оно утратило в течение XVII в.: коллективное право контроля и участия в управлении (продолжение деятельности «суверенных палат») и приоритетное назначение на высшие государственные должности. Эта борьба стала основной чертой политической истории столетия. Дворянство одержало победу

¹ См.: *Léonard E.-O.* L'armée et ses problèmes au XVIII siècle. Plon, 1958; *его же.* La question sociale dans l'armée française au XVIII siècle // *Annales ECS*, avril-mai 1948, n 2, p. 135–149; *Barol V.* Dans la marine de l'Ancien Régime: les Rouges et les Bleus // *Information historique*, 15e année, № 4, septembre-octobre 1953, p. 133–141, *Corvisier A.* L'armée française de la fin du XVII siècle au ministère de Choiseul, le soldat. PUF, 1964, 2 vol.; *Chagniot J.* Paris et l'armée au XVIII siècle: étude politique et sociale. Economica, 1985.

после 1750 г. с молчаливого согласия всего королевства. Речь идет не о чиновном дворянстве — членах государственных советов и интендантах (оно появляется только в XVII в.), но новых тенденциях. В правление Людовика XVI 18 архиепископов и 118 епископов, 8000 каноников, а также несколько тысяч монахов и монахинь крупных аббатств являлись выходцами из дворянской среды, тогда как к 1730 г. половина епископов уже принадлежала к буржуазному сословию: Боссюэ, Флешье, Массийон, которые прежде не были бы приняты в эту среду. Если в правление Людовика XIV пост государственного секретаря (высший чин в королевстве) никогда не занимал маршал или герцог, то начиная с середины столетия мы видим на этом посту представителей армии — выходцев из чиновного дворянства (граф д'Аржанкур, маркиз де Поми, маршал де Бель-Иль), а также старую аристократию (Шуазель-Стенвиль и Шуазель-Праслен, д'Агюйон, Сегюр, Кастри, Монморан и т.д.). Накануне 1789 г. все государственные секретари и министры были аристократами, а вследствие стирания иерархии внутри дворянского сословия факт происхождения из знатных придворных семей, министерской или чиновной среды, из «служак» (например Бретей, Ломени де Брийен, Ламуаньон или Вержэн) уже не имел большого значения. (Гораздо пристальнее смотрели на степень «благочестия» или «философской глубины» кандидата.) То, что высшие церковные и государственные должности оказались в руках аристократии, вызвало достаточно сильную негативную реакцию общественного мнения, особенно в буржуазной среде. Для человека 1789 г. «феодальный режим» перестал быть «преданьем старины глубокой», поскольку в политическом, социальном, а часто и в экономическом плане он вновь оказался на виду.

И все же, несмотря на предпринятые усилия, в XVIII в. аристократия на фоне подъема буржуазии была разорена. Это нарушение социального равновесия как нельзя лучше иллюстрирует пример сравнительного изучения Бургундии, проведенного Гастоном Рупнелем. Древний аристократический род Со-Таван, окрепший в XVII в. благодаря брачному союзу с семьей Брюларов, в XVIII в. пришел в полный упадок из-за необходимости чрезмерных трат при дворе. За это же самое время значительно выросло состояние буржуазной семьи Мэрте, представители которой к 1700 г. получили дворянство в Мино и стали советниками в парламенте Дижона. Начиная с 1678 г., три поколения Мэрте, владея 14 крупными фермами и арендными наделами, вели строгий счет — копейка к копейке — своим и господским доходам как денежным, так и натуральным. К последним относились зерно и вино, десятины и подати, древесина (по праву обеспечения топливом), мед из общинных ульев (по праву присвоения остатков) и многое другое, не считая уже таких экзотических вещей, как, например, право «свадебного дара», по которому «молодожены обязаны были приподнести господину в момент выход из церкви под звуки гобоев и бубнов кусок мяса, бутылку вина и каравай хлеба. Последнее осуществление этого права зафиксировано 21 апреля 1789 г.: Франсуа Жирардо и его молодая жена преподнесли своему господину телячью вырезку и пинту вина.

Глава VI

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КОНЕЦ АБСОЛЮТИЗМА

В XVIII в. «старый режим» и те, кто мечтал о его сохранении, натолкнулись на сильное противодействие своим стремлениям обновить его, выработав более эффективные методы управления. Нет никакого смысла в бесконечных дискуссиях о том, кто или что более повинно в том, что разразилась революция: Вольтер, Мария-Антуанетта, Неккер, колебания цен, неурожай или «махинации» герцога Орлеанского. Ясно, что все сыграло свою роль, и причины революции лежали и в сфере интеллектуальной (Даниэль Морне), и социальной, и экономической (Жан Жорес, Альбер Матьес, Жорж Лефевр, Эрнест Лабрусс, Альбер Собуль). Политическая ситуация также стала фактором первостепенной важности. Здесь необходимо вспомнить об опыте налоговых, судебных, административных реформ, направленных против аристократической, сеньориальной и корпоративной оппозиции. Правда и то, что на революцию «сработал» целый комплекс неблагоприятных обстоятельств: плохие погодные условия, экономический кризис и дефицит бюджета, бездеятель-

ный король, право вето привилегированного сословия. Так же верно, что поджигатели замков, разрушители общественных институтов и нападающие на конвои с зерном в июле 1789 г. не читали трудов философов и не нуждались в философском обосновании своих действий. И абсолютно очевидно, что действия тысяч людей абсурдно называть «заговором», как писали о революции многие — от аббата Барруэля до Августина Кошена и Бернара Фая. Это уже не заговор, но спонтанное возмущение, нечто сродни цунами.

1. Государственное устройство в XVIII столетии

Официальная концепция королевской власти оставалась неизменной. В своей знаменитой речи «О самобичевании» (Flagellation), произнесенной из Ложи правосудия Парижского парламента 3 марта 1766 г. Людовик XV говорил: «То, что произошло в моих парламентах в По и Ренне, не касается прочих моих парламентов... Я не потерплю, чтобы в моем королевстве они образовывали бы сообщества... Судейские не составляют ни главного сословия, ни отдельного класса... Суверенная власть заключена лишь только в моей персоне... одному лишь мне безраздельно и безусловно принадлежит законодательная власть... по моей лишь воле чиновники моих судов призваны не создавать, но регистрировать, издавать и исполнять законы...». Слабый король Людовик XVI высказался 19 ноября 1787 г. еще более конкретно: «Это законно, ибо так хочу я». На практике же всемогущество короля оборачивалось фикцией. Власть часто оказывалась в руках министра, а королю

сплошь и рядом не было дела до происходящих в королевстве событий. Людовик XV зачастую оказывался лишь проницательным наблюдателем. Но все же этот неврастеничный и во всем разочаровавшийся король хотя бы изредка проявлял монаршую волю. Апатичный чревоугодник Людовик XVI оказался и вовсе не способен решить проблемы, захлестнувшие государство. Первый был одержим женщинами и охотой, но в то же время выказал твердость при посещении Меца, а также в столкновении лицом к лицу с противником при Фонтенуа (1744–1745). Второй же увлекался охотой, слесарным делом и ублажением своего желудка, а ездил, в основном, по окрестностям королевских резиденций Версаля и Фонтенбло. Своей страны он попросту не знал, в Париже почти не бывал вплоть до 17 июля 1789 года, да и этот визит никак не назовешь добровольным. За все свое правление Людовик XVI совершил лишь три коротких путешествия: в Реймс на коронацию, в Нормандию на открытие Шербургского порта в 1786 г. и... то самое памятное, прерванное в Варенне. Из-за того, что король не был ни вождем нации, ни верховным судьей, монархия стремительно теряла популярность. В итоге единственным сторонником королевской власти остался король.

Однако машина государственного управления¹ не претерпевает видимых изменений. За период с 1715

¹ Кроме уже указанных в главах, посвященных XVII в., работ рекомендуем следующие: Marion M. *Dictionnaire des Institutions de la France aux XVIIe et XVIIIe siècle*. A. Picard, 1923; 3e éd. 1984 (этот словарь все еще сохраняет научную ценность, достойных замен ему пока нет). См. также: Marion M. *Histoire financière de la France depuis 1715*. Burt Franklin/Lenox, 1919–1931, 6 vol.; *D'Arnouville Machault. Étude sur l'histoire du contrôle général des finances de 1749 à 1754*. Hachette, 1891; *Villain J. Le recouvrement des impôts directs sous*

по 1789 г. сменилось только три канцлера: д'Агессо, Ламуаньон де Бланшмениль и Мопу. Фактическая же власть и полномочия канцлера чаще всего дублировались хранителями печати, за исключением времени, когда канцлером был Мопу (1768—1774 гг.). Зато после 1754 г. на высшей должности Генерального контролера сменилось 17 человек, причем ни один из них не обладал большим влиянием, что свидетельствует о серьезных финансовых и политических проблемах всех семнадцати. Примером служебного долголетия может послужить один из четырех Государственных секретарей. Граф де Сен-Флорентен, впоследствии ставший герцогом де Ла Врильером, занимал этот пост с 1725 по 1775 г. Некоторые министры, такие как Морепа (1718—1749), Орри (1730—1745), Машо, граф д'Аржансон (1743—1757), Шуазель (1758—1770) сумели сохранить свои посты на долгие сроки, однако большинство оказывалось в отставке гораздо быстрее. Министерства стремительно разрастались, количество служащих увеличивалось. «Премье-комми» — глава отдела министерства, иногда становился и настоящим руководителем, так, например, случилось с внешнеполитическим ведомством. Военное ведомство и Королевский дом искали способ прибрать к рукам исполнительную власть. В 1763 г. был создан пятый Государственный секретариат, названный просто и изящно — Департамент г-на Бертена, который благополучно исчез вместе с самим г-ном Бертеном в 1780 г. Департамент этот курировал

l'ancien Régime. M. Rivière, 1952; *Guérout J.* La taille dans la région parisienne au XVIIIe siècle // Paris et île-de-France, Mémoires, t. XIII, 1962, p. 145—358; *Touzery M.* L'invention de l'impôt sur le revenu. La taille tarifée, 1715—1789. Comité pour l'Histoire économique et financière de la France, coll. "Histoire économique et financière de la France", 1994.

сельское хозяйство, коневодство, лесное хозяйство, шахты, мануфактуры, торговлю и многое другое. Его возникновение — знак времени, важное свидетельство того, что на первый план вышли экономические проблемы. Департамент должен был облегчить работу Генерального контролера, почти захлебнувшегося в обилии налоговых и бюджетных проблем.

Что же касается королевских советов¹, дело обстояло следующим образом. Наряду с Королевским советом по финансам был создан Королевский совет по торговле (1730—1786), чьи функции во многом совпадали с функциями Торгового бюро (1722—1789). Административно он входил в Государственный совет, и на его интендантов легла большая часть работы. Наряду с Высшим советом (ведавшим отношениями с иностранными державами) был возрожден Совет по депешам, практически упраздненный на закате правления Людовика XIV. Он представлял собой собрание государственных министров (Высший совет) и государственных секретарей с целью оказания помощи Генеральному контролеру, к которому с 1757 г. прикомандировали двух специальных государственных секретарей (Жильбера де Вуазен и Жоли де Флери), так назы-

¹ См.: *Antoine M.* Les Comités de Ministres sous le règne de Louis XV // *Revue historique de Droit français et étranger*, 1951, № 2, p. 193—230; *Le Conseil des Dépêches sous le règne de Louis XV.* t. CXII, 1954, p. 158—208, t. CXIII, 1955, p. 126—181; *Le Conseil du Roi sous le règne de Louis XV* // *Congrès Sc. hist. Rome*, 1955, t. VII; *Les Conseils des Finances sous le règne de Louis XV* // *RHMC*, juillet-septembre 1958, p. 161—200; *Le gouvernement et l'administration sous Louis XV.* Dictionnaire biographique. CNRS, 1978; *Durand Y.* Les fermiers généraux au XVIIIe siècle. PUF, 1971; *Finance et mécénat. Les fermiers généraux au XVIIIe siècle.* Hachette, 1976; *Clinquart J.* Les services extérieurs de la ferme générale à la fin de l'Ancien Régime. L'exemple de la direction des fermes du Hainaut. Comité pour l'Histoire Economique et financière de la France, coll. "Histoire économique et financière de la France", 1996.

ваемых квазиминистров по внутренним делам. Наконец, весьма недалекие умственные способности двух королей подряд побудили к еще одному нововведению: созыву комитетов министров, которые обсуждали важные вопросы в отсутствие монарха. Руководитель правительства (герцог Орлеан, герцог де Бурбон, Флери, Тенсин, Ноель, Берни, Шуазель, Мопу, Мореп, Неккер и т. д.) созывал тот или иной комитет по мере необходимости, чтобы подготовить вопросы для обсуждения в Советах. На заседания комитетов, кроме министров, приглашали и наиболее компетентных государственных секретарей, а также специалистов и чиновников менее высокого ранга (государственных советников, послов, военачальников). При Людовике XVI комитеты «перестали быть просто практикой, но стали ведомством». Многочисленные бюро и комиссии, подразделения Государственного совета координировали взаимосвязанную работу различных ведомств.

Кроме Торгового бюро, в 1716 г. было учреждено Бюро мостов и дорог, которое возглавили влиятельные интенданты д'Ормессон и Трюден. Именно оно под руководством Генерального контролера Орри занялось созданием сети шоссейных дорог Франции. Этот титанический проект подвиг в 1738 г. правительство установить нормы королевской барщины в целях строительства и поддержания дорог в хорошем состоянии. Каждый приход, расположенный возле дороги, должен был построить мастерскую, поступавшую в ведение интенданта финансового округа. Среди самых бедных крестьян прихода отбирались те, кто отработывал на строительстве от 6 до 30—40 дней в году. К 1760 г. в умах экономистов-теоретиков и некоторых интендантов возникла идея учреждения денежного

дорожного налога, но она натолкнулась на тройное вето парламентов, а также некоторых дворян.

В XVIII в. (важный факт!) был выработан современный тип профессионального оплачиваемого чиновника различных публичных служб, которого стали называть старым словом — «приказчик» (*commis*). Он существовал наряду с чиновниками-офицерами и комиссарами, а также с многочисленным техническим персоналом, численность которого все увеличивалась и увеличивалась.

На местах, в провинциях¹, мы видим множество старых институтов власти, которые не только выжили, но и весьма успешно развивались. Однако в течение времени их деятельность выхолащивается, лишается своего значения. Так, в 1772 г. роль сеньориальных судов свелась к формальному рассмотрению дел, которые уже были решены в других органах правосудия. Наоборот, органы городской власти усиливались: всем городам и деревням королевства было предписано создать выборные мэрии, причем выборы на основании указа от 23 июня 1787 г., возобновившего действие указа 1764 г., отмененного в 1771 г., осуществлялись на основе имущественного ценза. Платные должности городских чиновников при этом сохранялись. Наконец, были предприняты попытки создания новых институтов управления: муниципалитетов (по проекту Тюрго и Дюпона де Немура) в 1776 г. и провинциальных ассамблей, обладавших консультативными и административными полномочиями. Послед-

¹ См.: *Bordes M.* L'administration provinciale et municipale en France au XVIII siècle. SEDES, coll. "Regards sur l'Histoire", № 18, 1973; *Meyer J.* Intendants // *Encyclopaedia Universalis*, t. VIII; *Emmanuelli F.-X.* Un mythe de l'absolutisme bourbonien. p. 79, n. 1; *Olivier-Martin F.* L'administration provinciale à la fin de l'Ancien Régime. Loysel, 1988.

ние были учреждены в 1778 г. в некоторых провинциях (Берри, Верхняя Гиень, Дофине, Бурбоне), а в июне-июле 1787 г. распространились по всему королевству. В такую ассамблею выбирали 48 нотаблей, главной функцией которых стало утверждение и распределение прямого налога. Обладатели привилегий встретили эти ассамблеи настороженно и враждебно: они стремились к расширению полномочий провинциальных «штатов», в которых заседали представители трех сословий.

На практике местное управление все больше и больше сосредоточивалось в руках 33 интендантов (по 34 финансовым округам, Тулуза и Монпелье образовывали единое Лангедокское интендантство)¹ и их уполномоченных. Интендант мог назначить уполномоченного по выборному округу или бальяжу. Интендант — око короля в провинции — брал в свои руки всю власть. Будучи изначально посланником, обеспечивающим надзор центральной власти за делами в провинции, интендант после 1750 г. превращается в просвещенного управленца, благодетеля и защитника провинции. Однако кое-что здесь нуждается в уточнении². Жизнь провинции была не настолько простой: в ней привыкли уже к представительству дворян и крупных собственников в администрации и в консультативных органах. При таких обстоятельствах интен-

¹ См.: *Arbello G., Goubert J.-P., Palazot Y., Mallet J. Carte des généralités, subdélégations et élections en France à la veille de la Révolution de 1789.* CNRS, 1986.

² См.: *Bordes M. Les intendants de Louis XV // Revue historique, t. CCXXIII, janvier-mars 1960, p. 45–62; D'Eligny et l'administration de l'intendance d'Auch (1751–1767).* Auch, Imprimerie F. Cacharaux, 1957, 2 vol.; *Une grande circonscription administrative du XVIII siècle: l'intendance d'Auch // Information historique, 24e année, № 1, janvier-février 1962, p. 1–15; Les intendants éclairés de la fin de l'Ancien Régime // RHES, № 1, 1961; Dumas F. La généralité de Tours et l'intendant du Cluzel*

дант сталкивался с противостоянием провинциальной знати оппозиционно настроенной по отношению к централизаторской политике Версаля, а также с парламентами и «штатами» — цитаделями «феодальной» реакции, оплотами центробежных настроений. Идеал дворянства в 1789 г. представлял собой местную автономию с самоуправлением по английскому типу. Между тем приходилось сотрудничать с интендантом, входить к нему в доверие и т. д.

Интендант на территории выборного округа был всемогущ. Его власть ограничивали только парламент, «штаты» (в Рене, Тулузе, По, Дижоне и т. д.) или же наличие генерал-лейтенанта, «главнокомандующего» провинции, которому Шуазель попытался в свое время придать роль губернатора (д'Эгийон в Ренне, Фиц-Джеймс в Тулузе). Отношения между интендантами и генерал-лейтенантами были всегда очень настороженными, часто случались прямые столкновения. Отметим, что все интенданты использовали одни и те же методы в решении вопросов, связанных с дорогами,

(1766—1783). Hachette, 1894; *Lhéritier M.* Tourny 1695—1760. Alcan, 1920, 2 vol.; *Guérin L.* L' intendant de Cypierre et la vie économique de l'Orléanais (1760—1785). Mayenne, Impr. Floch, 1938; *Dartigue-Peyrou Ch.* Dupré de Saint-Maur et le problème des corvées. Le conflit entre le Parlement de Bordeaux et l'intendant de Guyenne (1776—1785). Mont-de-Marsan, éd. Jean Lacoste, 1936; *Vallez J.-M.* La généralité d'Alençon. Thèse, Caen, 1971; *Renouvin P.* Les Assemblées provinciales de 1787. Origines, développement, résultats. A. Picard et J. Gabalda, 1921; *Piquard M.* L'intendant Lacore // *Annales de Franche-Comté*, 1946; *Fréville H.* L'intendance de Bretagne (1689—1790). Rennes, Plihon, 1953, 3 vol.; *Phyllis J. Kisliakoff N., Spitteri H., Frêche G.* Les questions administratives dans la France du XVIII siècle. PUF, coll. "Publications de l'Université de Paris", 1965; *Lebrun F.* Les intendants de Tours et d'Orléans aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Annales de Bretagne*, 1971; *Emmanuelli F.-X.* Pouvoir royal et vie régionale en Provence au déclin de la monarchie: psychologie, pratiques administratives, défrancisation de l'intendance d'Aix, 1745—1790 (Lille, Université de Lille, 1974, 2 vol.; *Derlange M.* Les communautés d'habitants en Provence. Nice, 1979.

сельским хозяйством или промышленностью. Эти методы предписывались им правительственными директивами (например инструкции интенданта финансов д'Ормессона и министра Бертена по сельскому хозяйству). Их просвещенные инициативы не могли воплотиться в жизнь без поддержки центральной власти, так же как и их пошаговые планы, призванные решить вопрос о том, какую талью лучше ввести — «тарифицированную» или «пропорциональную» (Триден в Оверни, Турни и Тюрго в Лимузене, Бертье де Совиньи в Иль-де-Франсе). Закономерно возникает вопрос: а что, в сущности, было такое — всемогущий интендант, одновременно и «человек короля», и «человек провинции»? Да, такими были Орри и Машо, в 1730—1757 гг. твердой рукой державшие власть. Полностью полномочия интенданта исползовал и Турни, правивший в Бордо до 1757 г. Интендантам, впрочем, как и министрам, приходилось искусно лавировать между аристократами, которые оказывали им глухое сопротивление, и парламентами, которые в эпоху Шуазеля и Людовика XVI наносили их власти чувствительные удары. В правление последнего монарха административные функции интендантов были существенно сокращены: парламенты, провинциальные «штаты», а иногда и только что образованные провинциальные ассамблеи вырывали у них из рук власть.

Перемены в политической системе, произошедшие в XVIII столетии, демонстрируют, что министерский деспотизм становился все более и более «просвещенным». Правительство пыталось решить финансовые, экономические и социальные проблемы, предпринимая попытки структурных реформ, которые расшатали режим, спровоцировав акты сопротивления. Таким образом, сама эволюция институтов власти подтолк-

нула конституционный кризис, начавшийся с 1750-х гг. с противостояния короны и аристократии.

Семь лет регентства стали своеобразной интермеди-ей, временем ослабления реакции (религиозное свободомыслие аристократов, янсенизм, тесные связи с Англией). Регентство стало и временем новаций (система Лоу, подтолкнувшая экономический рост). Однако регент и Дюбуа совершают полный цикл и начиная с 1720 г. возвращаются к системе Людовика XIV: страна вновь наводнена иезуитами, финансисты получают широкие полномочия, двор переезжает в Версаль. Около 1720 г. намечается разрыв между институтами власти и жадной обновления, которая царит в умах, между изолированным от общества королем и нацией. 20 лет относительного спокойствия, обеспеченного административным деспотизмом Флери, совпали со стабильной финансовой ситуацией, возобновлением фазы А (роста) и первыми крупными свершениями (создание сети дорог, упорядочение налогов). Однако следующие 20 лет — эпоха маркизы де Помпадур, стали временем потрясений: возобновление внешних войн, всевластие Финансового ведомства, первые атаки Машо на привилегированные сословия (1749). Вялый король пытался балансировать на острие противоречий между епископами и парламентами, между нуждами бюджета и привилегиями, между терпимостью и запретами. 12 лет деятельности Шуазеля (1758—1770) отмечены как «золотым веком» в экономике, так и отказом от жестких мер. Правительство пускает все на самотек и, можно даже сказать, капитулирует перед дворянством. После второй атаки на привилегии, предпринятой Мопу-Терреем, дворянство мантии было сокрушено и стало очевидно возвращение авторитарных методов управления. Все такой же вялый Людовик XVI в обстановке полного

хаоса кидается из крайности в крайность: то становится просвещенным деспотом (1774—1781 и 1787—1788), то делает уступки привилегированным (1776, 1781, 1787 и 1788), то взывает к обществу (1786—1787—1788).

2. Финальный кризис при Людовике XVI¹

Фаза А (процветания) закончилась, наступил период экономических катастроф, длившийся десять лет — с 1778 по 1787 гг. Пышность и блеск правления Людовика XV, кульминация которого пришлась на эпоху Шуазеля, сменились «упадком» Людовика XVI — короля-неудачника, не преуспевшего ни в чем. Король стал жертвой изменившейся ситуации, конъюнктуры. Почему же это произошло?

Как и в каждой экономике старого типа, в 1778 г. во Франции очень многое зависело от сельского хозяйства, а оно, в свою очередь, от климатических условий. В то время, когда Франция ввязалась в войну с США, хорошая погода способствовала огромному урожаю винограда, вино не находило сбыта и цены на него упали. Между тем этот продукт чаще всего был для крестьянина единственным излишком производства, который можно было продать или обменять. Боль-

¹ См. книги П. Жоллит С.-Ж. Жину о Тюрго. См. также: *Faure E.* La disgrâce de Turgot, 12 mai 1776. Gallimard, coll. "Trente Journées qui ont fait la France". № 16, 1961; *Godechot J.* La prise de la Bastille, 14 juillet 1789. Gallimard, coll. "Trente Journées qui ont fait la France", № 17, 1965; *Soboul A.* La civilisation et la Révolution française, t.1: La crise de l'Ancien Régime. Artaud, coll. "Les Grandes Civilisations", 1970; *Vovelle M.* La chute de la Monarchie (1787—1792). Le Seuil, coll. "Nouvelle Histoire de la France contemporaine", t. 1, 1972; *Egret J.* Necker, ministre de Louis XVI. Honoré Champion, 1975; *Bertaud J.-P.* Les origines de la Révolution française. PUF, coll. "Documents Clio", № 9, 1971.

шинство мелких арендаторов и зеплепашцев постра-дали очень сильно и перестали покупать продукцию городских мануфактур. В 1785 г. из-за засухи резко снизилось поголовье скота и, кроме этого, упали цены на зерно нового урожая. В результате опять сократи-лась покупательная способность деревенских жите-лей, составлявших основную массу потребителей, и, как следствие, мы видим упадок промышленного про-изводства, который рикошетом ударил по горожанам, многие из которых лишились работы. В 1786 г. Калонн заключил с Лондоном Эден-Райневальский договор, ставя целью экспортировать излишки зерна. По этому договору предполагался обмен французского зерна и вина на английские ткани и сталь. Наверное, нельзя говорить, что именно этот документ стал главной при-чиной промышленного упадка. В то же время очевид-но, что он спровоцировал его: французская деревня с крестьянским ремесленным производством не могла конкурировать с английскими товарами. Деревня и город оказались в трудной ситуации. Положение ра-бочих и промышленников ухудшалось. В этой среде будущих «якобинцев» и революционных «патриотов» зрела воинствующая англофобия. По их мнению, во всем виноваты англичане. Кроме того, с 1786 г. начал-ся цикл роста цен, тогда как денег в обращении ката-строфически не хватало.

В дополнение ко всему 1787 год был отмечен про-ливными дождями. 1788 год, напротив, отличился не-обычной засухой, закончившейся сильными бурями и градом. После двух лет голода и неудержимого роста цен на зерно и хлеб, зима 1788—1789 гг. стала настоя-щим бедствием. Жуткие холода вызвали в памяти кар-тины Страшной зимы 1709 г.: реки оказались скованы льдом, водный транспорт был блокирован, прекрати-

ли работать мельницы. В 1788 г. отчаявшиеся крестьяне принялись сколачивать шайки разбойников, которые, кочуя с места на место, грабили лавки, склады зерна, конвои с мукой и хлебом. Осенью 1788 г. Неккер приказал сделать запасы зерна. О свободной его продаже, как во времена Калонна, не могло быть речи. Повсюду царили разорение, безработица, неурожай, голод. И именно в этот момент происходит конфликт аристократии и буржуазии — 25 сентября 1788 г. парламент требует созвать Генеральные Штаты «по форме 1614 года», т. е. без удвоения представительства третьего сословия. Доверие к парламенту моментально рухнуло. Против привилегированных сформировался блок третьего сословия, объединивший как крупную буржуазию, так и мелкое крестьянство. В 1789 г. сложности в сельском хозяйстве обострились еще больше, несмотря на эйфорию после избрания Штатов. 14 июля в Париже и последовавшие за этим две недели Великого Страха в провинциях пришлись как раз на апогей нехватки хлеба накануне жатвы. Страх испытывала буржуазия — перед банкротством, народным бунтом и притеснениями со стороны двора. Страх испытывал народ — перед голодом, войсками и заговором аристократов. Страх испытывала армия — перед необходимостью обратить оружие против сограждан. И все повсеместно боялись разбойников. Все эти страхи и породили ночь на 4 августа — Ночь Равенства, сокрушившую социальные основы «старого режима».

Тем временем на циклический рост цен при тотальной безработице наложился сезонный рост цен на хлеб. Общеизвестна роль, которую сыграл этот продукт питания во время марша парижан на Версаль 5 октября и при голосовании по военному закону от 21 октября 1789 г. И вот уже в противовес буржуазии,

ратовавшей за экономическую свободу, народ требует реквизиции зерна и контроля за ценами. А это уже слова из революционного лексикона...

3. Почему 1789 год?

Революция была:

1) *Подготовлена* в умах просвещенной части буржуазии, дворянства и духовенства философской пропагандой и критикой устаревших государственных институтов. Например, Мирабо указывал на национальную нестабильность Франции, называя ее «непостоянной совокупностью разъединенных народов». Этой сентенции Мирабо вторит остроумная шутка Вольтера: «На почтовой станции, меняя лошадей, меняем и законы»¹. В воздухе носилось стремление к единству, а позднее и к неделимости в противовес партикуляризму и сепаратизму, окрещенным в 1793 г. федерализмом. Но в 1789 г. под словом «федерация» понимали братский и добровольный союз провинций.

Образ мыслей людей XVIII столетия основывался на трех «китах»: Монтескье, провозгласившем разделение трех ветвей власти², без которого не может быть реальной конституции; Мабли, провозгласившем приоритет законодательной власти представителей народа над исполнительной, и Кондорсе, введшем в обиход следующие идеалы: равенство в правах, гражданская свобода,

¹ См.: *Mornet D.* Les origines intellectuelles de la Révolution française. 1715—1787. A. Colin, 1933, nouv. éd. préfacée par R. Pomeau, 1947; Manufacture, coll. «L'Histoire partagée», 1989.

² См.: *Ehrard J.* Politique de Montesquieu. A. Colin, coll. «U», 1965; *Althusser L.* Montesquieu, la politique et l'histoire. PUF, coll. «Quadrige», № 12, 3e éd., 1992; *Goyard-Fabre S.* Montesquieu, la nature, les lois de la liberté. PUF, coll. «Fondements de la politique», 1993.

суверенитет и единство нации, религиозная терпимость, вера в прогресс человечества. Он же свел кредо патриота к триаде: суверенная нация, закон — выражение «общего мнения» нации, король — первый чиновник на службе общества и хранитель закона. Таково было новое «евангелие», популярность которого подкреплял пример недавно обретенной свободы Северо-Американских Штатов. Однако французские патриоты не были демократами в истинном значении этого слова. Нация понималась ими как просвещенная, образованная и богатая часть народа. Кондорсе, как и Тюрго, считал активными гражданами только собственников, потому что они могли получать образование и были заинтересованы в процветании государства. Англomаны же (так вскоре стали называть монархистов) желали создать двухпалатную парламентскую систему, причем в верхней палате должно было заседать поместное дворянство, а в нижней — либеральные капиталисты. Эти мнения высказывали Клермон-Тоннер, Лалли-Толендаль, гренобльский адвокат Мунье и окружение герцога Орлеанского. Большинство же, во главе с Лафайетом, Мирабо, Сиесом, Кондорсе, вдохновленные идеями личной свободы и национальной независимости, считали необходимым учредить для единой нации только одну Ассамблею, без штатов провинциальных дворян.

2) *Спровоцирована* острым экономическим и социальным кризисом 1787—1789 гг. Продовольственный и экономический кризис наложился на финансовый крах государства, а также на кризис идеологии. Не следует преувеличивать интеллектуальные и политические причины резкого народного возмущения: это хорошо демонстрируется следующим примером. Очевидец событий швейцарский журналист Малле

дю Пан писал: «О короле, деспотии и конституции говорят со второго или третьего захода: это война между третьим и двумя другими сословиями». В действительности, конечно, экономически были ослаблены все три сословия, кризис затронул каждое из них.

3) *Спровоцирована* призывом Генеральных Штатов, что придало ей особую окраску. Причина призыва коренится в двух важных обстоятельствах:

а) Хронический дефицит бюджета (125 миллионов в 1789 г.). Камиль Демулен шутливо восклицал по этому поводу: «Благословенный дефицит! Ты стал сокровищем нации!»;

б) Резкое выступление дворянства в 1787 г. против уравнивания налогов, меры, имевшей целью погасить огромный долг в 300 миллионов (разделив на 26 миллионов живших тогда французов, получим около 11 ливров с каждого!). Дворянство, объединившись в Версале с провинциальными штатами, парламентами и, наконец, в июне 1788 г. с Ассамблеей духовенства, заблокировало принятие закона. Шатобриан заметил: «Самые сильные удары были нанесены государству дворянами. Патриции начинают Революцию»¹.

Все проблемы — финансовые, налоговые, политические, экономические, социальные — обострились одновременно. Правительство же, из последних сил пытаясь то там, то здесь тушить очаги возмущения, не смогло предложить ни одного выхода из создав-

¹ См.: *Egret J.* La pré-Révolution française (1787–1788). PUF, 1962; Slatkine, nouv. éd., 1978; *Soboul A.* La France à la veille de la Révolution, I: Economie et société. SEDES, 1966; *Méthivier H.* La fin de l' Ancien Régime. PUF. coll. "Que sais-je?", № 1411, 1970, 8e éd., 1996; *Hincker F.* Les Français devant l'impôt sous l'Ancien Régime. Flammarion, coll. "Questions d'histoire", № 22, 1971; *Suratteau J.-R.* La Révolution française: certitudes et controverses. PUF, coll. "Documents Clio", № 58, 1973.

шегося положения. У руля стояли Людовик XVI и Неккер. Король был безволен, недальновиден и не способен как в силу воспитания, так и по природным задаткам, понять всю мощь народной жажды обновления его закостеневшего режима. Он искренне считал своих подданных заблудшими овцами и готов был «раскрыть перед ними свои отцовские объятия», дабы они вернулись домой. Революция казалась ему всего лишь бунтом, проявлением своеволия со стороны подданных: он не мог измениться, превратиться в «короля-гражданина» и сотрудничать с представителями своих подданных. Неккер — честный министр и филантроп — был одержим мечтой о собственной популярности. Он, скорее, был банкиром, а не государственным чиновником и думал больше о кредитах, чем о реформах. 27 декабря 1788 г. он, несмотря на сопротивление принцев крови и дворян, согласился на удвоение представительства третьего сословия (по существовавшему уже образцу «штатов» Лангедока и нескольких провинциальных ассамблей) в будущих Генеральных Штатах. В то же время Неккер не смог предложить никакой конструктивной программы, выработать приемлемую для всех сословий точку зрения на насущные проблемы страны. Штаты собрались «впустую»: никакой программы действий не было вынесено на обсуждение. Более того, их созыв изначально был обречен на поражение из-за сохранения старой системы голосования по сословному принципу. Хотя некоторые дворяне и не возражали против равного налогообложения, то, что Неккер предложил 23 июня 1789 г., уже после принятия решения о созыве Национальной Ассамблеи и клятвы в Зале для игры в мяч, было воспринято как нечто явно недостаточное, почти смехо-

творное. Штаты и заполнили образовавшуюся в результате королевского бездействия пустоту, по-революционному решив национальные проблемы. 9 июля Ассамблея провозглашает Конституанту — уже в самом слове оказалась заложена идея независимости народных представителей от короля, ибо нет ничего выше конституционной власти, а король — только первая из ее ветвей. Ассамблея сумела подавить последнюю попытку «старого режима» сохранить порядок вещей (отставка Неккера и мобилизация армии) — в Париже и в большинстве провинций армия была нейтрализована. Повсюду в стране власть сосредоточивалась в руках муниципалитетов, избранных буржуа и зажиточными крестьянами при поддержке национальной гвардии.

Людовик XVI тянул время. До ноября откладывал подписание декретов от 5—11 августа и Декларации прав человека от 26 августа. Он надеялся выиграть, ведя двойную игру, которая завершилась для него фатально: он потерял все. Роялист Ривароль констатировал это: «Когда хочешь не допустить ужасов революции, надобно совершить ее самому; она была так нужна во Франции, что стала неминуемой». Этот пронизательный противник революции заранее ответил большинству авторов XIX—XX вв. Его политический оппонент, собрат по перу и остроумию — Николя Шамфор говорил тем, кто сомневался: «Придворные и те, кто живет в чудовищных преступлениях, раздрающих Францию, не смолкая твердят, что можно было изменить сами преступления и не уничтожать то, что уничтожили. Они бы предпочли, чтобы Авгиевы конюшни вычистили при помощи метелки из перьев!». Сатирические удары наносил его язвительный язык и по буржуа, ставшим вдруг самыми важными в

государстве¹: «Знатные люди, говорит знать, — это посредник между королем и народом..., да, как охотничий пес между охотником и зайцем» или же: «необходимость быть дворянином, чтобы стать капитаном корабля, настолько же разумна, насколько необходимость быть королевским секретарем, чтобы стать матросом».

Уже упомянутый нами Шамфор отметил и описал самую страшную язву, разъедавшую Францию, в письме от 15 декабря 1788 г. к своему другу, придворному Луи де Водрейлю, с которым искренне не соглашается по важнейшим вопросам: «О чем идет речь? О тяжбе между 24 миллионами людей и 700 000 привилегированных. Вы полагаете, что это атака на Вас лично? Вовсе нет. Великая нация может возвыситься над собой несколько почитаемых семей, она может отдавать почести по старым образцам, но, по совести, может ли она вынести 700 000 получивших дворянство, которые в том что касается налогов, имеют те же права, что семья Монморанси и самые древние французские рыцарские рода? Не считаете ли Вы, что необходимо отменить этот чудовищный порядок, с тем чтобы все мы — дуровенство, дворянство и третье сословие — гибли бы в равных условиях? Доходят до того, что говорят о демократии. Демократия! В стране, где у народа нет и самой малой части исполнительной власти! В стране, где королевская власть не встречает иных трудностей, кроме как от той части своего тела, члены которой сплошь дворяне или с пожалованным дворянством...

¹ Экономическое процветание буржуазии тормозилось ее ущемлением в правах, причем не только в теории, но и на практике: юный Барнав на всю жизнь запомнит унижение, когда в гренобльском театре его матери пришлось уступить место дворянину. Это был огромный удар по самолюбию.

Я опасаясь за будущее!». И добавляет: «На все население в 25 миллионов человек у нас 5 миллионов бедняков в самом страшном значении слова, то есть нищих, готовых просить милостыню¹. Когда болезнь достигает таких стадий, все социальное здание шатается и повышается риск его обрушения... вот чего не хотят замечать те, кто до сих пор писал о народе».

Остается много вопросов, до сих пор вызывающих споры, быть может, из-за того, что они не слишком важны или же нечетко сформулированы:

1. Почему потерпел крах просвещенный деспотизм? Помимо сопротивления блока привилегированных, он встретился с оппозицией просвещенного общественного мнения социальной элиты (салоны, академии, клубы, пресса), мало склонной к одобрению решений абсолютной власти. Уже отмечалось, что эффективность просвещенного деспотизма напрямую зависит от слабости общественного мнения. Типичные примеры тому — Пруссия, Россия, Австрия, Италия, Испания². Во Франции же заключение в тюрьму автора становилось залогом успеха книги, а смертная казнь окружала человека ореолом славы. В правление Людовика XVI мы наблюдаем настоящую волну критических публикаций, выходявших с молчаливого согласия Неккера. Именно на этой волне родилась слава аббата Сиеса с его «Опытом о привилегиях» и громким «Что такое третье сословие? Все мы...» (де-

¹ В 1789 г. на 650 000 парижан, по данным полиции, приходилось 100 000 неимущих самых разных категорий.

² Во Франции итог был скромным: упразднение барщины (1776—1787), ликвидация отработок в королевском домене (1779), отмена предварительного допроса (1780), отмена дорожной пошлины с евреев (1784), утверждение гражданских прав протестантов (1787), введение провинциальных ассамблей и муниципалитетов (1787).

виз, возможно, наваян Шамфором). А быстрое распространение государственных наказов, «завещаний старой Франции»? Написанные в приходах, они чаще всего представляли собой собрание весьма наивных требований, что следует уничтожить в управлении. Те, что написаны в бальяжах, более интеллектуальны и «буржуазны»: в них чаще всего описывается то, необходимость чего действительно назрела¹. Между классами растут разногласия, но их объединяет одно: все желают быть не подданными, но гражданами, и это, как отмечает, например духовенство и дворянство Турени, есть самое ценное качество. Вся страна бурлила в ожидании структурных реформ, в ожидании «национального обновления»... Королевская же власть в этом не была заинтересована. В итоге, при общем почтении к законам, концепция королевской власти как единственной исполнительной претерпевала изменения. О республике, в сущности, мало кто думал. Провозглашение республики возникло как крайняя мера, когда народ увидел груженную скарбом карету короля при попытке бегства в Варенн. Революцию подталкивали страсти и желание получить выгоду, но никак не идеи теоретиков.

2. Была это революция богатых или бедноты? На этот вопрос можно ответить по-разному, но ответы не исключают, а скорее дополняют друг друга. Для Жана Жореса и Альбера Матиеса революция зародилась в среде набирающей вес буржуазии, представлявшей собой реальную силу. Буржуазия занималась производством, богатела изо дня в день и все активнее формировала оппозицию привилегированным классам, которые по закону стояли выше ее и держали в руках

¹ См.: *Robin R. La Société en 1789: Semur-en-Auxois. Plon. 1970.*

все государство. Объем внешней торговли Франции в 1787 г. достиг 1153 млн ливоров, догнав Англию. «Революция разразилась в цветущей стране, на пике ее развития. Беднота, которая затевает бунты, не может спровоцировать великие социальные изменения» (Маттес). «Нарушение равновесия классов» оказалось самым существенным обстоятельством. Мы видим бедное Государство в богатой Франции, богатой своим производственным и финансовым потенциалом.

По мнению Жюль Мишле, так же как и Жоржа Лефевра и Эрнеста Лабрусс, главной движущей силой революции оказывается беднота, однако с некоторыми уточнениями: финальный кризис стал еще болезненнее в силу того, что он последовал за длительным периодом процветания, бурного роста экономики.

Инфляция людей корреспондируется с инфляцией денег. Как писал Эрнест Лабрусс, первые составили толпы, наносившие основные удары в течение революционных дней. Городские безработные, пролетарии 14 июля, ремесленники, будущие санкюлоты 17 июля 1791 г., 20 июня, 10 августа 1792 г., 31 мая 1793 г., земледельцы или арендаторы, которые сразу атаковали общинные мельницы, голубятни и охотничьи угодья, псарни и все, что было «по старому праву». Вторые составили основу революции — укреплением позиций буржуазии, зарабатывавшей и требовавшей уважения. Эрнест Лабрусс назвал буржуазию «социально ущемленной»: в обществе она занимала все более прочное положение, но в юридических правах оставалась ущемлена. Чем же явилась ночь 4 августа? Хотя ее сценарий и был написан классом собственников, она стала чем-то вроде спички в национальном пожаре: отменить персональные ограничения, чтобы попытаться спасти остальное — реальные ограничения, объявив их

компенсированными. Вот почему многие назвали Революцию незавершенной. Она оставила пустое пространство, провозгласив равенство прав¹. Это была буржуазная революция, добавляет Альбер Собуль, «но с крестьянским ядром и при народной поддержке».

3. Ознаменовал ли 1789 г. разрыв с прошлым? Токвиль отмечал, что революция продолжила ряд начинавший монархии — прежде всего национальное объединение и унификацию страны. Это станет основной задачей Комитета общественного спасения. Тэн со своим странным, не всегда понятным рационализмом видел в революции продукт разума XVII столетия, не объясняя при этом, почему упорядоченный разум с его стремлением к гармонии, конструктивный в XVII веке, превратился в деструктивную силу в веке следующем.

Очевидно, что общество «старого режима» само создало революцию, что поколение, которое назвали революционным, — продукт «старого порядка», от Талейрана до Бабефа. В той же самой степени революция — детище либерально настроенных аристократов, таких как Лафайет, Мирабо, д'Эгийон, братья Ламет, Дюпон, а также многих аббатов, таких как выходец из Прованса Сиес, Жале из Пуату или Грегуар, родившийся в Лотарингии. Она — детище практикующих юристов, твердо стоявших на земле, а не витавших в облаках, таких как Мерлен из Дуэ, Робеспьер из Арраса, Камбасер из Монпелье, Туре из Руана, Ле Шапелье из Ренна, Дантон из Арсиюр-Об, Барнав из Гренобля, Тарже из Парижа, Петион из Шартра, Бюзо из Эврё. Вспомним и выход-

¹ См.: *Garaud M.* La Révolution et l'égalité civile. Recueil Sirey, 1953; *его же.* La Révolution et la propriété foncière (Recueil Sirey, 1959).

ца из Лотарингии Франсуа Ле Нефшато, бургундца Карно, овернца Кутона, родившегося в Нанте Фуше, выходца из Нима Рабо-Сен-Этьена, Жанбона Сен-Андре из Монталбане, корсиканцев Салисети и Бонапарта, а также адвокатов-романтиков из Бордо. Все эти люди сформировались до революции, до 1789 г., и стали ее главными действующими лицами. За ними последовала Франция, объединившись в общем порыве.

Но можно ли говорить о разрыве? Все наши герои в той или иной степени почувствовали его. Для человека 1789 г. причины революции были очевидны: французский народ восстал против тирании и разбил ее оковы. Быть «патриотом» означало желать обновления нации, а следовательно, порвать со «средневековым». 15 июня 1789 г. Барер заявил депутатам Генеральных Штатов в первом номере своей газеты «Le Point du Jour»: «Вы призваны начать историю заново...». И члены Конституанты (само название свидетельствует о том, что они желали начать с нуля, с «чистого листа») провозгласили этот разрыв с многовековым прошлым следующей ритмически выстроенной фразой из преамбулы к Конституции 1791 г.: «Больше нет ни дворянства, ни пэров, ни различий по рождению, ни различий по классу, ни феодального строя, ни родовых законов, ни какого рыцарского класса... никакого другого превосходства, кроме того, которым обладает чиновник при исполнении своих функций... больше нет ни продажи, ни наследования никаких должностей; больше нет ни для какой части нации, ни для какого индивидуума никакой привилегии, никакого исключения в правах, общих для всех французов... больше нет ни глав, ни профессиональных корпораций...». Больше нет ничего, что ущемляет «свобо-

ду и равенство прав», ибо на смену «свободам» (т.е. коллективным привилегиям) приходит Свобода, прежде всего абсолютная свобода личности. Теперь есть только добрая воля индивидов, теоретически равных в своих правах, «песчинок», по замечанию Наполеона. На смену «старому порядку» с его общинными, корпоративными и иерархичными структурами приходит Современная Франция с идеями равенства и личной свободы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I	
Социально-экономическая структура Франции XVI века ..	15
Глава II	
Франция в XVI веке: политическая структура	52
Глава III	
Экономические и социальный кризисы «великого века» ..	93
Глава IV	
Политические силы «великого века»	119
Глава V	
Кризис социальной системы абсолютизма в XVIII веке ..	139
Глава VI	
Политический кризис и конец абсолютизма	166

Научно-популярное издание

Метивье Ю.

**ФРАНЦИЯ В XVI–XVIII ВВ.
ОТ ФРАНЦИСКА I ДО ЛЮДОВИКА XV**

Редактор *А.Ю. Голосовская*
Технический редактор *Н.И. Духанина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д.3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

*Университетская библиотека —
это серия книг для высших учебных заведений
по всем основным областям знаний.
Все книги серии написаны ведущими
специалистами в своих областях*

В период с XVI по XVIII в. монархия во Франции достигла высшей точки своего развития; власть короля стала абсолютной. Именно в это время, которое сами французы называют «старым режимом», потому что он непосредственно предшествовал Великой революции, вызрели и капиталистическая экономика, и бюрократическая государственная система, и социальные отношения нового типа. На огромном фактическом материале автор анализирует экономические, политические и социальные аспекты абсолютизма, показывает, как и почему они привели к мощнейшему революционному слому.

ЮБЕР МЕТИВЬЕ ведущий специалист
Инструксьон Пюблик

ИНН:4502016636 ООО "Меридиан-АСТ"

Ун. биб. Франция в XVI-XVIII вв.

Цена:56р.00к.

9785170257003 27.06.05

9785170257003